

Crazyoptimistka



18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Обещай, что навечно...

Crazyoptimistka

Обещай, что навечно...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67407452

SelfPub; 2022

Аннотация

Тук...тук... тук *биение сердца* А ведь эта история могла бы стать одной из тех, которую бы захотели экранизировать.

Тук... тук...тук *биение сердца* Да только нам казалось, что мы оба не годимся на главные роли в романах друг друга.

Тук..тук *биение сердца* Мне казалось, что я уже ни на что не годен.

Тук...тук *биение сердца* Мне казалось, что я уже не стану счастливой.

Тук...тук *биение сердца* Но, давай пообещаем друг другу, что любое чувство между нами останется, как можно дольше.

Тук...тук...*биение сердца* Навечно?

Тук.. Навечно...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

1. Аарон	5
2. Аарон	10
3. Аллегра	18
4. Аллегра	27
5. Аарон	33
6. Аарон	40
7. Аллегра	46
8. Аллегра	52
9. Аарон	60
10. Аарон	66
11. Аллегра	77
12. Аллегра	84
13. Аарон	91
14. Аарон	100
15. Аллегра	106
16. Аллегра	111
17. Аарон	120
18. Аарон	127
19. Аллегра	131
20. Аллегра	137
21. Аллегра	145
22. Аарон	149
23. Аарон	154

24. Аллегра	159
25. Аллегра	165
26. Аллегра	170
27. Аарон	177
28. Аарон	182
29. Аарон	189
30. Аллегра	196
31. Аарон	207
32. Аллегра	214
33 . Аллегра	225
34. Аллегра	229

Crazyoptimistka

Обещай, что навечно...

1. Аарон

– Сынок, – мама осторожно заглядывает в комнату, – ты готов?

– Да, осталось только галстук завязать, – киваю в ответ и снова перевожу взгляд на свое отражение в зеркале.

Но мама не уходит и мнетя на пороге. Я ее очень люблю, но эта гиперопека откровенно говоря достала. Да, я понимаю, что после всего случившегося наша и, в частности, моя жизнь уже не будут прежними. И что ей попросту страшно за меня, я тоже понимаю. Хотя последнее время только и делаю, что успокаиваю ее. Но сколько можно? Неужели нельзя просто сделать вид, что все в относительном порядке?

– Давай, помогу, – мама видит, как я нервно дергаю галстук, который все никак не хотел завязываться нормальным узлом.

В ее руках кусок полосатой ткани мгновенно принимает должный вид, но она не спешит отпустить меня. То и дело смахивает невидимые пылинки с пиджака, попутно перемещаясь к моим волосам и обратно.

– Мам, что не так? – не выдерживаю и перехватываю ее

ладонь. – Твое беспокойство очень ощутимо. И оно начинает передаваться мне.

– Ты уверен в своем решении? – озвучивает она то, что держит ее в напряжении последнее время.

– Да.

– Аарон, милый, тебе необязательно...

– Нет, обязательно.

– Почему это для тебя так принципиально? Почему ты не хочешь продолжить обучение дома?

– А почему я должен соглашаться на это? – Вот и все. Настроение летит к чертям и мне даже кажется, что галстук превращается в удавку, которая намеренно сжимается вокруг горла. – Лишь бы тебе было спокойно от того, что я сижу в четырех стенах без права на свободу?

– Господи, Аарон, что ты такое говоришь! – Восклицает мама и сжимает губы в тонкую линию, при этом покрываясь багровыми пятнами на лице. Нервничает. Злится. – Ты волен передвигаться так, как тебе это удобно.

– Да, да, но почему-то, как только я собираюсь выйти из дома, рядом оказываешься либо ты, либо охранник. Думаешь, я совсем тупой и ничего не понимаю?

– Да пойми же ты, – она срывается на крик, – я же беспокоюсь о тебе! Это все ради твоего блага! Слишком мало времени прошло после... того случая. Еще меньше с твоей последней попытки оставить нас. Я боюсь, что ты выйдешь за эту дверь и больше не вернешься.

Она замолкает и отводит глаза, в которых появились слезы. И мне тошно от этого. Тошно от самого себя. Сам ведь довел ее до такого состояния и теперь не знаю, как скинуть ярлыки, которыми меня успели обвесить все вокруг.

– Мама, прости. – Делаю вдох и тянусь к ней. – Я виноват.

– Нет, милый, нет. – Она тоже старается взять себя в руки. – Может быть, ты прав и пора научиться доверять тебе. Но моему материнскому сердцу становится больно от одной мысли, что тебя могут обидеть. А ты даже не сможешь постоять за себя. Ты ведь уже не тот Аарон Аллен, которого все знали. И люди... они ведь чувствуют, когда их соперники становятся слабыми. Их жестокость может не знать границ.

Я знаю, о чем она говорит. И все это время морально готовился к подобному сценарию. Да, я уже не тот, кем был. Не глава баскетбольной команды, не первый красавчик класса, не заводила шумных вечеринок. Теперь я прикован к инвалидному креслу и стая шакалов уже на низком старте, чтобы занять мое место в обществе. Но побывав под мириадами капельниц и почти перешагнув за грань, начинаешь смотреть на мир уже иначе. Прежние атрибуты жизни кажутся бесполезными. Кубки, деньги, тачки... Вообще все потеряло смысл. И хочется просто не сойти с ума от резкой смены уклада своего существования.

– Мне необходим этот свежий глоток воздуха, – сглатываю и укладываю руки на металлические дуги колес, – мне нужны мои друзья. Старые, если не побоятся остаться рядом.

Или новые, кто решится познакомиться. Я не хочу чувствовать себя изгоем, уродом и балластом. Я хочу вернуть хоть капельку того, что было раньше.

– Аарон, – мама вздыхает, – что мне с тобой делать?

– Принять таким, каким я стал.

– Я приняла. Давно.

– Нет, – качаю головой и отъезжаю в сторону, – ты делаешь вид. И это огромная разница. Да, один из твоих сыновей стал сломанной игрушкой, которую не починить. Да, больше не будет красивых семейных фотографий. И да, я превратился в вечно злого человека, которого достала эта притворная жалость. Не можешь смириться, что я такой? Подожди приезда Джейсона и ты снова почувствуешь себя мамой нормального парня, который сворачивает горы на своем пути, а не наседкой для инвалида.

Я намеренно делаю ей больно. Потому что такое настроение. Потому что меня реально достало все вокруг и приезд брата только подливает масла в огонь. А еще банально переживаю из-за первого дня учебы и вместо поддержки снова слышу одно и то же.

Не надо. Не стоит. Может, домашняя программа?

В меня перестали верить. А эта опека все больше и больше смахивала на простое желание упрятать меня от посторонних глаз. На всякий случай. Мало ли что мне взбредет в голову, верно?

– Поступай, как знаешь, – выдает мама после затянувшие-

гося молчания. Она уже научилась не обращать внимания на мои перепады настроения. Вряд ли сама до этого дошла, скорее всего, помог наш семейный психолог.— Я попрошу водителя подать машину.

– Спасибо.

Вот и все. Шаг сделан и назад дороги нет. И я очень надеюсь, что сегодняшней день хотя бы чуть- чуть возродит во мне что-то былое, хорошее. А не угробит все под корень.

Выруливаю из комнаты и нажимаю на кнопку подъемного устройства, которым в рекордные сроки обзавелся наш дом. Что сказать, теперь все вокруг было подстроено под мое удобство. Но вместе с этим, в доме больше не проводились мероприятия. Как будто всякие приспособления для инвалидов могли расстроить гостей и испортить праздник. Как будто я сам стал грязным вкраплением в семейном бриллианте, которое никак не удалишь. И из-за этого, стоимость камня падала все ниже и ниже.

2. Аарон

– Сделай еще круг, пожалуйста, – с шумом вдыхаю воздух и в сотый раз вытираю вспотевшие ладони об брюки.

Вся моя уверенность сдулась, как воздушный шарик сразу же, как только машина завернула за угол, и показались стены колледжа. Кстати, это был уже пятый круг, который мы наворачиваем рядом с ним, но мое сердце вообще не стремилось утихомириться. Черт, если бы кто-то раньше мне сказал, что я буду чего-то бояться... Я бы рассмеялся тому человеку в лицо и, может быть, даже плюнул. Потому что Аарон Аллен никогда и ничего не боялся. Но, оказывается, это было в прошлой жизни. А сейчас меня знатно потряхивало от напряжения.

– Сэр, может быть вас отвезти в другое место? – слышится голос водителя.

– Нет, – качаю головой, – не стоит. Еще круг и останавливаемся.

Благо Билл понимает все с первого раза и следует моим указаниям. Хороший мужик. Один из немногих, который смотрит на меня без *бучей жалости. Иногда пару часов разговоров с ним действовали на меня лучше, чем дорогостоящие сеансы психотерапии нашего семейного психолога. Потому что там мне втирали о том, что жизнь по-прежнему прекрасна и что чудо подстерегает нас на каждом шагу. А

Билл говорил болезненную правду, где я не проснусь однажды исцеленным и не побегу навстречу радужному будущему. Но в моих руках есть ресурсы, которые позволяют сделать так, чтобы все вокруг было не таким дерьмовым, каким казалось вначале. Особенно в тот момент, когда я пришел в себя и меня огорошили новостью об инвалидности.

– Приехали, – Билл останавливает машину у ступенек и выходит на улицу, чтобы открыть мне дверь. При этом он нарочно медлит, тем самым давая мне пару минут для подготовки к встрече с внешним миром. Который в лице многочисленных учащихся уже с удивлением взирал на габаритный Crafter, купленный специально для моей перевозки. Да, как бы я ни хотел сделать свой приезд менее запоминающимся, вариантов у меня было немного. А точнее, никаких. Потому что я мог появиться либо на спец авто с выдвигающейся платформой, на которую я мог сам заехать и выехать. Либо же на шикарной иномарке с коляской в багажнике. Но тогда бы Бену пришлось бы вытаскивать меня из машины на руках и на глазах у всех присутствующих усаживать в коляску. А это, согласитесь, выглядело бы слишком позорно. Так что мне оставалось лишь натянуть солнцезащитные очки на глаза и сделать большой вдох, готовясь встретить тот пиздец, который ожидал меня за пределами машины.

– Удачи, – тихо говорит водитель, как только я оказываюсь на улице. – Если что, сразу же набирайте.

– Если что, я всех просто перееду коляской, – нервно от-

шучиваюсь, чувствуя эти пристальные взгляды, которые как тараканы блуждали по моему телу и лицу, забираясь под кожу и вызывая неприятный зуд.

– Хорошо, тогда наберите меня, чтобы я помог вам заметить следы, – едва уловимо улыбается он мне в ответ и вновь возвращается на свое водительское место.

Я же откидываюсь на спинку кресла и оглядываюсь вокруг. Здесь ничего не изменилось с того момента, как я пропал с радаров студенческой жизни. Тачки на парковке соревновались своим видом по крутости, как их владельцы и владелицы. Которые, кстати, находились тут же и с презрением фыркали на проходящих мимо студентов из серии «беднота». А те, в свою очередь, словно мыши, пытались проскользнуть незамеченными. Только у кого-то получалось, а у кого-то нет. И чье-то утро в первый учебный день началось со слез и убитой в хламину самооценки. Стандартная картина маслом.

– Хэй, вы только посмотрите, кто это у нас здесь объявился! – две крепких ладони опускаются мне на плечи и я вздрагиваю. Но тут же расслабляюсь, когда их владелец обходит коляску и я вижу его лицо. – Неужели Аллен соизволил притащить свой зад на учебу? Я думал, твоя маменька упечет тебя под домашний арест до старости.

– Привет, Майк, – отвечаю на его крепкое рукопожатие и тот притворно морщится. – Да ладно, не заливай, что тебе больно.

– Да это я просто в шоке от того, каким ты стал хилым. – Друг смеется. – Ну, ничего дядюшка Майк поможет тебе вернуться в былую форму. Девчонки скоро снова будут падать перед твоей шириной на коленки.

– Смутно представляю, как это вообще возможно теперь, – усмехаюсь, – но с удовольствием бы на это посмотрел. А бегать тоже научишь заново?

Да, я сам намеренно делаю на этом акцент. Потому что не хочу, чтобы все вокруг считали, что у меня теперь есть комплекс по поводу своего нынешнего вида и состояния.

– Нахрена оно тебе? – щурится Майк и пинает носком кроссовка из лимитированной коллекции стальное колесо моей коляски. – Если у тебя такой ох**гительный апгрейд? Ты только прикинь, какая у тебя фора перед остальными. Щелкнешь пальчиками и любая тут же станет твоей.

– Прямо вот любая.

– Не, ну а че? Ты ей такой, милая, садись на мой космолет любви я докачу тебя с ветерком до дома.

– Придурок, – толкаю его и вздыхаю.

– Прокатиться дашь? – не унимается Майк.

– Только, если сядешь мне на ручки, – не остаюсь в долгу.

– Вот засада, – ржет он в ответ, – а я-то думал, что мы лучшие друзья и у меня есть какие-то привилегии в наших отношениях.

– Да, есть. Я тебе первому отдавлю ноги своей навороченной коляской и угроблю твои новые кроссы, пойдет такой

расклад?

– Да пофиг, мне батя еще закажет. Ты же знаешь, что для таких как мы, все эти шмотки и тачки – фигня. Захочу через месяц новую Бэнтли и она у меня будет. А ты мне про какие-то кроссы втираешь. Пойдем лучше к нашим, они соскучились. Особенно Рут.

На последнем имени у меня внутри все неприятно содрогается. Ведь Рут была лучшей подругой Кими. Моей девушки, которая не выжила в той аварии. И, честно говоря, я был поражен, когда в больнице вместо скорби в ее глазах увидел какое-то облегчение. Потому что, как она тогда сказала, ей теперь не нужно скрывать свои чувства ко мне. Чокнутая девица, которая думает, что я теперь обращаю на нее внимание. И это после всего случившегося.

Однако не успели мы тронуться с места, как визг колес привлек наше внимание. Из подержанной тачки вылетает девчонка и пинает спустившуюся шину.

– Да что б тебя! – слышатся ее ругательства и мы с Майком синхронно переглядываемся.

– Эй, ты, – какой-то качок из старшего потока останавливается на своем спорт каре рядом с ней. – Ты еще долго будешь возиться со своей рухлядью?

– А у тебя какие-то проблемы? – с ходу заводится девчонка и выглядит весьма... зло.

– Да, это мое место. Так что давай, дуй чинить свое корыто в другое место. Это тебе не бесплатная парковка, здесь места

только для учащихся этого колледжа.

– Во-первых, пошел нахрен. Это место станет твоим только тогда, когда я увижу твое имя на асфальте. А во-вторых, это корыто, как ты выразился, будет стоять здесь до окончания всех пар. Потому что я тоже теперь здесь учусь, ясно?

И пока тот тип явно офигевал от такой наглости, она взлетает по ступенькам и ровняется с нами. Что дает мне немного рассмотреть новенькую. Средний рост, около метра шестидесяти, копна рыжих вьющихся волос, завязанных в небрежный хвост. Одежда явно из масс-маркета. Потертые джинсы, белая майка и накинутая поверх клетчатая рубашка. Грудь – хорошая полная двойка. Но не это привлекает внимание. Ну, почти не это, хотя в сочетании с осиной талией и классной задницей, она отлично выглядит даже в этой убогой одежде.

Но когда я отлипаю от созерцания ее форм и перемещаю взгляд на лицо, на мгновение весь мир вокруг перестает существовать. Никогда в жизни я еще не встречал людей с настолько правильными чертами лица. Она выглядит как кукла, которую старательно вырезал из мрамора талантливый мастер. А еще глаза. Обычно у рыжих цвет глаз зеленый той или иной степени яркости и оттенка. А у нее они были похожи на растопленное серебро, что нереально контрастировало со всей внешностью. Я даже приспустил очки на нос, думал, что показалось, но нет.

– Эй, новенькая, – слышится рядом голос Майка, – а ты в курсе, что у нас здесь дресс-код? Почему не в форме?

– А тебе какая разница? – девушка останавливается напротив.

– Потому что я расстроен.– Сально юморит Майк.– Ведь я не вижу твою аппетитную попку в юбочке.

– Уж поверь, извращенец, она будет смотреться лучше, чем твои убогие кроссовки. – Легко отбрасывает его девчонка.

– Эй, это новая коллекция!

– Да? А выглядят еще хуже, чем гаражные тапки моего деда. Ой, ты еще больше расстроен? Тебя, наверняка все осыпают комплиментами? Значит, я тебя огорчу. Кроссы убогие, подкаты твои убогие и рожа твоя тоже убогая.

После этого она берет и идет дальше, оставляя Майка в замешательстве, а меня в недоумении.

– Мне нужна вся информация о ней, – слышится едва слышный голос друга.

– Как только добудешь, – обретаю следом голос, – скинь мне ее.

– Тебе-то зачем?

– Зацепила.

– Аллен, без обид дружище, но тебе не по зубам.

– А тебе? – нарочно не сбавляю скорость на пульте и уверенно качусь вперед.

– И мне. – Майк шагает рядом. – Но от этого заводит еще сильнее.

– Ну так давай сделаем по старинке.

– Батл? Ты уверен?

– А что? Боишься проиграть инвалиду? – не удерживаюсь от сарказма.

– Да ты гонишь! – Ржет Майк. – Я ж тебя уделаю в два счета.

– Что-то мне подсказывает, что это вряд ли. Ты сам сказал, что у меня теперь есть козырь в руках.

– Думаешь, она даст тебе из жалости? Окей, бро, так даже будет интересней.

На этом мы оба замолкаем, так как оказываемся у толпы остальных друзей. Они приветствуют меня, говорят ободряющие вещи и много шутят. А еще не делают акцент на моем новом положении. И я расслабляюсь. Тот прежний Аарон Аллен просыпается внутри меня и поднимает голову. Он улыбается. А ведь все не так запущенно, как я думал. И что-то мне подсказывает, что этот учебный год будет очень запоминающимся.

3.Аллегра

– Дочка, вставай, – слышится назойливый голос мамы. –

Ты опоздаешь.

– Я никуда не поеду, – бурчу в ответ и прячу голову под подушку.

Но мама была бы сама не своя, если бы не добивалась того, чего хотела. Потому с меня срывают покрывало и после некоторых минут борьбы лишают и подушки.

– Если сама не встанешь, стащу тебя за ногу, – предупреждает родительница.

– Ты бессердечная женщина.

– Ага. – С легкостью соглашается она. – А еще я киллер для твоего хорошего настроения.

– В данный момент я тебя повышаю по званию и теперь ты – Голлум, отобравший мою прелесть. – Тычу пальцем в подушку. – Никогда не прощу тебе такую подлость.

– Ну, спасибо, дочка, – мама возмущенно ахает, – что из всех жителей мира фэнтези ты выбрала самого уродливого и горбатого.

– А я тебе давно говорила, – зеваю, – надо меньше сидеть за компьютером. Осанка-то портится.

За что тут же получаю моей же подушкой в лицо.

– У тебя есть всего двадцать минут до начала пар, так что шевелись. – Слышатся вновь командные нотки в ее голосе

даже тогда, когда она уже вышла из комнаты. На что я закатываю глаза и обратно откидываюсь на спину. – Аллегра!

– Да встаю я, встаю! – Со стоном отрываю задницу от кровати и плетусь в ванную, а оттуда напрямиком к шкафу, на дверце которого висит приготовленная форма в цветовой гамме герба колледжа. Белоснежная рубашка, темно-синяя юбка в складку и пиджак с галстуком в зеленую полосу. Как бы мама не заливалась соловьем, что зеленый идеально подходит к моим рыжим волосам, я все равно оставалась верна своему мнению. Ужасная форма в такую же ужасную расцветку. И выгляжу в ней, как школьница – переросток. Но у нас с мамой был уговор и для того, чтобы она воплотила мою мечту в реальность, я должна была пойти ей на встречу. А именно, продержаться в новом колледже этот год и не создавать там проблем. С моим вечно неконтролируемым языком и стабильным притягиванием проблем это, конечно, сложновато. Но я пообещала быть пайнкой.

– Доброе утро, пап, – целую его в щеку, когда оказываюсь на кухне.

– И тебе доброе утро, как настроение?– отзывается он в ответ.

– Взять мешок денег и свалить подальше, чтобы меня никто не нашел.

– Только никакой Мексики, там нереальная жара и контрабанда всего чего только пожелаешь.– Понимающе отвечает папа и тут же получает легкий подзатыльник от мамы. –

Выбирай какой-нибудь остров, там климат лучше.

– Да вы оба издеваетесь что ли? Мне что одной только надо, чтобы у ребенка было хорошее образование и не менее отличное будущее?

Мы с папой переглядываемся. Блин, довели. Когда мама начинает вот так говорить, дальше следуют либо слезы, либо испорченное настроение на весь день. А бывает и два в одном. Потому что я не вижу этого пресловутого будущего, а мама цепляется за любую призрачную надежду на жизнь «как у всех».

– Мамуль, ну мы же шутим. Куда я денусь? Сейчас поеду грызть гранит науки и быть милашкой. – Обнимаю ее со спины.

– Подожди, я тебя сейчас подвезу. – Вздыхает она. Огорченно, но не плаксиво.

– У меня есть своя машина, как-нибудь сама справлюсь.

– Вот-вот, «как-нибудь» – самое лучшее определение работы твоей колымаги. Как всегда где-то заглохнет в лучшем случае.

– А вот не надо так говорить. Я вчера ее перебрал всю, – папа гордо выпячивает грудь, – так что ласточка летает. Брось, Лина, все будет хорошо. Нужно быть оптимисткой.

– Ну, уж нет, хватит в семье и двоих вечных оптимистов, как вы. Так что я предпочту остаться реалисткой. Ладно, дуй, давай на учебу. А то не хватало только тебе опоздания в первый же день. – Мама протягивает мне небольшой па-

кетик. Прямо как в младшей школе. Только в нем помимо сладких батончиков еще теперь и таблетки.

Прощаюсь с родителями и вылетаю на улицу, где меня ожидает моя машина. Уже предвкушаю, как вытянутся лица этих мажоров, когда я заеду на парковку. Но лично я не комплексовала по поводу того, что она подержанная. Да, старенькая и не всегда заводится с первого раза, но зато она моя и куплена на кровно заработанные деньги. Сажусь в салон и по привычке поглаживаю торпеду:

– И тебе доброе утро, моя хорошая. Знаю, ты, как и я не очень хочешь туда ехать, но нам нельзя огорчать маму. Так что давай сегодня без происшествий пока я не разведу местность для наших будущих приключений.

И моя ласточка мгновенно отзывается рокотом заведенного мотора. Отлично, есть еще несколько минут на то, чтобы заскочить в кофейню по дороге. Сегодня именно тот особенный день, когда я могу позволить себе чашку вкуснейшего кофе. А это затмевает даже тот факт, что мне придется вытерпеть десятки оценивающих взглядов на себе.

Кофейня – мой персональный рай. Даже не задумываясь, подпишусь под каждым словом. Когда вхожу туда, меня сразу же окутывает неповторимый аромат кофейных зерен и сладких десертов. Идеальное комбо для того, чтобы твой день начался с правильной ноты. Была бы моя воля, я жила бы здесь. Или...

– Добрый день, что будете заказывать? – отвлекает меня

бариста от созерцания объявления на стенде.

– Карамельный капучино с собой, пожалуйста. – Задумываюсь. – И, пожалуй, еще пончик с кремом. Скажите, а вакансия еще свободна?

Паренек за стойкой бара кидает на меня оценивающий взгляд и кивает.

– На второй стойке лежат бланки с анкетами, можете заполнить. Опыт работы есть в таких заведениях?

– Нет, но я быстро учусь и к тому же обожаю кофе со сладостями. – Улыбаюсь, когда он протягивает мне заказ и отхожу в сторону, чтобы быстро черкнуть свои данные.

Стандартная анкета с обычными графами, правда, последний вопрос вызвал удивление.

– «Будь у вас возможность получить эту вакансию или десять тысяч долларов, чтобы вы выбрали?» – тихо читаю вслух и чувствую, как губы кривятся в усмешке.

В очень печальной усмешке и пишу то, что думаю. А именно, что деньги, конечно, хорошо. Но они не всегда могут помочь. Я же очень хочу обычного человеческого общения. Мимолетного, ненавязчивого и без какой-либо смысловой нагрузки. И его мне могут дать только посетители данного заведения. Звезд с неба не прошу, по головам ради карьеры идти не собираюсь. Вот вроде бы и все, что им нужно знать первое время. Передаю лист баристе и, подхватывая стаканчик с пончиком, разворачиваюсь на выход. Однако, как в очень плохих шутках, врезаюсь в какого-то типа и мой

драгоценный напиток проливается на мою рубашку вместе с юбкой, а так же заляпывая модный кардиган умника, который смотрит на меня так, как будто я ему сейчас нагадила на ботинки.

– Что, в помещении тоже солнце светит? – фыркаю, когда выбрасываю стаканчик в урну и тянусь за салфетками. Благо все почти под рукой, только сделай шаг влево.

Парень стягивает солнцезащитные очки с глаз и с надменным выражением лица оценивающе осматривает меня с головы до ног. Но меня этим не проймешь.

– Ты должен мне новую порцию. – Прикладываю салфетку к мокрой рубашке, чтобы хоть как-то прикрыть проступивший сквозь мокрую ткань лифчик. – А еще химчистку.

– Послушай, малышка, я тебе ничего не должен. – Парень кривится. – Если бы ты плотно закрыла крышкой свой стакан и не зевала по сторонам, ничего бы не случилось. А на счет химчистки... хорошая мысль.

И совсем неожиданно после этих слов он просто берет и стягивает свой кардиган, оставаясь посреди зала с оголенным торсом.

– Законченный эксгибиционист, – отвожу взгляд в сторону и оцениваю реакцию посетителей. Женская половина, не стесняясь, поедает его глазами и запивает это действие своими напитками. Парней мало, но и они, насупившись, стараются побыстрее покинуть помещение.

– Мне еще долго ждать? – Он кивает на вещь в своей ру-

ке. – Как заберешь из химчистки, можешь обратно принести ее сюда.

– Угу, разбежалась, – демонстративно отпихиваю его плечом, когда прохожу мимо.

Но не тут-то было, крепкая хватка на запястье заставляет остановиться и развернуться обратно.

– Я. Сказал. Принесешь. Обратно. – Цедит сквозь зубы этот гад и сваливает кардиган мне на голову. – Чистым.

Мне хватает всего секунды, чтобы оценить произошедшее. Еще секунда уходит на то, чтобы стянуть этот проклятый кусок тряпки с головы. Две секунды на то, чтобы расстелить его на ближайшем стуле и с нескрываемой ухмылкой вытащить свой очень жирный пончик из крафтового паке-тика.

– Ты что удумала? – с неприкрытой злобой шипит бедолага в мою сторону. – Ты знаешь, сколько он стоит?

– Нет, – пожимаю плечами и перекладываю пончик прямо на ткань, а затем заворачиваю его в нее. – Да и какая разница? Химчистка же не покупка, так что мне он обойдется в разы дешевле.

– Дрянь, – звучит мне в спину, когда я закрываю за собой стеклянную дверь кофейни.

Ну, дрянь так дрянь. Я могла бы быть милой, но он сам не захотел нормального разговора и такого же человеческого решения нашего конфликта. А если со мной не по-людски, я тоже не остаюсь в долгу. Правда, настроения даже по-

сле такой маленькой мести все равно паршивое. Приходится завернуть в проулок, чтобы сменить форму на свою повседневную одежду. В джинсах и майке мне гораздо комфортнее, но отсюда вылезает первая проблема. Как я в таком виде явлюсь на пары?

Вторая проблема тоже не заставила себя ждать. Мои мысли навязчиво возвращались к этому напыщенному индюку. Не знаю, то ли это от того, что я впервые сталкиваюсь с такой открытой провокацией. То ли от того, что от его кардигана по салону машины разносится терпкий аромат туалетной воды. Я открываю все окна настежь и все равно не могу сделать полный вдох. И в тот момент, когда я теряю бдительность, наезжаю колесом на разбитую бутылку и прокалываю шину. И это всего-то в двух минутах езды от колледжа!

– Да чтоб тебя! – Раз пятый пинаю колесо, надеюсь выпустить всю накопившуюся злость.

Но это не помогает. Фееричный получился приезд, лучше не придумаешь! Рядом останавливается тачка с качком за рулем. Он что-то мне говорит и смотрит, как на пустое место. И после этого, я закипаю еще больше. Не успела переступить порог учебного заведения, а меня уже тошнит от мажорских деток. Интересно, здесь есть *нормальные* учащиеся?

Однако надежды рушатся сразу же, как только взлетаю по ступенькам вверх. Здесь еще двое, один даже в кресле. Но мелит чушь тот, кто стоит рядом. Банальные пошлые шутки про задницу и еще что-то там. Но я его толком не слушаю,

поэтому стараюсь быстро поставить на место и успеть на пары. И, судя по их вытянувшимся лицам, у меня это выходит.

4. Аллегра

– Ты сейчас серьезно? – нотки удивления в голосе подруги быстро перерастают в шок.

– Ага, – берусь за маркер, чтобы выделить новый пункт в списке своих желаний.

– Эээ... – подвисает Лея.

– Да ладно тебе, – хмыкаю, – такое чувство, будто произойдет что-то сверхъестественное.

– Вообще-то да, – она вновь обретает голос, – как ни как мы с тобой сейчас обговариваем твою девственность, а не покупку новой пары обуви. А точнее, момент ее лишения. И это... черт, Аллегра, это пи**ец как дико.

– Что именно? – поднимаю взгляд с блокнота на экран, где всю маячит злое выражение лица Леи. – То, что я решила это обговорить с тобой?

– Нет, – гремит ее голос в динамиках и мне приходится приглушить звук, – то, что ты решила скинуть ее как... как... какой-то ненужный балласт! Да еще и с кем? С первым попавшимся?

– С завидным красавчиком, – поправляю ее.

– И как этот фактор меняет суть?

– Мне действительно надо объяснять такие очевидные вещи? – вздыхаю. – Окей. Смотри, все красивые парни всегда являются бабниками с большим опытом во всех этих по-

стельных делах. Плюс они не заморачиваются над тем фактом, девочка ты или уже нет. Они просто тр*хают все, что движется. И это здорово, что потом они ничего тебе не предлагают. Ни свиданий, ни отношений. Потр*хались и разбежались. Как по мне, это отличный вариант.

– Звучит гадко и неправильно. – Припечатывает Лея. – Разве тебе хочется этой грязи? Все ведь может быть совсем иначе и тебе стоит этого только захотеть.

– Ты о бабочках в животе и держания за ручки? – Устало потираю глаза. – У меня нет на это времени.

– Есть.

– НЕТ! – Теперь настает мой черед рывкать, да так, что Лея моментально теряет весь запал и ее лицо бледнеет. – И хватит мне втирать эту чушь про идеальные отношения, как у вас с Чадом. Ребят, я рада за вас, честно. И уверена, что вы после колледжа поженитесь и нарожаете детей. И доживете до ста лет вместе, и умрете в окружении внуков и детей. А до этого, ваша жизнь будет наполнена морем нежности и заботы. Каждый день вы будете держаться за руки, встречать ночи в объятиях друг друга и делать все то, что положено влюбленным. Но самое главное, у вас будет достаточно времени для этого. И ты, как никто другая знаешь, что для меня это несбыточная мечта, которая никогда не осуществится. Пожалуйста, Лея, прекрати тешить себя пустыми надеждами. Смирись уже наконец с тем...

– Закрой свой рот, Аллегра, – цедит она сквозь зубы. Но

не потому что зла на меня. А потому держится и не хочет расплакаться.— Просто... давай помолчим немного.

Я киваю головой и даже отворачиваюсь на кресле от экрана компьютера. И делаю это лишь из-за того, чтобы тоже подавить непрошенный ком в горле. В такие моменты весь мой образ Ледяной королевы рушится в миг. Исчезает циничность, куда-то девается храбрость и вот, перед всеми проступает совсем юная девчонка, которой страшно до безумия. Я, словно игрок в покер, которому выпали паршивые карты без права на пересдачу.

Поначалу, когда только поставили диагноз «гипертрофическая кардиомиопатия»* у всех был легкий шок, но в целом, оптимистичное настроение. Мы верили в то, что все можно исправить правильно подобранным лечением. Да и весьма положительная статистика, которую выдавал нам Гугл, подбадривала. Я исправно принимала лекарства, ездила на обследования и жила вполне обычной жизнью такого же обычного подростка, как и все вокруг. Правда пришлось исключить все виды спорта, кофеин и многое другое, что заставило бы мое сердце работать не так «как надо». Но в целом, все остальное в моей жизни не менялось. Окончила школу, получила место на том факультете в универе, о котором мечтала. Даже завела отношения и уже планировала дальнейшее будущее, как вдруг все изменилось. Что-то пошло не так и состояние стало ухудшаться. Иногда, я просыпалась уже уставшей, хотя еще не успела встать с по-

стели. И дойти от крыльца до почтового ящика стало для меня тяжелой дистанцией, не говоря уже о походах в ближайший маркет за покупками. Аритмия, несколько случаев обмороков и вот, я снова в больнице. Последующие анализы и вердикт врача заставили вздрогнуть. Лекарства больше не помогали и теперь требовалась септальная миэктомия**. Окей, я перенесла и это. Но после операции проснулась другим человеком. Врачи в один голос утверждали, что все прошло чудесно, а я им не верила. Близкие и родные люди превратились в каких-то клоунов на выезде, которые не хотят слышать плохих прогнозов. И мне приходилось подыгрывать им, хотя у самой в душе был настоящий раздрай. И с каждым днем чувство того, что времени все меньше и меньше не только не покидало меня, а наоборот усиливалось. И я ничего не могла с собой поделать.

Об этом знала только Лея, которая стоически терпела все мои загоны в последнее время. Терпела, убеждала в обратном и старалась воззвать к светлой половине меня.

– Алли, – зовет меня подруга и я вновь оборачиваюсь к ней.

В глазах Леи плещется боль вперемешку с печалью. В очередной раз мы вступаем в эту борьбу, где я заставляю смериться ее с очень страшными мыслями, но она сопротивляется.

– Почему он? – все-таки Лея сегодня выбирает другую тактику для разговора.

– Потому что мне кажется, что ему это так же нужно, как и мне, – передергиваю плечами. – Я знаю, что идея так себе и что ты меня не поддерживаешь в этом.

– Не поддерживаю, – соглашается она, – Я бы хотела лучшего развития событий для тебя. Знаешь, чтоб без привкуса отчаяния или чтобы это было не от безысходности. Но тело твое. И решение тоже.

– Спасибо, – выдыхаю и слабо улыбаюсь. – Так что найдется совет для начинающей обольстительницы?

–Хм, дай подумать, – улыбка Леи выглядит вымученной, – для начала перестань быть такой занозой.

–Что ты такое говоришь? Да я просто душка!

– Ага, когда обратно прячешь свои стальные яйца в стринги. Но я серьезно, Аллегра, парни не сильно любят таких упертых девушек. С ними надо быть милой, а не обещать чуть что подтянуть их мошонку к кадыку. Постарайся это запомнить. – С этими словами Лея завершает нашу беседу.

*Гипертрофическая кардиомиопатия – это патологическое утолщение (гипертрофия) мышцы сердца (миокарда). Утолщенной мышце труднее перекачивать кровь. Среди осложнений выделяют: аритмию, нарушение тока крови, болезни митрального клапана, сердечную недостаточность, остановку сердца и внезапную смерть.

** Септальная миэктомия – это операция на открытом сердце. Хирург удалит часть утолщенной перегородки между желудочками, чтобы улучшить кровоток и уменьшить

митральную регургитацию.

5. Аарон

– Зачем ты это сделал?

Голос Эйпа эхом разносится по ванной комнате. Парень даже приостановил подготовку к купанию и развернулся всем корпусом тела ко мне. В его голосе нет удивления или презрения. Слышится только легкое непонимание и капелька интереса.

– Не знаю, – опираюсь локтем на подлокотник кресла и подпираю подбородок ладонью, – просто в ту минуту мне показалось, что эта идея весьма хороша собой.

– Спор? На девушку? – Он снова включает воду и регулирует ее температуру. – С каких пор это стало приемлемым вариантом для того, чтобы скоротать учебное время?

– Не поверишь, но это не нонсенс в наших кругах, – морщусь нос, – я бы даже сказал, что это даже ритуал. Каждый год находится кто-то, над кем...

– Я не это просил разъяснить, – Эйп хмурится. – Мне непонятен тот факт, что ты решил участвовать в этом споре. Почему ты подыгрываешь им и прикидываешься тем, кем ты больше не являешься?

– Потому что они еще не готовы к встрече с «новым» мной.

– Ты уверен в этом?

– Абсолютно. – Киваю и тяну край футболки вверх, стя-

гивая ее с торса.

Простая констатация факта, к которому я пришел после первой недели обучения. Это только моя жизнь перевернулась с головы на жопу, а у остальных все оставалось на мази. И иногда они даже забывали о том, что я больше не в строю. Хотя это очень сложно, учитывая, что теперь они смотрели на меня сверху вниз с высоты своего роста и обязательно натыкались взглядом на коляску. После этого, конечно, все сводилось к шуткам. Но я же понимал, что некоторым становится некомфортно, другие вообще срать хотели на мое состояние. Но, в целом, они еще не привыкли.

– Им просто нужно время, – подытоживаю, – как и мне.

– Надеюсь, ты не тешишь себя пустыми надеждами, – Эйп подходит вплотную ко мне и быстро освобождает меня от остатков одежды.

Еще совсем недавно, я был ярым противником появления Эйпа в моей жизни. Да чего греха таить, я в тот момент вообще не желал никого видеть. Отыгрывался на любом, кто посмел входить в мою палату. И было бы странно, если бы мое поведение было другим. Если бы я, допустим, после шокирующей новости об инвалидности махнул рукой и с веселой рожей уминал больничное желе. И травил бы байки всем медсестрам, которые меня обхаживали. А еще с огромным энтузиазмом выбирал бы себе кресло. Вообще, делал все то, чего так ждали от меня мама с отцом. Да только они не угадали. Мне мир стал не мил. Каждый день я открывал гла-

за и не понимал, почему я еще продолжаю это делать? Почему я все еще дышу? Почему я должен терпеть жалость в той или иной форме? А ее было много. Очень много.

Такой молодой и красивый, а уже калека.

Им даже не нужно было озвучивать свои мысли. Они и так слишком «громко думали». Настолько, что меня проби-рала ярость. Дикая, поглощающая, сжирающая остатки все-го хорошего во мне. Я стал ненавидеть всех вокруг: начи-ная от солнца за окном и заканчивая собственным отраже-нием в зеркале. И однажды планка упала настолько, что со-знание затуманилось и я... вообще, чуть не стал суицидни-ком. Что весьма часто случается в таких случаях, как мой. А именно тогда, когда ты окончательно не видишь никаких перспектив кроме той, как стать вечной обузой на шее роди-телей с невнятным будущим. Но я смалодушничал и, иногда, когда состояние апатии возвращается, я корю себя за это. Надо было решаться тогда на этот шаг и все бы вздохнули спокойно. А иногда у меня появлялось хорошее настроение, как сейчас, когда что-то интересное замаячило на горизон-те и заставило меня отвлечься от самобичевания. И за это я был благодарен новенькой с таким необычным именем Ал-легра. Ее личное дело, которое оказалось у меня на руках в тот же день, когда она впервые переступила порог нашего колледжа, не обладало никакой специфической информаци-ей. Мать – юрист, отец – механик. Сама Аллегра – зубрилка с охренительной мордашкой. Не понимаю, как такая краси-

вая девчонка до сих пор не потеряла интереса к учебе и не забила свою головку ерундой, которая присуща всем представительницам противоположного пола.

– Десять-пятнадцать минут и я возвращаюсь обратно, – говорит Эйп, когда перетягивает меня в ванную и опускает в горячую воду.

– Окей, – соглашаюсь с ним, подвигая шампунь и мыло к себе.

И да, в этот момент я уже не стесняюсь ни Эйпа, ни своей наготы, ни того, что другой парень деликатно касается меня. Потому что...если снова вернуться к тому моменту, когда он появился в моей жизни, все шло под откос и он стал одним из тех нескольких людей, которые вытянули меня и продолжали удерживать на плаву все это время.

– Смотри, не балуйся здесь и не дрочи, – ухмыляется Эйп прежде, чем покинуть комнату, – оставь силенок на наши упражнения.

– Ха-ха, – показываю ему средний палец и закатываю глаза. Это в стиле моего помощника тире массажиста и еще раз тире друга. Он и в первую нашу встречу заявился в палату так, будто он мой хороший знакомый и психолог в одном флаконе.

...– Ну и какого хрена ты сюда приперся? – стискиваю кулаки и злобно всматриваюсь в новенького медбрата.

– Не смог пройти мимо вони, которая простилается от твоей комнаты до самой стойки регистрации. – Он скрещи-

вает руки на груди. – Говорят, ты устроил забастовку и не даешь привести себя в порядок?

– А тебе какое дело?

– Честно? Никакого.

– Так вали дальше, куда ты там шел. – Демонстративно плююсь в его сторону и плевков почти достигает цели. Обычно, после этого все уходят. А этот как стоял, так и продолжает стоять на месте.

– Да я бы с удовольствием, да вот только меня потом начальство вздрючит за невыполнение работы. Поверь, мне и нахрен не сдался геморрой в виде взбесившегося пацана, который обдолбался всякой дрянью и погнал лихачить на тачке. И который теперь по собственной вине стал невнятной лежащей кучкой дерьма...

О, как же я тогда знатно офигел от происходящего. Нет, помыться в тот день я не дался. Но и Эйп не отчаивался. Он приходил каждый день и трепал мои нервы, глумился, раздражал, бесил. Вообще, отзеркаливал все мои действия, которые я предпринимал к предыдущему персоналу.

... – Все продолжаешь ходить? – вздыхаю, когда вижу его рожу снова.

– Все продолжаешь вонять? – не остается в долгу Эйп.

– Как же ты меня бесишь.

– У нас это взаимное чувство.

– Слушай, что мне сделать, чтобы ты свалил? Хочешь денег? Я выпишу тебе чек и тебе больше не придется во-

зиться в больничном дерьме.

– Твои родители платят и так слишком большую сумму, чтобы я тебя терпел. – Усмехается Эйп. – Есть другие предложения? Нет? А теперь послушай меня, Аллен, вариантов у тебя не много. Тебя скоро заберут из больницы домой, где ты продолжишь плевать своим ядом. Но подумай сам, кто о тебе будет заботиться? Я пообщался с твоей мамой и, знаешь, вряд ли она осилит купание и уход за своим великовозрастным сыном. А он потребует в любом случае. Массажи, упражнения, которые должны поддерживать твое тело в тонусе. Нет, если их не выполнять, то ты придешь к той цели, к которой стремился. Но, поверь мне, в этот раз умирать будет сложнее, мучительней и страшней. Чем когда ты под влиянием стресса и шока. Сечешь о чем я? По глазам вижу, что да. Так вот вернемся к тому, что родителям будет стыдно все это делать. Они под такое не заточены. Но есть я и в моих силах тебе помочь. Обещаю, жалости от меня не дождешься...

Вообщем, после его слов остался осадок. Последующий визит матери и отца окончательно поставил все точки над «и». Отец мог только вбухать бешеную сумму денег в переоборудование дома, а мама окружить своим беспокойством. Вот тогда-то я и понял, что в словах Эйпа есть какой-то толк. И как-то незаметно для себя я к нему проникся доверием и симпатией. К тому же он реально помогал мне во всем. Начиная от ухода за моим телом и заканчивая просто беседой

посреди ночи, когда меня снова накрывало.

Намыливаю губку и поспешно растираю кожу круговыми движениями до красноты и легкой боли. Конечно, я мог бы воспользоваться и душем, где опять-таки все подстроено под меня и где я сам мог подтянуться и пересесть на специализированный стул для купания. Но мне захотелось немного расслабиться и привести себя в порядок. Особенно, учитывая тот факт, что завтра у меня стартует миссия по налаживанию контакта с новенькой. И для этого я должен быть в идеальной форме. Насколько это возможно в моем положении.

6. Аарон

Ай да Эйп... каков паршивец! Вот как? Как он смог своими наблюдениями взять и все испортить? Ты посмотри, воззвал он к моей светлой стороне... И чтоб его! Она откликнулась!

Я оказался в постели с уверенным и четким планом, который привел бы меня к нужному мне итогу. По идее, наше более плотное знакомство с Аллегрой должно было начаться красиво. Так, как это любят все девочки в ванильных историях. Пересечься парой выразительных взглядов, «случайно» столкнуться в библиотеке или в саду. Ну, или на крайний случай, я уже подкупил одного из преподавателей, чтобы нас поставили в одну пару для общего проекта. И все в этом плане казалось мне таким идеальным.

Но потом что-то пошло не так.

Ты ведь не такой. Зачем тебе эти подлые игры?

Слова Эйпа надоедливо застряли в моей башке.

Не делай того, чего ты не хочешь.

Да, Эйп, благодарю. Как будто мне сразу станет легче и я окончательно встану на путь истинный.

Ну, сделаешь ты это. А зачем? Чтобы самоутвердиться за счет чужой боли?

Честное слово, иногда мне до безумия хотелось, чтобы Эйп заткнулся и исчез из моей жизни. Зачем... зачем... за-

чем... Круговорот из одного и того же вопроса беспощадно молотил по мозгам. Сон как рукой снимает и я гипнотизирую потолок, окутанный полутьмой. Бл*дство. Тяжелый вздох вырывается из груди и я неуклюже ворочаюсь в постели. До сих пор не отпускает чувство, будто я какое-то бревно, которое с трудом перекатывается по периметру постели. Но и смена положения не дает облегчения. Потому что Эйп забыл задернуть шторы и теперь полная луна тупо светит мне в лицо.

– Да твою ж мать...

Готов поспорить, что этот гаденыш сделал это намеренно. Чтоб у его слов было достаточно времени поматросить мою душонку. И да, это действует. Я все еще не сплю и пытаюсь найти ответ на вопрос, который мне задал Эйп.

Зачем?

И честный ответ, добытый из недр сознания, огорчал. Кажется, все мои старания быть лучше – блеф. И тот эгоистичный ублюдок во мне все еще жив. Может быть, я реально соскучился по тому куражу и адреналину, когда мы на спор окучивали девчонок. Может быть, мне реально нужна эта победа, чтобы самоутвердиться в собственных глазах, чтобы не чувствовать себя «на обочине» прежней жизни. И таких «может быть» набирается с десятков. Но, увы, в них нет ничего, чтобы превратило меня в рыцаря, который спасает Аллегру и своим участием в споре выводит из строя Майка. Наоборот, я еще раз убеждаюсь, что по факту остаюсь тва-

рю, которой чужда чужая боль и слезы. И что мне этого в какой-то степени очень не хватало. А еще...это не общество не готово встретить меня «новым». Это я все еще сопротивляюсь и не хочу себя таковым показывать. Так что, сорри, Аллегра, ничего личного. Ты просто попалась нам на глаза в очень не подходящий для тебя момент.

Но кто же бл*дь знал, что мои планы полетят к чертям?

Утро началось шикарно, не смотря даже на ночные размышления, которые сжирали меня почти до половины четвертого. В предвкушении скорой встречи сборы пролетели достаточно быстро, как и завтрак, как и дорога в сам колледж. Я выискивал взглядом Аллегру в потоке своих сокурсников и еще умудрялся участвовать в разговоре, отвечая на вопросы Майка и еще пары ребят. Кажется, меня звали на вечеринку в эту пятницу на чью-то днюху. Идти особо не хотелось, учитывая, что бухать мне нельзя из-за лекарств.

– Ну, так что? – Майк толкает меня в плечо. – Идешь?

– Посмотрю в своем расписании, если найдется окошко...

– с напускной брезгливостью отбиваю его ладонь от себя.

– Ты посмотри, какие мы деловые, – скалится друг.

– Да, не то, что некоторые.

– О, простите, сэр, – уже открыто ржет Майк, – но если вы все же соизволите найти минутку для нашего пошлого сборища, приходите. Иначе пропустишь весьма занятное шоу.

– Как кто-то блюет или сосется в углу? Или делает это одновременно? Спасибо, посмотрелся.

– А на нашу девочку тебе охота посмотреть? – На последнем слове он намеренно делает ударение. – Я ее позвал и она охотно согласилась. Так что чувак, перевес пока в мою сторону.

Черт. Черт. Черт.

Пока я чесал яйца, Майк уже в открытую действовал. Надо срочно ускоряться, иначе потеряю слишком много позиций в нашей турнирной таблице. Просчитав возможные варианты, решил, что можно тупо на нее наехать коляской в коридоре и, извинившись за свою неуклюжесть, завести разговор. Но Аллегра буквально куда-то испарялась каждую перемену, стоило мне только выехать на ее поиски. Она что, что-то предчувствовала или как это можно вообще объяснить? Чертовы кошки-мышки начинали действовать на нервы и я не мог уже нормально сконцентрироваться. Даже приперся одним из первых на очередную пару и очень удивился тому, что застал там Рут.

– Проснулась тяга к знаниям? – бросаю через плечо, когда двигаюсь мимо нее.

– Она и не иссякала, – слышится позади ответ томным голосом и мою коляску тормозят. – И ты сам знаешь, что тяга эта вовсе не к знаниям, а к тебе.

– Рут, успокой свои таланты. – Резко дергаю колесо и разворачиваюсь к ней лицом. – Чего ты добиваешься?

– Я думала... что...

– Я тебе уже говорил и больше повторять не стану, – гнев-

но стискиваю ладони в кулаки, – тебе не на что надеяться.

– Ты не любил ее! – вскрикивает Рут в ответ. – И не при-
творяйся, что до сих пор скорбишь по Кими! Ну же, Аарон,
что тебе мешает? М? Давай у нас будет так же, как это было
у вас, а? Просто секс и ничего более...

Девушка внезапно оказывается у меня на коленях и рьяно
пытается расстегнуть сначала мою рубашку, а затем и вовсе
цепляется за ремень. Я же, впервые оторопев от ее наглости
не сразу соориентировался.

– Ты что творишь?! Совсем с катушек слетела? – хочу
столкнуть ее, но она лишь крепче стискивает пряжку в сво-
их руках.

– Ну же, милый, уж я-то знаю во всех подробностях, как
именно ты любишь. Жестко, спонтанно, с адреналином...
И чтоб ты знал, некоторые умения у меня развиты намного
лучше, чем у Кими.

И в тот момент, когда мне почти удалось стянуть ее со
своих колен, в аудиторию влетает Аллегра. У девушки немой
шок на лице, как и у меня.

– Простите... – Аллегра пятится к двери, – кажется, я не
вовремя.

– Постой, – делаю резкий выпад рукой и Рут, наконец-то
сваливается на пол.

Она с гневом смотрит то на меня, то на Аллегру.

– Прежде чем входить, научись стучать, – шипит она в ее
сторону, когда поднимается с колен. – Понабирали всякий

сброд, а проверить на наличие манер не удосужились.

– Так я и не к тебе в спальню вламываюсь, – парирует Аллегра, – так что поубавь гонор и придержи свой «аппетит» до тех времен, пока вы там не окажитесь.

И она снова исчезает, оставляя меня в легком недоумении. Что-то мне подсказывает, что вряд ли Майку что-то легко обломится. Как и мне. Аллегра не такая, как здешняя половина девушек и к ней нужен особый подход. К сожалению, даже я не знаю какой. Но от этого становится еще интересней.

7. Аллегра

Смотрю, как на него вешается эта девица и становится тошно. Не понимаю, как он вообще это терпит? Она же... ну, яркая представительница тупых фиф, у которых на уме нет ничего путного. Я даже сомневаюсь по поводу того, а есть ли там вообще ум? Кто бы что ни говорил, а один красивым телом сыт не будешь. Парням тоже иногда хочется поговорить и не важно, о тачках или о том, какой трудный выдался день. По крайней мере, я надеюсь, что такой вид парней еще не вымер на нашей планете. И уж тем более мне казалось, что я не ошиблась на счет своего выбора. Мне казалось, что не смотря на наше весьма неудачное первое знакомство, между нами явно проскочила капелька химии. Вот только наличие этой барышни у него на коленях теперь не очень впечатляло. Неужели он занят?

Черт.

Судя по тому, как в него вцепилась эта девица, то да. И, получается, все мои планы летят туда же, где уже находятся мечты о прекрасном будущем. В жопу.

Окей, судьба – злодейка. Я уже намереваюсь развернуться на выход, как меня замечают. Сначала бариста, но я не придаю этому никакого значения. Правда, он делает то, чего я от него совсем не ожидала.

– Эй, шеф, это вот та девчонка, которая оставила резюме

ме. – С этими словами он машет рукой в мою сторону и объект моих наблюдений резко поворачивается ко мне лицом.

Мать твою.

Парень прищуривается и не сводит с меня своих глаз. Сразу же возникает ощущение, будто я стала подопытной под микроскопом серого взгляда. Не смотря на протесты своей спутницы, он пересаживает ее на свободный стул рядом и поднимается со своего места. Между нами всего десять шагов, которые он преодолевает за считанные секунды. На губах все та же ухмылка, в глазах – нескрываемый интерес.

– Ну, привет, Аллегра, – парень склоняет голову на бок и скользит взглядом по мне, – принесла мою вещь?

Вздыхаю. Классическое попадалово. Интересно, это только я такая фартовая или на этой планете живет еще бедолага, которая из всей возможной срани вляпывается в самую глобальную из всех?

– Даже если и планировала это сделать когда-нибудь, то сейчас передумала. – Скрещиваю руки на груди. – Ты явно можешь позволить себе с десяток таких кардиганов.

– Но я хочу именно тот, который ты заляпала. Он был моим любимым.

– Ага, – закатываю глаза, – какого цвета?

– Что «какого цвета»? – непонимающе переспрашивает он.

– Я про цвет твоего кардигана. Раз уж он твой самый лю-

бимый, то ты должен знать о нем все вплоть до единой дырки.

– На моих вещах никогда не бывает ни дырок, – парень фыркает, – и если бы кто-то не постарался, не было бы и пятен. Черный кардиган с серыми полосами, слева есть нашивка в виде золотистой подковы. Довольна?

Ответить нечего. Этот гад оказался весьма наблюдательным парнем.

– Чистого кардигана я не вижу, – он засовывает руки в карманы брюк, – зачем пришла?

Затем, что у меня на тебя были грандиозные планы. Но, с каждой секундой я жалею, что вообще сюда пришла.

– По поводу работы, – скрываю все истинные мысли за почти правдоподобным ответом. – Но, увидев начальника, передумала.

– И чем этот начальник плох? – На лице парня расцветает улыбка. – Слишком хорош собой?

– Слишком похож на напыщенного индюка. – Морщусь. – Не сработаемся.

– Ну, претендентка тоже не блещет ангельскими чертами.

– Рада, что мы выяснили это так быстро, – выдавливаю улыбку, – пожалуй, мне стоит выдвигаться на выход.

И да, я реально разворачиваюсь к нему спиной. Но при этом нарочно двигаюсь не сильно быстро.

– Стажировка завтра в четыре, – слышится позади меня и я едва могу сдержаться от победной улыбки. – Не опаздывай.

– Ага.

– И верни мой кардиган.

– Всенепременно, – отвечаю ему, но при этом даже не поворачиваюсь.

И вот, выйдя на улицу к машине, я с уверенностью могла сказать, что день вышел весьма неплохим. Во-первых, сегодня меня позвали на вечеринку. Именинника знать не знаю, да и какая разница? Думаю, там половина придет чисто побухать на халяву при этом, не зная даже по какому поводу. Во-вторых, объект моего внимания не только был свободен, но и сам с удовольствием вступил в игру. Конечно то, что он – мой будущий шеф, немного омрачало мои планы. Но... я же и не замуж за него собиралась, верно? И пусть все моралисты просто помолчат в сторонке. Да, поведение вообще не вписывается ни в одни рамки, которые этот мир придумал для девушек. Но у меня нет времени ждать, когда случится чудо. Я хочу чудить сама.

Единственное, что конкретно так тормозило мое счастье, так это предстоящий разговор с мамой. Вот ведь как задницей чувствовала, что нужно брать группу поддержки в виде отца.

– Работа? Какая еще работа? – Недоуменно смотрит на меня родительница.

– Обычная, – пожимаю плечами, – в кофейне за баром.

– Ах, это еще и кофейня.

– Мам, не начинай. Такое чувство, будто я устроилась на

панель.

– Уж не знаю, какой из этих вариантов лучше, – следует язвительный ответ.

– Лина, ты как всегда утрируешь ситуацию, – вступает в разговор папа, – работа не сложная и Аллегра справится с ней.

– Я не говорю сейчас о том, что не справится. Любая работа – это физические нагрузки в той или иной степени. А ей это категорически противопоказано.

– Какая там нагрузка? Нажать на кнопку кофе машины? – Стискиваю зубы.

– А кофе? Там же кофе повсюду!

– Издеваешься? – начинаю закипать, но папа предупредительно кладет ладонь мне на плечо.

– Давай, устрой истерику и выстави меня монстром, – не остается в долгу мама, – но я хочу напомнить, что я и так разрешила вам купить машину. А это на секундочку, громадный риск!

– Бегать за опаздывающим автобусом – вот где риск. Идти длительные дистанции – еще больше. А переставлять чашки на расстоянии полуметра – нет. И вообще, с учетом моего возраста, я имею полное право принимать решения самостоятельно. И сообщила я вам эту новость лишь потому, что надеялась на вашу поддержку. Я думала, вы... ты порадуешься... А у тебя на уме одни лишь риски. Господи, мама, да я один сплошной риск с головы до ног. Думаешь, я не по-

нимаю это?! Дай мне хотя бы мизерный шанс почувствовать себя, хотя отдаленно похожей на своих сверстников!

После моей тирады на кухне воцаряется гнетущая тишина. Папа сцепил ладони в замок и угрюмо их гипнотизирует. Мама гневно натирает столовые приборы после ужина да с такой силой, что мне кажется, она сейчас погнет ложки к чертовой матери.

– Ты меня никогда не поймешь, – грустно произносит она в итоге. – Или поймешь лишь тогда, когда сама станешь матерью. Позволить тебе еще одну прихоть – слишком большая роскошь. У меня нет запасного ребенка... да и не важно сколько бы у нас было бы еще детей помимо тебя, я все равно не могу и не хочу идти у тебя на поводу. Так что прости, но я запрещаю тебе эту работу.

– Ну и ладно, – цежу сквозь зубы и соскальзываю со стула.

– Аллегра... – слышится позади папин голос.

– Не стоит, Стив, пусть идет, – обрывает его на полуслове мама, – перебесится и все поймет.

Ошибаешься, мам, не пойму. Не хочу этого понимать и не буду. Режим «бунтарки» во мне успешно активирован.

8. Аллегра

Естественно, рассказывать или даже упоминать о вечеринке не было смысла. Если мама так отреагировала на новость о работе, то сборище пьяных студентов ее тем более бы не обрадовало.

– Ай-яй, Аллегра, там же рассадник алкоголя и непонятных веществ, – копируя мамин тон, бухчу себе под нос, – тебе там не то, что стоять нельзя, тебе вообще о таких местах мечтать противопоказано. А я ей такая, мол, конечно, дорогая мамочка, у меня же нет собственных мозгов и я обязательно буду бухать из каждого стаканчика. Arrrrrr!

С головой ныряю под плед и зажмуриваюсь. Как же меня достала эта опека! Хочется взять и сбежать подальше от вечных «нельзя» и «не стоит». Как будто я из человека превратилась в хрустальную вазу, которую нужно поместить в шкаф и запереть. А то ж, мало ли что! Вдруг кто-то посмеет рядом с ней чихнуть или не дай-то бог коснуться.

– Дочка, можно? – слышится голос папы и я вынырываю из своего укрытия.

– Входи. – Разрешаю ему и страиваюсь на подушках. – Мама еще что-то попросила передать? Или ты по собственной воле?

– Аллегра, милая, я понимаю тебя, – он присаживается на край постели, – тебя достали эти ограничения. Но прошу те-

бя, потерпи немного и не принимай в штыки то, что говорит мама. Скажи, тебе нужно больше денег? Давай я прибавлю тебе на карманные расходы.

– Дело не в деньгах, пап. Дело в том, что я... устала с ней бороться и выгрызть себе то, что у других считается нормой.

– А ты не борись, – он накрывает своей ладонью мою, – просто будь умнее, уступай маме. Или хотя бы делай вид, что собираешься это сделать. Она очень переживает за тебя, поверь. Просто не знает, как еще это до тебя донести.

– Папа, ты говоришь о терпении, – в моем голосе прорезается грусть, – а сколько терпеть, не подскажешь?

– Ну... прогнозы не плохие...

– Нет, это не тот ответ, который я хочу услышать. Мне нужны четкие сроки.

– Алли, я же не врач.

– В том-то и дело, дорогой папуля, что даже врачи разводят руками и уповают на мой организм. – Поворачиваю голову к окну и не свожу взгляда с вечернего неба. – Окей, я потерплю. Снова позволю заточить меня в рамки, как в прошлом году. Как и в позапрошлом году. Но вы же делаете это в большей степени, чтобы успокоить свою совесть. Чтобы в случае чего, вы могли бы с уверенностью сказать, что вы сделали все возможное.

– Это слишком жестоко, не находишь?

– Нет, не нахожу. – Снова перевожу взгляд на отца. – Пап,

скажи, а что ты помнишь о прошлогоднем лете?

– Ты была в больнице, – меняется он в лице, потому что прекрасно понимает, куда я клоню.

– А прошлое? Оно чем-то отличилось от предыдущего? – Криво усмехаюсь. – Ах, да, в нем было что-то другое. Наверное, количество посещений больницы поменялось да названия капельниц. Если ты еще не понял, я до панических атак боюсь, что мне кроме этого больше нечего будет вспомнить. По крайней мере, вы как будто стремитесь сделать так, отбирая у меня то, что есть у других ребят. Я никуда не выезжаю, у меня всего одна подруга, машину выбила с боем и то, благодаря тому, что врач сам советовал уменьшить нагрузку и меньше ходить. Я ничего не посещаю, кроме колледжа, у меня под запретом любые вечеринки, а теперь в эту категорию попала и работа. И не говори, что вы понимаете меня. Потому что если бы это было так, вы бы не усложняли мою и так нелегкую жизнь. А теперь, пап, прости, но я хочу отдохнуть. И передай маме, что ей вовсе не обязательно подслушивать под дверью.

На что отец лишь коротко кивает и уходит прочь из комнаты.

Жестко? Возможно. Но иногда мне так хочется встряхнуть их, чтобы они очнулись и поняли, что планета не остановилась на месте. И что мир не рухнул из-за диагноза. Почему... почему же нельзя просто жить дальше и брать от этой жизни по максимуму? И этот вопрос так и остается без от-

вета.

Я знаю, что еще около часа родители бодрствуют. Поэтому просто втыкаю в телефон и бесцельно просматриваю новости в Инстаграм. Не знаю, почему я его до сих пор не удалила? Зачем он мне сейчас? Раньше вела его, как все. Фотки постила, цитатки всякие писала и совершенно не сравнила свой аккаунт с другими. А сейчас, когда листаю ленту новостей, чувствую толику зависти и обреченности. Я словно какой-то садомазохист наблюдаю за жизнями чужих мне людей и не понимаю, отчего же у них все есть, а у меня большинство обычных вещей попросту исчезло. Нет, спасибо, конечно и за родителей, и за крышу над головой, и за полный холодильник каждый день. У многих и этого нет, так что я должна быть счастлива. Но и у этого счастья какой-то странный привкус неполноценности. Я как тот пазл, у которого потерялась деталька. Да, ее можно вырезать из другого материала, но подойдет ли она? И будет ли с ней картина выглядеть полной? Не знаете? Вот и я не знаю.

Вообщем, когда весь дом погружается в блаженную тишину, настроение у меня так себе для вечеринки. Но наперекор самой себе все же заставляю свою задницу подняться с постели и облачиться в заранее подготовленный наряд, состоящий из джинсов и легкой полосатой блузы, которая благодаря своему ассиметричному вырезу скрывала от посторонних взглядов мой шрам на груди. Легкий мейк, кеды и распущенные волосы – вот и весь образ.

– Мда, старовата я уже для такого, – едва слышно произношу у открытого окна. Но все же делаю первый шаг за пределы комнаты и даже немного кривлюсь от хруста в колене. Да по мне постелька с грелкой плачет, а не вот эти ночные рандеву. Цепляюсь за крупную ветвь и перебираюсь на ствол дерева, а по нему скольжу вниз к земле. Выводить тачку из гаража слишком шумная затея, поэтому приходится топтать пешком. Но и это недолго, потому что мимо проносится сначала одна машина набитая студентами, а вторую я торможу сама. К счастью, она набита девчонками в очень вызывающих нарядах. Настолько, что по сравнению с ними, я вылитая монашка.

– Вы в «Дельту Каппа»? – подхожу ближе и, девочки в ответ довольно гудят. – Подбросите?

– Залезай, малышка, – мигом отзывается уже порядком поднабравшаяся «подруга» и двигается в сторону. – Я – Зои. Впереди Рори и Стелла, а рядом со мной рядом Мэг.

– Очень приятно, – киваю всем, когда оказываюсь внутри машины и хлопаю дверью. – Готовы повеселиться?

– Да мы уже веселимся, – пьяно отвечает Рори с переднего сиденья и протягивает мне бутылку с янтарной жидкостью. – Присоединяйся.

– Да нет, спасибо, – передаю бутылку Зои.

– А че так?

– Да я на колесах, – шучу. – Поэтому не мешаю, чтоб не поймать серьезный приход.

– Ооо, девочка, да ты крута, – хихикает Зои и делает глоток. – Так, Стелла, харе там спать за рулем, помчали! А то всех красавчиков разберут еще до нашего приезда.

Хорошо, что в машине темно и никто не видит, как я с облегчением вздыхаю. Шутка про таблетки почти всегда срабатывает и лишь всего один процент людей догадывается уточнить, что именно я пью и для чего. Хорошо, что таких людей я встречаю все реже и реже. Я хоть и не делаю тайну из своего состояния, но и лишний раз просто так не говорю. Это не та тема для разговора, которую можно поднять на тусовках. Да и многие попросту не поймут что это такое.

Спутницы, не смотря на то, что умудрились накачаться еще больше за время поездки, оказались весьма милыми. Даже угрюмая Стелла, которой сегодня не повезло и ей выпало честь быть водилкой. И соответственно, она была трезва, как стекло.

– Честное слово, больше в жизни с ними не буду спорить, – она с силой хлопает дверью и нажимает на брелок сигнализации. – И тебе не советую.

– Жульничают? – усмехаюсь, когда мы вместе шагает по газону к дому, который светился огнями и гремел музыкой, которую было слышно еще за квартал до точки прибытия.

– Особенно, Зои, – кивает она на впереди идущих подруг. – Так что с ней будь осторожней.

– Спасибо за наводку.

– Да не за что. – Стелла отмахивается. – Ну, как такая, как

ты, здесь оказалась?

– Меня пригласил сокурсник. – Пропускаю мимо ушей основу вопроса.

Ну да, выбиваюсь из пьяной толпы полуголых девиц и парней. И это нормально, что следует такой вопрос. Я и сама чувствую себя слегка неловко в этой шумной обстановке. Отвыкла, хотя раньше мы с Леей частенько куда-то выбирались. Но то было словно в какой-то иной жизни и как будто не со мной.

– И кто тебя решил закадрить?

– Эмм... – честно пытаюсь вспомнить имя. – Кажется его зовут Микки или Майк.

– Бэнсон? – приподнимается ее бровь. – Майк Бэнсон? Такой высокий качок, темненький, вечно натирает свои кроссы и приглаживает патлы?

– Какое точное описание, – не сдерживаюсь от смеха.

– Тогда вот тебе еще один совет, – внезапно лицо Стеллы становится серьезным, – держись подальше от него и от его дружка Аллена.

Возможно, она бы еще что-то сказала, но подружки утягивают ее в другом направлении. И тем самым, оставляя меня в недоумении. Я, конечно, сама догадывалась, что Майк далеко не блещет ни умом, ни другими приличными моральными качествами. Но почему она приплела Аллена? Аарона я видела несколько раз и он явно не походил на злодея. Бывший титулованный красавец своего потока, которого жесто-

ко сбили с пьедестала. И который отчаянно хотел казаться нормальным. Да, от меня такие вещи не скроешь. Потому что я с ним в этом была очень похожа.

9. Аарон

– Привет, братец.

Только этого мне не хватало.

Разворачиваюсь в сторону арки гостиной и натянуто улыбаюсь.

– Привет. Давно ты здесь?

– Около недели. – Брат проходит в комнату и усаживается на кожаный диван. – Нужно было уладить рабочие моменты. Только матери не говори об этом, иначе...

– Естественно она обидится, – хмыкаю. – Или закатит грандиозный обед в честь приезда своего любимого сынули.

– И как ты сам знаешь, оба варианта мне не по душе. – Джейсон запрокидывает одну ногу на другую. – Как сам? Больше не сводишь счеты с жизнью?

– Передумал, – тянусь за стаканом с колой. – Тебя интересует только это?

– Ага, хочу быстрого раздела имущества и твое отсутствие значительно облегчило бы эту процедуру.

Как для двух родных братьев, наш диалог минимум выглядит странным. Фразы рваные, в каждом слове – яд. В глазах едва скрываемая неприязнь. Уже и не верится, что раньше было все иначе. Мы были дружными, часто проводили время в одной компании, не смотря на небольшую разницу в возрасте. Классические отношения родственников, когда

друг за друга горой. Да, так и было. Родители не могли порадоваться, пророчили нам успешное будущее в семейном деле. А потом младший сын, то бишь я, встал на кривую дорожку и в один прекрасный вечер с нее же и оступился. Второй брат превратился в героя с орденами на груди. Джейсон был одним из тех, кто упорно таскался в больницу и на ком я без зазрения совести срывал всю свою злость. Он же и подошел в тот момент, когда я решился на последний шаг, чтобы оборвать свои мучения. С тех пор, я возненавидел его еще больше. Хваленная храбрость старшего брата вознесла его в ранг святых, а мне... мне продлили муки, которых я не прожил.

– До сих пор злишься? – читает мои мысли Джейсон.

– Пошел в жопу. – Разворачиваю коляску на выход.

– Тряпка, – цедит он сквозь зубы. – Ты все такая же тряпка, Аарон. Сказал бы лучше спасибо хоть раз за то, что ты все еще жив.

– А я хотел этого?! – взрываюсь в ответ. – Тебя вообще никто не просил вмешиваться, герой хренов! За что мне тебя благодарить? За это?

С этими словами машу рукой на обездвиженные ноги и коляску. Джейсон лишь крепче стискивает зубы в ответ.

– Я даже не могу передать словами, как это «прекрасно» чувствовать себя ущербным каждый день. Да, братец, спасибо тебе за это.

– О, это наверно так удобно винить всех вокруг в том, в

чем ты сам виноват. – Глаза Джейсона сужаются. – Аарон, ты же оказался в коляске по своей вине. Пора бы это признать и не мотать всем нервы. Ты посмотри на него, мученик! Тебя кто-то насильно заставил тогда быть под кайфом? Тебя так же насильно заставили сесть за руль? Что такое? Не нравится, когда тебе напоминают об этом? Ты угробил жизнь другого человека и чуть не угробил сам лишь потому, что беспечно отнесся к очень важным вещам.

Брат на мгновение замолкает, набирая больше воздуха в грудь. А потом продолжает, но уже без былого запала:

– Очнись, Аарон, вокруг тебя полно людей с увечьями, но они живут и радуются каждому дню. Они работают, достигают определенных успехов, заводят семьи. Что тебе мешает это сделать? Ах, точно, тебе же удобно просто ныть о том, что все херово. И знаешь, в следующий раз, когда решишься снова свести счеты с жизнью, ты набери меня. И я сделаю все возможное, чтобы у тебя все получилось. А знаешь почему? Потому что ты откровенно за*бал, мой дорогой брат. Всех и вся вокруг.

С этими словами, он отталкивает меня в сторону и уходит прочь.

Обожаю семейные разговоры. Они у нас в последнее время выходят очень душевными.

От дальнейших ненужных мыслей, которые были навеяны словами Джейсона, меня спасает звонок Майка. И мозг тут же начинает работать в другом направлении. А именно, меня

очень волнует:

А) Как реабилитировать себя в глазах Аллегры после вы-
ходки Рут.

Б) Как устранить друга из борьбы и при этом самому боль-
ше не облажаться.

В) Как выглядеть более презентабельно в условиях такой
конкуренции.

И мне определенно нужна помощь. Поэтому я набираю
Эйпа и прошу подъехать сегодня пораньше. Да, тот не в вос-
торге от моей затеи с поездкой на вечеринку. Причем не
скрывает этого и вид его мрачной физиономии вообще не
способствует поднятию настроения.

– Да ладно тебе, буду дома в двенадцать, – усмехаюсь, ко-
гда он помогает натянуть джинсы, – как Золушка. Ну не бур-
чи, Эйп. Так уж и быть, разрешу провести твои любимые эк-
зекуции с моими ногами на пять минут дольше.

– Десять, – торгуется парень, – и еще десять потратишь на
свои нелюбимые тренажеры.

– Воу, чувак, полегче, – застегиваю ремешок часов на за-
пястье. – Ну и запросы у тебя. Я же еду туда не на всю ночь,
а всего на пару часов.

– И что? – Эйп остается невозмутимым даже тогда, когда
подает мне кеды. – В жизни всегда нужно идти на компро-
миссы. Не вижу ничего страшного в том, что ты пойдешь мне
на встречу и будешь более ответственной относиться к соб-
ственной реабилитации.

– Ой, вот только не включай сейчас маму, – крикну, когда сгибаюсь в три погибели, чтобы засунуть ступню в обувь. – И вообще, ты собираешься мне помогать? Или вы все сегодня превратились в оху*нных психологов?

– Джейсон приехал? – догадывается об истинной причине моего паршивого настроения Эйп.

– Какая пронизательность.

– То-то ты стал похож на перевернутую улитку, которая из-за отсутствия ручек-ножек не может вернуться в исходное положение.

– Издеваешься? – рыкаю в ответ.

– Что ты, всего лишь рассуждаю. – Помощник пожимает плечами и открывает дверь настежь, дожидаясь пока я пройду в холл. – И не забудь, завтра в шесть я приеду по твою душу.

– Проваливай туда же, куда я отправил и своего драгоценного братишку, – нажимаю на кнопку подъемного механизма, – к черту.

Эйп усмехается и спускается вниз по лестнице. И когда я через минуту оказываюсь там же, он уже перекидывается словами с Майком.

– Поехали, – бросаю через плечо другу, – пока злая крестная не превратила тебя в коня.

– Смотрю, настроение у тебя боевое, – Майк реально ржет, как конь. – Но я не прочь побыть молниеносным мустангом. Особенно, когда дело касается красивых барышень.

Аллен, ты готов проспорить?

– Не дожدهшься, – толкаю его кулаком в плечо. – Сейчас папочка покажет, как нужно работать с цыпочками.

10. Аарон

– Она точно обещала приехать? – перекрикиваю шум толпы, когда обращаюсь к Майку.

– Ага, – кивает головой друг.

– И чем же ты заманил ее сюда?

– Сказал, что наше знакомство началось не сильно хорошо и нужно начать с чистого листа, – ухмыляется Майк. – Так что если планировал использовать эту фразу, сорри, я первый.

– Гад, – цокаю языком. – Но ты хорош, я тебя недооценил.

– Ну, так, я ж не сижу на месте. Литературку почитываю, чтоб покорять девчонок.

– Какую? Цитаты в Фейсбуке?

– Ага, – друг делает глоток из огромно стаканчика. – Хвала тем, кто придумал эти соцсети. Какой только херни там только не прочтешь.

– Ты бы так не надирался, – тычу пальцем в пиво в его руках.

– Все под контролем, бро, – глаза Майка уже немного пьяно блестят, – пойду, отолью, пока нашей принцессы нет на горизонте. Подержи-ка, я быстро.

Скучающим взглядом брожу по комнате то и дело, кивая знакомым головой. Это, кстати, первая вечеринка после аварии, где я засветился и многие спешат так или иначе засви-

детельствовать этот факт. Сам того не понял, как вокруг меня образовалась небольшая кучка народа. В целом все свои, но было и парочку новых лиц. И, конечно же, Рут.

– Неужели тебе совсем нельзя выпить? – томно шепчет она на ухо и я морщусь.

Потому что ненавижу такой приторный запах духов, в которых она буквально купалась. Роза, ваниль и какая-то еще хрень в составе, от которого в течении десяти минут у меня начиналась мигрень. А сейчас сюда примешивался еще и пивной душок. Так что так себе сочетание от которого хотелось быстрее скрыться, как и от обладательницы сего амбре.

– Я не хочу – отодвигаю барышню в сторону.

– Знаешь, ты стал такой... такой... – Рут прикусывает губу.

– Какой? Нудный? – хмыкаю. – Я изменился, так что привыкай

– Что, неужели ничего не осталось? – девушка подается вперед и снова оказывается перед моим лицом. – Зря, тот Аллен мне нравился больше. С ним можно было хорошо провести время.

Поворачиваюсь к лицу с толстым слоем «штукатурки» и прищуриваюсь. Бухло и прочая дрянь вконец угробили внешность Рут. Была довольно симпатичная девчонка, а теперь страх на худых ножках. Мозгов, кажется, тоже стало меньше.

– Брось, Рут, – усмехаюсь, – тебе всего лишь раз перепа-

ло со мной потрахаться и то, потому что я был угашенным в хлам. Неужели ты думаешь, что тебе еще раз так посчастливится?

– Но тебе же понравилось тогда.

– Если бы ты не напомнила об этом на следующий день, я бы даже и не вспомнил, кто меня оседлал. Так что это спорный момент. А теперь, будь добра, сделай пару шагов в сторону и не веди себя, как последняя бл*дь.

– Ну, ты и козлина, – разозленной кошкой шипит Рут и отшатывается от кресла.

И это как раз вовремя, потому что в гостиную входит Аллегра. Она немного растеряно осматривается по сторонам и явно чувствует себя не в своей тарелке. Но даже такой, она выглядит прекрасно. Никогда не проявлял интереса к рыжим, но эта чертовка реально чем-то меня зацепила.

– Эй, Аллегра, иди к нам, – слышится рядом голос Майка.

И она, плавно качая бедрами, начинает продвигаться сквозь толпу. Могу поклясться, что каждый второй в комнате, у кого есть яйца и чл*н, почувствовал неудобство в брюках. Девушки в нашей компании заметно напряглись, завидев новенькую в реальной близости.

– Привет, – звучит мелодичный голос. – Спасибо за приглашение.

– Да что ты, какие проблемы. – Майк уже намеревался закинуть ей руку на плечо, но Аллегра мастерски уходит от этого жеста. А девочка-то у нас далеко не глупая.

– Хм, – друг озадаченно чешет затылок, типа ничего такого и не задумывал. – Здесь фактически все из нашей группы, но могу напомнить имена.

– Да не стоит, – Аллегра качает головой и скромно улыбается, – вроде бы всех помню.

– Что ж, предлагаю тогда не терять время, – Майк, словно заправский фокусник выуживает еще один стаканчик и протягивает девушке, – и накатить за встречу. И за твое вливание в нашу компанию.

– Эмм... – Аллегра немного тянет, но все же берет стаканчик в свои руки. – Спасибо.

– Кстати, красотка, с тебя штрафная и до дна, – не унимается Майк, – ты же опоздала.

Дебил.

Качаю головой.

Ты серьезно решил накачать девчонку на первой же встрече?

Смотрю, как ржет друг и понимаю, что он реально верит в свой план. Идиотский план, который пойдет по п*зде. Я не сдвигаюсь с места и не говорю ни слова, потому что огонек в глазах Аллегры выдает хозяйку с головой. С ней такое не прокатит.

– Да? – она вскидывает бровь. – И во сколько же ты меня приглашал?

– Ааа...эмм... – Майк пытается выйти из крайне неловкого для него положения. – Да на одиннадцать же.

– Уверен?

– Да сто пудов. У меня, крошка, идеальная память.

Выпендрожник.

– Может быть, ты пригласил кого-то другого на это время, но уж точно не меня. – С этими словами, девушка достает телефон из маленькой сумочки и нажимает на дисплей. – Сейчас десять сорок три, малыш, так что я никуда не опоздала. И этот бокал твой. Штрафная за неудачный подкат.

Вокруг начали улюлюкать. Уделала, нечего сказать. Мне даже захотелось поаплодировать ей, но я вовремя себя останавливаю. Я же все-таки друг этого придурка. А тот, в свою очередь, не сводит с нее восхищенного взгляда и салютует стаканчиком, признавая этот раунд за ней.

– Нравится? – резко раздается вопрос за моей спиной, а затем меня обволакивает вонюю розы.

– Получилось забавно. – Нейтрально отзываюсь в ответ.

– Я о девушке. – Рут пошатываясь, обходит кресло и останавливается рядом. – Я видела, как ты на нее пялишься.

– И что с того? – выдерживаю ее взгляд.

– Ничего, – голос Рут меняет тембр, – все ясно.

– Я даже интересоваться не хочу твоими умозаклечениями. – Хмурюсь. – Иди лучше охлади свой воспаленный мозг. И завязывай бухать, девушкам это не к лицу.

– Ты мне не парень, чтобы указывать, – пьяно икает девушка, – но мог бы им стать. Так что поспеши и перестань ломаться. Тебе все равно нихера не светит с этой кралей. Не

твоего полета птица.

– Окей, как скажешь, – вздыхаю, – не моего, так не моего. Но и в твой грязный колодец я лезть не стану. Сколько туда парней успело нагадить? Поток? Два? Три? Или целый колледж?

Рут багровеет и собирается залепить мне пощечину, но Майк вовремя подоспевает на помощь.

– А ну, голубки, брейк, – он ловко притягивает девушку к себе, – вам нужно побыть по разным сторонам ринга.

– Дай, я выцарапаю ему глаза, – дергается она в его хватке, но неудачно. Она слишком пьяна, что даже едва держится на ногах.

– Иди, умойся, пьянь, – отмахиваюсь от ее когтей. – А еще лучше, езжай домой проспаться.

– Пойдем, Рут, не брыкайся. – Майку все же удалось ее немного утихомирить и увести в сторону кухни.

Небольшая сцена привлекла внимание остальных, но ненадолго. На вечеринках это вполне в порядке вещей. Кто-то постоянно перебирает и начинает устраивать разборки. Так что уже через десять минут все вернулось на круги своя.

– Твоя бывшая? – Аллегра внезапно оказалась рядом. – Прости, не хотела подкрадываться и пугать.

– Боже упаси, – качаю головой, – всего лишь бывшая подруга моей бывшей девушки.

– Эта та, которая... – Девушка замолкает, подбирая слова.

– Да, именно та «которая», – подтверждаю ее догадки, –

быстро тебе рассказали мою историю?

– Ну, – Аллегра присаживается на диванчик, рядом с которым располагался я в коляске, – только ленивый не проехался по твоей душонке. Но, я хотела бы тебя поблагодарить за это. Не люблю быть в центре внимания и, если бы не ты, мое поступление не осталось бы незамеченным.

– Ты не права, – усмехаюсь, – тебя заметили.

– Да, но не так феерично, как это могло бы быть. Так что, все равно спасибо.

– Не за что. – Замолкаю на секунду. – И как тебе здесь?

– Эмм, если я скажу, что все милашки, – Аллегра запрокидывает голову и смеется, – ты поверишь мне?

– О, да, настолько, насколько могут быть милыми змеи за стеклом.

– Но ты же как-то выжил в этом серпентарии. Так что здесь явно есть какой-то секрет. Поделишься?

Наше общение на удивление настолько легкое, как будто мы с Аллегррой давние знакомые. И это охренительно прекрасно по многим причинам. Однако весь кайф моментально слетает, как только перед нами снова появляется Майкл в обнимку с Рут. Последняя выглядит чуть лучше, по крайней мере, уже не хочет меня убить.

– А у нас тут назрело предложение, – Рут хлопает в ладоши, привлекая внимание, – а давайте поиграем в нашу любимую игру? Аллегра, ты же не против старой и доброй «Правда или действие»?

– Ничуть, – Аллегра сжимает губы в плотную линию. – Если только все в пределах приличия.

– О, милочка, мы же здесь не звери какие-то, – скалитесь Рут.

Перевожу взгляд на друга и, мне очень хочется спросить у него один вопрос:

Какого хрена вы задумали??

А они задумали, потому что я узнаю эту ухмылку Майкла из тысячи. Этот засранец вовсе не принял поражение. Он хочет устроить реванш.

– Чур, я первая, – Рут тычет пальцем в Аллегру, – начну с новенькой. А то у нас тут давно не было свеженькой крови.

– Эй, – подаю голос, – только не зарывайся.

– Бро, будь спок, – Майк осаждает меня, – девочка ведь взрослая да еще и зубастая. Ей защитники не нужны.

Нас человек пятнадцать, кто решился сыграть и черт его знает, что из этого выйдет.

– Так что, Аллегра, правда или действие? – Рут вальяжно запрокидывает ногу на ногу, когда усаживается напротив.

– Действие, – подается вперед новенькая и тем самым заставляет всех удивиться. Обычно все боятся выбирать этот вариант и предпочитают позорно вытаскивать грязное белье на общее достояние.

– Надо же, кажется, у нас тут очень сильный игрок, – Рут делает пару хлопков ладонями, – что ж, все просто. Выпей этот полный стакан.

– И это все? Никаких пробежек гольшом через толпу? – Скептически уточняет Аллегра, но не спешит брать пластик из рук Майкла. – Что в нем?

– Подруга, ты выбрала действие. Так что не надо задавать слишком много вопросов. Просто возьми и сделай. Или тебе слабо?

Внутри все буквально воеет сиреной, что это неправильно. Понимаю, что у Аллегры есть какие-то сомнения. Судя по тому, как она неуверенно всматривается в содержимое стакана, ей не очень хочется это делать.

– Да не парься, там джин с тоником, – Майкл кивает на свой стакан, – у меня тоже самое. Как видишь, жив и здоров. Тебя травить тут точно не станут.

Аллегра вздыхает, но медленно подносит стаканчик к губам. Но и этих считанных секунд достаточно для того, чтобы я успел выхватить его из ее рук и осушить до дна.

– Твою мать, Аллен, какого хрена ты творишь?! – взрывается Майк.

– Прости, не сдержался, – пожимаю плечами, – весь вечер терпел, а тут ты сказал про джин с тоником и... короче, бро, без обид, но у меня сорвало крышу. Кстати, весьма хорошие пропорции, джина почти не чувствуется.

– Так старался же, – цедит он сквозь зубы и бросает гневный взгляд на Рут.

– Окей, новенькая, кажется, у тебя пропуск хода. – Девушка переключает свое внимание на остальных бедолаг.

Нужно отдать должное Рут, эта стерва умеет вывернуть человека наизнанку своими вопросами. А после неудачи с Аллегрой, она так вообще беспощадно издевалась над остальными игроками. Но они были слишком пьяны, чтобы понять, насколько унижительными были ее задания. Смех, подколы и вот, очередь добирается до меня. А мне не смешно. Последние минут десять мне плохо. Сердце грохочет в груди, становится жарко и я чувствую, как рецепторы слишком остро реагируют на все.

– Аллен, правда или действие? – голос Рут уже не кажется таким противным.

– Действие, – хрипло вырывается ответ из моего рта и я, на автомате облизываю пересохшие губы.

– Поцелуй меня.

– Это против правил, – встречает Аллегра.

– Верняк, – поддакивает Моли, – мы установили лимит на действия против каждого из игроков. И ты все просрала, так что пусть Аллен целует... Майка?

Компашка разрывается хохотом, но смеются далеко не все. Я, Аллегра, Майк и Рут остаются серьезными.

– Пусть он рыжую засосет, – бросает кто-то из толпы.

– Нет. – Машу головой.

– Да, – одновременно со мной отвечает Аллегра и сама придвигается ближе.

Меня окутывает нежнейший аромат спелых яблок и чего-то медового. Или быть может, я просто начал бредить. Но,

когда девушка уверенно обхватывает мое лицо ладонями, я едва успеваю шепнуть:

– Что ты делаешь?

– Не люблю быть должной, – быстро отвечает она.

Когда ее губы легко касаются моих, внутри меня разрывается какой-то фейерверк. В глазах темнеет, я тону в ее аромате и единственное, что не дает мне окончательно расщепиться на атомы, так это ее голос:

– Аллен, что с тобой?

Хочу сказать ей, что мне х*ево. Ибо мой заторможенный мозг понимает, что его накачали. Но изо рта вырываются непонятные даже мне звуки.

*С*ка, Майкл, что ты намешал в тот стакан, а?*

Вокруг нарастает паника и я вдруг почему-то вижу перед глазами потолок.

*Бл*ь, я упал что ли?*

– Аарон, слышишь меня? – Лицо Аллегры склоняется надо мной. – Потерпи, скорая уже в пути. Слышишь? Только не отключайся!

Да какой там отключаться, когда мои брюки позорно топорщатся, словно палатка на колу?

11.Аллегра

– Он не дышит, – испуганно шепчу и озираюсь по сторонам, надеясь на помощь. Но ужасаюсь тому, как реагируют все остальные ребята. Им фиолетово. Такое чувство, будто это в порядке вещей. Ну, подумаешь, еще один студент не вывез такого количество бухла и отключился. Только Аарон ничего не пил, кроме того злосчастного стакана, который предназначался мне. Но времени на раздумья о содержимом нет, потому что тело парня на моих руках окончательно обмякло и я реально не слышу его дыхания. – ОН НЕ ДЫШИТ!!!

И только после моего вопля они зашевелились. Майк оказывается рядом и неумело пытается прощупать пульс. Но что можно понять, будучи угашенным до такого состояния?

– Вот черт! – с выражением ужаса на лице он отскакивает назад. – Черт! Аллен! Черт!

– Нужна скорая, – аккуратно укладываю голову Аарона на пол и лезу в карман за телефоном.

– Ты совсем с ума сошла? – конченая Рут пытается выдрать его из рук. – Хочешь проблем?

– Да они и так уже есть! – рявкаю на нее. – Ему нужна помощь медиков! Так что убери свои лапы от меня, иначе скорая заберет двух человек и ты будешь одной из них.

– Да ну нахер вас, – девушка тянет Майка за рукав, – ва-

лим отсюда, живее!

В доме начинается паника. Кто-то спешит смыться с вечеринки, кто-то сбивается группками и снимает происходящее на камеру. Идиоты. Как помочь, так некому. А как хайпануть на возможной трагедии – всегда пожалуйста.

– Служба спасения слушает, – раздается голос в динамике.

– Срочно нужна скорая, – выпаливаю адрес.

– Что случилось?

– Парень без сознания и, возможно, без признаков жизни.

– Побудьте на линии, – диспетчер замолкает на секунду, – машина уже выехала. Скажите, этот парень что-либо принимал?

– Нет... да, – стискиваю пальцами переносицу, – я не знаю.

Он что-то выпил и после ему стало плохо.

– Мне нужны ваши данные, – слышится звук нажимаемых клавиш, – кем вы приходитеесь пострадавшему?

– Я...

Мою руку с телефоном кто-то тянет на себя и я едва успеваю среагировать, как Стелла нажимает на отбой.

– Поехали отсюда пока не поздно, – она кивает головой на выход.

– В смысле? Оставить его здесь? Вот так?

– Ты уже сделала хорошее дело, когда вызвала помощь. Но тебе нужно убираться отсюда. Если дела плохи, ты же понимаешь, что тебя потом затаскают по допросам? Оно тебе

надо?

Беспомощно смотрю на Аарона, а затем на Стеллу. Нет, мне оно не надо. Меня вообще здесь не должно было быть. Если родители узнают, мне точно не поздоровится.

– Не мечись, даже его дружок свалил одним из первых, – девушка помогает подняться на ноги, – ты единственная, кто из всего стада хоть что-то сделал.

В последний раз смотрю на Аарона и затем устремляюсь следом за Стеллой к машине. К тому моменту, в доме остались только пьяные в хлам обитатели «Дельта Каппы». Мы отъезжаем вовремя, так как за углом уже слышалась сирена и вскоре, в зеркале заднего вида я вижу, как улица озаряется проблесковыми маячками. Но затем мы сворачиваем в проулок и выезжаем на совершенно другую улицу.

– Останови здесь, – прошу Стеллу.

– Ты уверена? Может, стоит довезти тебя до дома?

– Нет, нет, – качаю головой, – я хочу прогуляться.

– Точно? – Стелла тормозит у обочины.

– Да. Спасибо тебе большое. – Благодарю на прощание.

– Думаю, еще увидимся. – Следует ответ.

Провожая взглядом ее машину и только потом понимаю, что меня конкретно потряхивает. А еще разрывает от противоречивых мыслей. Я не понимаю, правильно ли я сделала? Может быть, стоило остаться? Может быть, я могла бы еще чем-то помочь? А может, мой отъезд только к лучшему?

Дрожь в теле нарастала, от стресса мозг совершенно пе-

рестал нормально соображать. Просто бреду вперед и даже не задумываюсь над маршрутом, а у самой такая каша в голове... И такой же замогильный холод внутри. Обхватываю себя руками и верчу головой по сторонам, а затем понимаю, что застопорилась перед ярко освещенной витриной кофейни. И до такой одури хочется оказаться внутри, где так тепло и светло. И где можно отогнать весь тот сумрак, который меня окружает. Но время позднее, кофейня уже давно закрыта и мне почему-то становится горько. И здесь не успела... Если так подумать, то по факту я нигде не успеваю. Ни в своей жизни сделать что-либо нормальное, ни помочь другим людям. Я только и делаю, что наоборот все усугубляю. И меня прорывает. Я просто сажусь на бордюр и начинаю рыдать. Горько, с надрывом. Чуть позже я успокою себя тем, что все это – результат страха и стресса. Но сейчас я упиваюсь своим состоянием.

– Эй, ты чего? – теплые ладони ложатся на плечи и я вздрагиваю, когда поднимаю голову и вижу хозяина кофейни.

– Они все разбежались, как тараканы... а я хотела помочь... но, мне кажется, что я опоздала... – всхлипываю.

– Кому помочь?

– Там... парню плохо стало... а вызвала помощь и уехала...

– Ни хрена не понятно, но это не дело, – он подхватывает меня на руки, – ты вся трясешься.

Не сопротивляюсь. Наоборот, в этих объятиях мне становится легче. Прислоняюсь лбом к его груди и вдыхаю его аромат. Только сейчас понимаю, что от него пахнет лимонной цедрой, словно от вкусной выпечки.

Мы оказываемся в кофейне и меня бережно усаживают на мягкий диванчик. Затем парень колдует за прилавком и, вскоре, в моих руках уже находится чашка с горячим черным чаем и мятой. Делаю пару обжигающих глотков и оставляю напиток на столик, а затем сбрасываю обувь и забираюсь с ногами на диван.

– Лучше? – парень смотрит на меня очень пристально.

– Да, спасибо. – Киваю и закусываю нижнюю губу. – Извини, что оказалась на твоём пороге и, скорее всего, испугала тебя этим.

– Скажем так, я не из пугливых. Но женские слезы меня напрягают, особенно, когда не я их виновник. Не я ведь?

– Не ты.

– Фух. – В шутку вздыхает парень.

– И часто у тебя на пороге рыдают девушки?

– Достаточно.

– Любишь разбивать сердца? – И тут же бью себя по лбу. – Прости, лезу не в свое дело и даже не удосужилась спросить твоего имени.

– Я – Джейсон, – усмехается парень. – И нет, это не секретная информация. Я просто очень строгий начальник. Так что мотай на ус, обычно я не сторонник такой сырости. Мне

нужен стрессоустойчивый человек на работу.

– Эмм... раз уж я оказалась здесь, то хотелось бы тебя предупредить, что работать в этой кофейне я не буду.

– Почему? Неужели испугал?

– Нет, – качаю головой, – есть... некие сложности, которые мне помешают надлежащим образом исполнять все рабочие обязанности.

– И что-то мне подсказывает, что дальше объяснять ты не станешь, – Джейсон не отрывает от меня своего взгляда. – И это очень досадно. Ты мне понравилась.

На мгновение теряю дар речи. Еще пару дней назад я была уверена в том, что Джейсон – типичный альфач, которым можно воспользоваться. А сейчас... он открылся совершенно с другой стороны. Умный, уверенный в себе и не боящийся озвучивать свои мысли парень.

– Скажи, ты помог мне только поэтому? Потому что симпатична? – Господи, ответь «да», иначе мне станет совсем стыдно за свои предыдущие намерения в твой счет.

– Когда девушка в беде или чем-то расстроена и сидит на пороге твоей кофейни поздним вечером, – Джейсон тянется к моей кружке и делает глоток чуть остывшего чая, – грех не подойти и не предложить помощь. Пусть даже вызвав и дав денег на такси, но этого могло быть достаточно. На звание полноценного рыцаря, конечно, не тяну, но помогаю по мере возможности.

– Черт, замолчи, – закрываю лицо ладонями.

– Не понял, – парень застывает с удивленным выражением на лице. – Звучит стремно? Не подходит под мой внешний вид?

– О, да, – соглашаюсь, – лучше бы ты и дальше выглядел полнейшим муذилой. Мне бы просто было бы легче.

Он не понимает и это читается в его глазах. Тогда я наблюдаю полные легкие воздуха и выпаливаю то, что больше не хочу скрывать:

– Я планировала с тобой переспать. И, да, если бы ты так и оставался муذاком, как на первой встрече, это значительно облегчило бы мою миссию.

12.Аллегра

Он смотрит на меня, как на еб*нутую.

И я даже не хочу оспаривать этот факт. Потому что дикая смена в настроении меня пугает не меньше, чем его. Ведь всего полчаса назад я рыдала у него на пороге, а сейчас озвучила не самые пристойные мысли, которые могут зародиться у девушки. И мне становится стыдно. Настолько, что хочется сбежать. И если бы не теплые ладони Джейсона на моих щеках, я бы это уже давным-давно сделала. Однако сейчас, замираю в ступоре и не могу понять его ход мыслей.

– Не хочу хвастаться, но эта фраза для меня не в новинку.

– Не удивительно, – морщусь и кладу свои руки на его запястья. Так и получается, что он удерживает меня, а его. – Жаль, а так хотелось тебя поразить.

– Не поверишь, – парень притягивает меня к себе еще ближе и теперь мы касаемся кончиками носов, – уже поразила. И я чертовски рад, что ты не будешь на меня работать.

– Почему? – еле слышно выдыхаю в его губы.

– Потому что все мои последующие действия могли бы меня привести за решетку. Домогательства к подчиненным – плохая затея. – Следует такой же тихий ответ на выдохе.

А дальше... дальше Джейсон целует меня. И это не похоже ни на один из поцелуев, который был у меня до этого. Он нежен и требователен одновременно. И я не остаюсь в долгу,

отвечая ему со всем рвением, на которое была сейчас способна. Это как танец на острие лезвия, где каждый шаг может отправить нас в бездну. Не помню, как оказалась у него на коленях. Но помню шелк его волос, который пропускала через пальцы и вновь сгребала в охапку. Если бы не настойчивая трель телефона на барной стойке, мы бы шагнули за черту и к чертям все последствия. О том, что это не простой звонок, я понимаю по напрягшемуся телу Джейсона.

– Что... что такое? – сбившееся дыхание мешает говорить.

– Это брат.

– И?

– Он мне никогда не звонил прежде. – Задумчиво произносит парень.

– Так узнай в чем дело, – неохотно, но сползаю на диван обратно. – Вдруг что-то серьезное?

Ох, язык – враг мой.

Парень поднимает трубку и я вижу, как лицо Джейсона белеет.

– Да, хорошо, сейчас буду. – Он нажимает на отбой и хватает ключи со стойки. – Аллегра, прости, но мне нужно ехать.

– Что-то случилось?

– Все в порядке.

– Но ты на взводе, – возражаю. – Что не так? Беда с твоим братом?

– Прости, но это не твое дело. – Отрезает Джейсон и меня будто окатывают ледяной водой.

– Да. Точно. – Прикусываю и так припухшую от поцелуев губу. – Ты не думай, я не из-за любопытства спрашивала. Просто... думала, что смогу тебе хоть чем-то помочь.

– Можешь, – кивает он в ответ, когда усаживает меня в машину, – никогда не задавай вопросов касаясь моего брата. Договорились? Вот и отлично. Куда тебя подбросить?

– Эмм... – мешкаю, но потом называю адрес небольшого магазинчика на углу нашей улицы, откуда я бы быстро попала домой.

И Джейсон доставляет меня туда в считанные минуты, причем в полной тишине. Если чуть ранее мне казалось, что между нами возникла тонкая нить связи, то сейчас она оборвалась. И я чувствовала это. Мы снова стали чужаками с улицы, а не той парой молодых людей, которые готовы были разделить страсть пополам. И снова настоящее неплохо огрело меня по затылку.

Я слишком быстро все идеализировала.

Нда, на скольких же граблях мне еще придется станцевать, чтобы научиться холодному расчету, а?

Вздыхаю и хватаюсь за ветку, затем подтягиваюсь выше и еще раз подтягиваюсь к следующей ветви. Оказываюсь почти на уровне своих окон и чуть не падаю с высоты, так как рядом из темного проема слышится голос:

– Ну как, нагулялась?

– Мам! – вскрикиваю, когда соскальзывает нога, но я успеваю схватиться за раму. – Ты смерти моей желаешь? Кто так подкрадывается и пугает?!

– У меня к тебе тот же вопрос, Аллегра, – она помогает мне забраться в комнату и включает ночник. – Где ты была?

– Гуляла, – бурчу, стягивая сумку с плеча, – а ты давно тут меня караулишь?

– Достаточно, чтобы понять, что моя дочь – абсолютно маленький ребенок, который не в состоянии обдумывать свои действия. – Упирает она руки в боки. – Я себе места не находила, думаю, дай, извинюсь за свою резкость. И что я увидела? Пустую постель и три часа непонятно где шастающую дочку, которая лезет в окно. Захотелось адреналина?

– Нет, захотелось просто побыть с друзьями.

– Какие еще друзья? Мы же только недавно сюда переехали и этого времени мало для доверительных отношений, чтобы ты вот так смело уходила куда-то в ночь. А значит... тусовка с малознакомыми людьми, да?

– Господи, да, мама, да! – не удерживаюсь от ноток злости в голосе. – Или я уже не имею право ходить и гулять без твоего позволения. И только с теми, кого ты одобришь?! Ну, сходила я на вечеринку и что? Ничего страшного не случилось же!

Прикусываю язык. На самом-то деле, случилось, но не со мной. Но об этом маме знать не стоило. Она и так походила на разъяренную мегеру.

– Ты... хоть понимаешь, как ты рисковала? – Она потирает лоб и сглатывает. – А вдруг тебе стало бы плохо, твои бы новоиспеченные дружки... они... они бы знали, что делать?

– Что ты хочешь услышать? – сбрасываю одежду на стул и влезаю домашние шорты и майку. – Что я безответственная?

– Ты бы могла хотя бы носить браслет, где указаны твои данные. – Смягчается голос мамы. – Окружающие тебя люди должны знать о том, кто рядом с ними.

– Нет. – Ожесточенно тру ватным спонжем по лицу, стирая остатки косметики. – Я не обязана им говорить о своем диагнозе.

– Так поступают только эгоисты.

– Плевать.

– А ведь найдутся и те, кто к тебе привяжется и кому будет больно. И это я сейчас говорю не о нас с отцом. Ты постоянно твердишь, что тебе не нужна жалость. Но откуда ты так уверена, что все люди будут чувствовать именно это?

– Потому что я вижу это каждый раз, когда оказываюсь в больнице. – Огрызаюсь в ответ.

– Ты просто вбила себе это в голову и не замечаешь ничего вокруг. Потому что помимо пресловутой и так тобою любимой жалости, люди могут дать тебе и поддержку. И заботу. И любовь с дружбой. Но им надо знать твои особенности. Если ты приоткроешь хотя бы на миллиметр, ты поймешь, что... да кому я рассказываю? Ты ведь уже давно возомнила себя бомбой замедленного действия и мои слова это так...

пустой звук для тебя.

Понимала ли я, о чем она говорит? Да. Принимала ли я это? Не совсем. Ведь для меня признания в болезни были сродни какому-то заявлению о слабости. А я не хотела, чтобы меня запомнили именно такой. Я не хотела так же пересудов за своей спиной. Увы и ах, наше общество ничего другого не умеет, как тщательно перемывать тебе кости и тут же улыбаться в глаза. Но еще больше я не хотела, чтобы люди были рядом со мной из чувства долга. Не хочу быть камнем, который тянул бы их на дно. Пусть они живут рядом и ничего не знают, а о том, чтобы они сильно не привязывались ко мне, я позабочусь лично.

И только я хочу озвучить это вслух, как резкая боль в груди заставляет просто открыть рот и судорожно втянуть воздух.

– Аллегра? – мама и подоспевший на наши крики папа устремляются ко мне.

Папа успевает подхватить меня до того момента, пока я не успела грохнуться на пол.

– Где больно? – он всматривается в мое лицо.

– Вот... здесь... – зажмуриваюсь от нового приступа, но тянусь к центру груди.

– Только без паники, скорая уже едет, – мама уже рядом и поглаживает меня по волосам. – Доктор Эммет тоже в курсе, спешит в больницу.

В действиях моих родителей уже нет ни волнения, ни

неосторожных движений. Все четко и слажено. Потому что такое случается с нами не в первый раз. Обычно, я тоже не боюсь. Привыкла, наверно. Ведь появляются вещи, с которыми приходится смириться. Как эти приступы, например. Вот только сегодня все было как-то иначе. И я не могла понять, в чем причина. Именно из-за этого непонятого чувства на меня накатывает и паническая атака. А вот это было откровенно говоря, паршивее некуда.

13. Аарон

В своей жизни я не любил множество вещей. Лук, например, варенный. Цвет фиолетовый. Ранние подъемы и все виды общественного транспорта тоже были из этой категории. Но больше всего я ненавидел больницы. За их процедуры и за напускное радушие персонала, который встретил меня здесь будто бы я просто отлучился ненадолго в нормальную жизнь и затем вернулся к ним вновь. И я знаю, что из всего этого было паршивее: то ли снова видеть больничные стены после пробуждения, то ли недовольную рожу Джейсона.

– Не ожидал, что это случится так скоро. – Холодно звучит его голос.

– Слушай, давай не сейчас, – еле шевелю сухим языком и жмурюсь, – лучше приглуши свет и дай мне воды.

– Дебил, это солнце светит, – огрызается брат, – ты пролежал в отключке всю ночь.

– А, – только и могу сказать ответ. – Ну, хоть шторы закрой.

Даже с закрытыми глазами мысленно рисую его маршрут: окно – тумба с графином – моя койка. И, вуаля, в гудбы грубо толкается прохладное стекло. С жадностью глотаю живительную влагу и не обращаю внимания даже на то, что большая часть проливается мне за шиворот.

– Сиделка из тебя так себе, но спасибо, – удовлетворенно

откидываюсь на подушки. – Только не могу врубиться, что ты здесь делаешь?

*– Вообще-то ты меня набрал, – Джейсон не отходит от постели, – сказал «мне плохо» и «я в больнице», а дальше гудки и мне пришлось сорваться на ночь глядя в поисках тебя. Благо, что с твоим «послужным списком» за тобой числится именно эта больница. Бл*дь, ты скажи, чего тебе в жизни не хватает, а? Какого хрена мы вечно должны бояться за тебя и вытаскивать из крошейной эжопы?*

– Не ори на меня, – огрызаюсь, – такое чувство, будто я намеренно это сделал.

– А разве нет?!

– Я сказал, не ори на меня! Раз оступись и вы теперь вечно будете меня попрекать?! К твоему сведенью, я выпил то, что мне не предназначалось и тем самым спас девчонку.

– Что ты мелешь? – Джейсон хватается за больничную пижаму. – Не хватает смелости сказать правду?

Я понимаю, что чтобы я сейчас ни сказал... мне не поверят. И меня это выбешивает. Разжимаю пальцы брата и отталкиваю его в сторону.

*– Можешь проваливать отсюда туда, откуда приехал. – Гневно смотрю на него. – Небось, как всегда притворялся ох**нным парнем и клеил очередную девицу у себя в кафешке.*

– А что, если и так? – он прищуривается. – Завидно?

– Да тут не завидовать, а сочувствовать нужно. При-

чем не тебе, а той лохушке, которая повелась на тебя. Ты же как хамелеон, который приспосабливается под обстоятельства.

– А ты обозленный на все и вся инвалид, но живешь же с этим.

– Ооо, – качаю головой, – видимо, свидание оборвалось на самом интересном, раз ты такой нервный. Так надо было забить на мой звонок и продолжить то, чем ты там занимался. Ты же прекрасно слышал, что я был в неадеквате. Так чего ты приперся? Показать свою псевдо заботу? Нахер она мне сдалась, вот что я тебе скажу. Или лишний раз поиграть в героя перед родителями? Тебе мало почестей, которыми они тебя теперь осыпают?

– Ты. Ни хрена. Не понимаешь. – Цедит Джейсон и, развернувшись на пятках, покидает палату.

Все как всегда. У нас вечно остается какая-то недосказанность в предложениях.

Но хуже того, что я в полуобморочном состоянии вызвал Джейсона, оказался последующий разговор с врачом. Доктор Айзенберг заглянул ко мне после обеда, когда я вяло ковырялся в остатках клубничного желе.

– Ну, здравствуй, Аарон. Давно не виделась.

– Угу. – Сую ложку в рот.

– Сам расскажешь, как эта адская смесь попала в твой организм?

– А что там было?

– А ты не в курсе?

– Поверьте, док, приехать в больницу в бессознательном состоянии и со стояком – не моя прихоть. И я был вам очень признателен, если бы вы мне подробно рассказали о том, что вам удалось выяснить из моих анализов. Это для того, чтобы я потом мог как следует разобраться с теми шутниками, которые это сделали.

– Что ж, я не впервые сталкиваюсь с подростками в похожем состоянии. И обычно, это девушки. У которых, помимо всего прочего наблюдаются... совершенные действия сексуального характера. То есть, их накачивают и ...

– Я понял, к чему вы клоните. – Врачною.

– То, что ты выпил, – доктор Айзенберг оказывается рядом с кроватью, – было сделано для тебя?

– Нет, – качаю головой, – для другого человека.

– Что ж, пропорции препаратов были явно не соблюдены и завышены. – Мужчина откашливается. – Ты понимаешь, что это может вылиться в подсудное дело? Убить вас не убили бы, но нанесен непоправимый вред для здоровья. И сделано это было явно не с добрыми намерениями. А значит, это можно расценивать...

– Никак это не нужно расценивать, – прерываю его речь.

– Аарон, если бы эту смесь выпила бы девушка, а я прекрасно понимаю, что ее сделали не для парня, – врач хмурится, – последствия были бы печальнее. Если бы у нее оказался слабее организм, ее бы попросту отправили в отключ-

ку на несколько дней. И это не шутки. Такие действия наказуемы.

– Я все понял и разберусь со всем самостоятельно. И, как совершеннолетний житель этого города, я имею право отказать от предъявлений каких-либо претензий.

– Ты уверен, что хочешь покрыть виновных? Не пожалей о своем решении?

– Нет. – Уверенно киваю в ответ.

– Хорошо, дело твое. Но я обязан поговорить с твоими родителями.

– Не стоит.

– Аарон, дело даже не в случившемся. – Врач машет перед моим носом папкой с моими анализами. – Это даже хорошо, что ты попал к нам в больницу. Есть кое-какая динамика в твоем состоянии. И она не очень хорошая.

Я тогда даже ничему не удивился. В последнее время у меня в жизни почти ничего не происходит хорошего. Поэтому... когда приехала мама с отцом, я отказался присутствовать на разговоре. Бесцельно блуждал по коридорам и рассматривал пациентов и их родных. Я ненавидел больницы не за то, что был здесь частым гостем. А за те эмоции, которыми были пропитаны эти стены. Сколько бы слоев красок на них не было, сколько бы жизнерадостных плакатов и фото не наклеено, все равно от них разило болью. Я повидал здесь многое: и счастливые лица на выписках из родильного отделения, и отчаяние у хирургического блока, когда от те-

бя ничего не зависит и ты ничем не можешь помочь, кроме как понадеется на опыт хирургов. И даже скорбь. Последнее можно прочувствовать на последнем этаже, где расположено онкологическое отделение. Именно туда меня притащил Джейсон после неудачной попытки суицида. Притащил на руках, без кресла и усадил на стул посреди коридора, чтобы я не мог никуда деться.

-Смотри, – шипел он мне в лицо, – смотри, как люди из последних сил цепляются за то, что ты готов был просрать из-за своей слабости.

И я смотрел. Я видел стариков, людей средних лет, своих ровесников и даже детей, которые стоически терпели ад. И тогда, я, человек никогда не считавший себя сентиментальным, расплакался. Потому что мои беды оказались пустышкой по сравнению с тем, что переживали эти люди. И больше мыслей сделать с собой что либо не появлялось. Вот такая у меня вышла перезагрузка.

Да, по мнению остальных, я стал более жестоким и озлобленным. Но они не понимали, что за всем этим я скрываю самое обычное чувство страха. Как и сейчас, когда доктор Айзенберг что-то говорил моим родителям за закрытыми дверями своего кабинета, я попросту трусливо свалил. Боясь, что услышав что-то плохое, сорвусь и покажу свою слабость. А они не должны этого видеть. Вот поэтому я и дожидался лифта, чтобы поскорее скрыться со своего этажа. И совсем не ожидал увидеть там Аллегру в домашнем костюме и такой

же биркой на руке, которая свидетельствовала о том, что она явно здесь не временный посетитель.

– Ну, привет, – въезжаю в лифт и делаю разворот.

– Привет. – Девушка засовывает руки в карманы кофты. – Тебе куда?

– В кафетерий. А тебе?

– Тоже.

– Почему ты выбрала именно грузовой лифт?

– Здесь народу всегда мало. – Отстраненно отвечает она. – А ты?

– По той же причине, – отшучиваюсь, чтобы хоть как-то разрядить обстановку. – Не люблю большое скопление людей, они вечно пытаются усесться мне на коленки.

И это действует. Потому что она хлопает себя ладонью по лбу и хихикает, но тут же пытается стать серьезней.

– Прости, не подумала и ляпнула ерунду.

– Да ладно, я не в обиде.

Лифт останавливаются и я, как истинный джентльмен, пропускаю девушку вперед. А затем выкатываюсь следом и следуем к стойкам, где расположены сэндвичи и десерты. Не стовариваясь, берем одинаковые пирожные и стаканы с лимонадом.

– Можно мне с тобой? – удивляет ее вопрос.

– Конечно, какие проблемы. – Останавливаюсь у столика, где с одного края есть мягкий диванчик, а с другого пустота и я могу с легкостью ее заполнить своей коляской.

– Как ты себя чувствуешь? – Аллегра делает глоток из стакана.

– Уже нормально.

– Это хорошо. – Она поджимает губы. – Слушай... я хотела бы извиниться и сказать тебе спасибо. Если бы не ты...

– Все в порядке. – Опускаю глаза на свои руки, которые сжимали металлические дуги колес.

– Нет, – она качает головой, – ты просто многого не знаешь. И если бы я тогда выпила тот напиток, были бы плачевные последствия. Так что ты меня спас. Спасибо тебе за это.

– Эмм... хорошо, если тебе это так важно, я принимаю твою благодарность. – Говорю эти слова вслух, а сам про себя делаю пометки, что Майку это просто так не сойдет с рук. – Но, тогда и ты прими мою. Ты тоже меня спасла. И от поцелуя с Рут и потом, когда вызвала скорую.

– Ты помнишь? Ты же был в отключке, – удивленно смотрит она на меня своими серебряными омутами и я впервые понимаю, что с Аллегррой что-то не так.

У нее уставший вид. Из-за сильной бледности кожи, выделяются синяки под глазами. И вообще, она выглядела так, будто последние сутки рыдала.

– Почему ты здесь? – пропускаю ее вопрос мимо ушей.

– Временные проблемы со здоровьем. – Она отстраняет взгляд в сторону и нервно тербит полоску на запястье.

– Метка кардиологии, – озвучиваю расшифровку цвета ее больничного браслета и она тут же одергивает рукав еще ни-

же, закрывая то, что я уже увидел. – Что с тобой?

– Какая разница? – Аллегра моментально меняется в лице. И передо мной вместо добродушной девушки я вижу... самого себя, только в девичьем облиии. Озлобленной и той, которая не хочет, чтобы кто-то лез в ее душу. – Хочешь поиграть в психолога? Или простое любопытство берет верх?

– Ни то, ни другое, – поднимаю ладони вверх, будто показывая, что сдаюсь ей. – Прости, полез не в свое дело.

– Не делай так больше, – произносит она с нравоучительными нотками в голосе, но вроде бы уже не сердится.

– Но хоть скажи, ты надолго здесь?

– Тебе-то, зачем эта информация? – Сужаются ее глаза.

– Ну, мне же надо коротать с кем-то время, – жму плечами, – а с тобой это будет происходить веселей.

Я ожидаю от него чего угодно: и посыла на три буквы, и выливания лимонада на мою голову и просто отрешенного молчания. Но вместо всего этого, она лишь вздыхает и откидывается на спинку диванчика. В ее глазах столько печали и еще непролитых слез, что я понимаю, да, она здесь надолго. Как и я. Мы оба – заложники обстоятельств, которые пока не видят выхода из сложившейся ситуации.

14. Аарон

Эти две недели «после» оказались самыми странными в моей жизни. Во-первых, я обрел человека, в котором познал и близнеца по духу, и друга. Но это было позже. А сначала я коснулся дна, но не в прямом смысле, а метафорически. И весь мир снова погрузился в серый цвет.

Случилось это, когда меня все-таки затащили на ряд анализов и диагностик. И если на первом этапе у меня еще получалось воспринимать все со свойственной мне иронией и долей язвительности. То с каждым новым листом в моей истории болезни и, соответственно, мрачающим лицом врача, эта ирония блекла и сдувалась. И уж если в больницу зачастил отец, то дела реально обстояли паршиво.

– Мам, – подаю голос сразу же, как только она оказывается в палате, – что со мной?

Понимаю по ее глазам, что она боялась этого вопроса. Мама мнетя у порога и не решается подходить ближе, судорожно сжимая ляжки сумки.

– Мама? – мне кажется, что в палате становится на несколько градусов холодней.

– Аарон, – наконец-то отмирает она и выдавливает слабую улыбку, – все будет хорошо.

– Будущее время вместо настоящего, – сокрушенно озвучиваю свои догадки. – И... что... что врачи говорят?

– Я не сильна в их терминологии...

– Мне плевать на заумные слова, – стопорю ее, – скажи нормальным человеческим языком. Они должны были тебе разжевать всю информацию, так что не прикидывайся незнающей особой.

Мое раздражение логично. Я в кои-то веки интересуюсь своим здоровьем и меньше всего хочу, чтобы меня обманывали или приуменьшали действительное положение вещей. Потому что я впервые за все это время реально хотел быть полноценным членом этого общества. И причиной тому была Аллегра.

Наше общение сложно назвать приятельским. Это больше смахивает на временное сотрудничество. Просто потому что мы оба оказались в незавидном положении. А хандрить иногда полезно в компании. Мы редко целенаправленно договаривались о встречах. Просто находили друг друга в том или ином месте и зачастую сидели молча, каждый погруженный в свои мысли. И нам в этом молчании было комфортно. А когда мы о чем-то говорили, я все больше поражался тому, насколько мы с Аллегррой схожи. Иногда ее размышления казались настолько глубокими, будто ей уже давно за пятьдесят и она повидала многое на своем пути. А затем ты просто понимаешь, что это жизненные обстоятельства вынудили повзрослеть ее так рано. И в такие моменты становилось горько, ведь молодые люди вроде нас не должны вот так сидеть и говорить о вечном. О том, чему не суждено сбыться. Мы

должны строить планы на будущее. Но кто-то незримой рукой постоянно выбивал фундамент и все рушилось. Сложно предугадать, что будет через год, если ты не знаешь, что будет завтра. Это самая любимая фраза Аллегры за последнее время, от которой у меня появлялись мурашки. И смотря в эти глаза серебряного цвета, мне до безумия хотелось, чтобы пресловутое «завтра» у нее выдавалось как можно безоблачней. Мне впервые хотелось сделать для другого человека что-то, что принесло бы ему хотя бы толику радости. Но, как оказалось, мое «завтра» тоже под вопросом.

– Аарон, милый, – мама подходит к постели и берет за руку, – томография показала, что есть новые участки разрушений в позвоночнике.

– И? Пусть вставят новую пластину, как и в прошлый раз.

– Там... там такой участок... – мама поджимает дрожащие губы, – доктор Айзенберг говорит, что велик риск... что вмешательство сделает еще хуже.

– Насколько? – во рту мгновенно пересыхает. – Насколько, мама?!

– Девяносто процентов того, то ты останешься прикованным к постели, – заливается слезами она в ответ, – обездвиженный по шею.

– А без вмешательства? – еле шевелю губами. – Что будет без него?

– Они не знают точно...

– Что будет?! – кричу и чувствую, как глаза предательски

влажнеют.

– Тоже самое, но мучительнее! – срывается и мама в ответ, но тут же берет себя в руки. – Ты не переживай, мы найдем других врачей. Мы будем искать новые виды лечения. Мы все попробуем...

Но я ее уже не слышу, скидываю ее цепкие ладони и скачиваюсь с постели в коляску. Несмотря на ее причитания, вырливаю из палаты и качусь, куда глаза глядят. Точнее ими я как раз едва что-то вижу, так как они полны слез и я безумно не хочу разрыдаться на глазах у всей больницы. Не сейчас. Не надо. В груди так мало воздуха, что я задыхаюсь. Мне как будто мало места в собственном теле.

– Эй, Аллен, – слышится знакомый голос, – куда ты?

– Отвали, Аллегра, – проношусь мимо.

Дальше. Еще дальше по коридору. Еще один поворот. Лифт. Чьи-то возмущения по поводу отдавленных ног. Похрен. Взрываю на самый последний технический этаж и толкаю тяжеленную дверь, но она не открывается и тогда, я молочу по ней изо всех сил, сбивая костяшки в кровь. Ору от бессилия. Как вдруг, чья-то рука с бейджем скользит по сканеру и открывает мне спасительный выход. А еще помогает коляске перекатиться через высокий порог и вот, я на крыше. Смотрю на небо, на закат и понимаю, что сил кричать уже больше нет. Просто чувствую, как широко распахнутые глаза проливают слезы, а внутри пустота. Только тело дрожит и раскачивается из стороны в сторону. Я даже не совсем

понимаю, что меня обнимают. Легко так и почти невесомо чьи-то руки покоятся у меня на плечах, притягивая к себе. И только по знакомому аромату яблок, узнаю Аллегру. Закрываю глаза и втягиваю этот запах, который удерживает меня на краю помутнения рассудка и зарываюсь в ее руку носом. Чувствую, как одна ладонь девушки медленно прохаживается по моим волосам, успокаивающе поглаживая. А затем, почти у самого уха, тихо звучит ее голос:

– Когда ты захочешь плакать, позови меня. Я не обещаю тебя рассмешить, но я могу поплакать с тобой. Если однажды ты захочешь сбежать, позови меня. Я не обещаю уговорить тебя остаться, но я смогу сбежать с тобой. Если однажды ты не захочешь вообще кого-либо слышать, позови меня. Я обещаю прийти ради тебя. И обещаю вести себя тихо.

– Но если однажды ты позовешь, а я не откликнусь, пожалуйста, поспеши ко мне! Вероятно, в этот момент я в тебе очень и очень нуждаюсь. – Заканчиваю за Аллегррой цитирование известного Габриеля Гарсия Маркеса и вздыхаю. Потому что именно эти строки сейчас как ничто другое, передавали все мои чувства. И в порыве благодарности, я касаюсь губами ее кисти там, где можно прочувствовать пульс.

Аллегра на мгновение замирает и мне кажется, что я поступил неправильно, ведь она мягко выдергивает руку и я больше не чувствую ее тела позади себя. Но лишь на короткое мгновение. Потому что в следующую секунду, она оказывается у меня коленях, обнимая меня изо всех сил. И я

обнимаю ее в ответ.

15. Аллегра

Меня наконец-то завтра выписывают.

Выдыхаю и улыбаюсь своему отражению в зеркале. Это самая прекрасная новость на сегодняшний день. Не без дополнительных ограничений, но я готова смириться и с ними. Лишь бы поскорее свалить отсюда и больше не видеть эти больничные стены. А еще я очень хочу поделиться своей радостью с Алленом и как раз направлялась к нему, как сам парень промчался мимо по коридору так, будто за ним кто-то гнался. Для всех остальных, он вновь оказался несносным Аароном, который в очередной раз выкидывал номер, когда ему было что-то не по душе. Однако если бы они были внимательнее, то разглядели бы кое-что другое в нем.

Я тут же узнала эту боль в его глазах. Боль оттого, когда гаснет последняя надежда и впереди только пропасть с тьмой. Боль, когда заранее со всеми прощаешься, а жить хочется. Я сталкивалась с этим, нет, я живу с этим последнее время. Поэтому все его чувства мигом находят во мне отклик. Я тянусь за ним, следую незримой тенью на крышу и вижу то, что видеть мне не стоило бы.

Отчаянье. Рев раненного зверя. Безысходность.

И мне так хочется помочь ему настолько, насколько это возможно. Насколько бы он сам позволил. Я хочу дать ему поддержку и показать... да черт его знает, что можно пока-

зать человеку, у которого отбирают будущее? И главное, чтобы это не выглядело жалостью или насмешкой.

Поэтому, я просто обнимаю его. Даю простое человеческое тепло, которое хотя бы на миг его согрело от собственного душевного холода. И говорю ему те же слова, которые мне в свое время говорила мама, когда была на моем месте. Когда она хотела помочь мне, но боялась сделать еще больше, чем оно было. И облегченно вздыхаю, когда Аарон не отталкивает меня.

Знаете, раньше до всех этих событий в собственной жизни, я считала, что дружба просто так не случается. Что ее нужно как-то заслужить поступками или еще чем-то в этом роде. И что для прочной связи нужно очень много времени. А сейчас, в считанные минуты поняла, что обнимаю друга. Вот так, без всей этой мишуры и «прелюдий» у меня появился... Нет, я даже сказала бы, что я впервые реально захотела чтобы в моей жизни стало на одного друга больше. С виду я просто раскрыла свои объятия, а на самом деле открывала свою душу, чтобы впустить этого человека.

А нужно ли мне это?

Этот вопрос, который объемно раскрывал меня, как эгоистку... он мигом испарился из моей головы. Трудно думать о корысти, когда за тебя так цепляются в прямом и переносном смысле этого слова.

Мы так и просидели в обнимку, провожая в тотальной тишине последние лучи солнца за горизонт. Еще чуть-чуть и

не успеем добраться в палаты до обхода, а мне еще стоило бы вернуть ключ-карту, которую я «позаимствовала» у зазевавшейся медсестры. Помогаю парню оказаться у себя и уже почти добираюсь к стойке медсестер, как слышу их тихий разговор, который заставляет меня замереть за углом:

– Слышала, Аллены снова всех поднимают на уши. Доктор Айзенберг обмолвился, что шансов вообще нет. – Вздыхает одна из них. – Бедный мальчик... сколько ему еще придется вытерпеть.

– А мне, уж прости, совсем его не жалко. – Отрезает вторая. – Я была тогда в смене, когда его привезли сюда под наркотой после аварии. Страшное зрелище. Каждый раз, как вижу его самодовольное лицо, перед глазами совершенно другая картинка. И там он неумолимо орет на койке, что он признает вину за собой, а потом захлебывается в собственной рвоте.

– Ох, Энни, ты ничего не знаешь, – в голосе первой слышатся осуждающие нотки.

– А ты в курсе, да?

– Поверь, я знаю побольше твоего. – Она вообще переходит на едва уловимый шепот. – Не он был за рулем, а его друг. Я подслушала их разговор, когда этот парень приходил навестить Аарона. Он благодарил его за то, что тот дал ему уйти.

– Зачем он это сделал?

– Я так поняла, что у этого друга уже были проблемы с

законом. И Аллен решил взять вину на себя, он-то уже тогда понимал, что с кровати он не встанет. Инвалидность плюс связи... кто с таким будет связываться? К тому же, у девчонки был передоз и уж потом травмы. Так что на момент аварии она уже была... ну... того... Это мне так наши из морга рассказывали.

– Обалдеть...

Обалдеть не то слово. Отлипаю от стенки и отхожу на пять шагов назад, а затем стараюсь максимально шумно двигаться вперед. И медсестры при виде меня затихают, делая вид, что заняты своей работой.

– Аллегра, что-то случилось? – Энни привстает с места.

– Да вот, шла в туалет и обнаружила вот это, – протягиваю карту. – Видимо, кто-то из ваших обронил.

– Ох, это наверно наша новенькая, – качает головой медсестра, – постоянно приходится напоминать ей, чтобы она надежней пристегивала его к халату. Спасибо, что вернула пропажу.

– Да не за что.

– Сегодня последний вечер? – Улыбается вторая женщина, имя которой я смутно помнила. Потому что Энни была старшей по нашему отделению из всех медсестер, а эта, видимо, с этажа Аарона. Не удивлена, что она знает меня. О таких «специфичных» гостей, как я и как тот же Аллен, быстро расходятся слухи.

– Ага, – натянуто повторяю вслед за ней улыбку.

– Что ж, это хорошо. Обожаю, когда люди выписываются из нашей больницы. – Она прихлопывает Энни по плечу. – Что ж, пойдю в свое царство, девочки.

Я тоже прощаюсь и шагаю в свою палату. На лице – минимум эмоций. Зато в душе целый ураган. В свете последних событий, Аарон открывается для меня с новой стороны. Мне хочется броситься к нему, схватить за плечи и хорошенько встряхнуть. И завопить:

Что ты наделал?

Потому что Майк, а я уверена он, был виновником аварии. И это не стоило спускать с рук. Особенно ему. Потому что я видела своими глазами, как этот подлый и мерзкий человек сбежал, когда Аарону стало плохо на вечеринке. Он струсил, когда подумал, что его махинации с напитком могут привести к плачевным последствиям и первый развернулся к нему спиной. Не удивлюсь, что так же было и в тот вечер, когда они ехали в машине. И таких людей друзьями не называют и уж тем более не спасают.

16. Аллегра

После выписки всегда возникает ощущение, будто ты ненадолго выпал из жизни и теперь как-то надо снова приспособиться к ней. Привычное для меня занятие, однако, не в этот раз. Во-первых, от мамы не укрылось то, что я сблизилась с Аароном. И теперь они с отцом были очень похожи на сытых и довольных котов, которые обожрались на ночь сметаны.

Боже, у нас появился мальчик!

Светилось заглавными буквами на лбу у мамы.

Смотри, не спугни.

Отвечал ей папа взглядом.

А я что? А я впервые не срывалась оправдываться или как-то возражать. Потому что мне действительно было комфортно в его обществе. И, к тому же, мне будет на руку, если Аллен согласится прикрывать меня в том случае, если место в кофейне все еще вакантно. Друзья же нужны не только для того, чтобы плакаться в жилетку, когда наступают трудные времена. С ними можно разделять и счастливые моменты. А выход на работу попадал именно под эту категорию.

– У тебя все получится, – подбадривает меня моя подруга по ту сторону монитора, когда мы в очередной раз выходим на связь.

Лея – единственная, кто не смотря ни на что, постоянно

на моей стороне. Даже тогда, когда мои методы действий ей совсем не по душе. Я знаю, что моя идея с работой ей понравилась и она не видит в ней ничего плохого.

– Ты сейчас о чем именно говоришь? – поправляю любимый джинсовый комбез и придирчиво осматриваю свое отражение в зеркале.

– Судя по тому, что ты надела свой счастливый прикид, – вздыхает Лея, – то обо всем.

Да, хоть она ничего не говорит, но я знаю, что ее смущает факт того, что Джейсона я приглядела вовсе не в качестве своего будущего шефа.

– А что твой новый друг говорит по этому поводу? – как бы невзначай интересуется девушка и я, разворачиваясь к экрану, упираю руки в боки.

Ох, Лея, ты бываешь невыносима, как и моя мама. Собственно, именно последняя успела отзвониться всем вокруг, чтобы сообщить последние новости. И угадайте, какая была на первом месте? Явно не та, где говорилось о моем еще одном удачно пережитом кризе. Лея в тот же день деловитым тоном сообщила, что я настоящая коза, которая совсем позабыла о своей подруге и нашей клятве вечной дружбы. Пришлось «замаливать» грешки подробным рассказом произошедшего и ссылками на профиль Аарона. Только после этого, Лея перестала на меня бурчать словно старая бабка. Но уж лучше бы продолжала это делать, потому что ее загоревшиеся глаза и мечтательное возведение нас в категорию

влюбленных еще сильнее действовало на нервы.

– Эта не так тема, которая была бы интересна *парню*, – делаю акцент на последнем слове.

– Вау, так ты все-таки понимаешь, что это парень? – Язвит Лея. – И я бы сказала, что очень красивый парень. Надо быть слепой курицей, чтобы этого не замечать и продолжать называть его *просто другом*.

– Ты понимаешь, о чем я.

– Нет, не понимаю. – Девушка подпирает ладонью подбородок. – Не понимаю, почему ты не воспринимаешь его, как более реального кандидата для отношений. Дело в том, что он колясочник? Тебя это смущает?

– Господи, Лея, ты иногда становишься похожа на поезд, который прет напролом, – смыкаю губы в тонкую линию недовольства. – А что, дружба между парнем и девушкой уже не в моде? Почему все пытаются перевести всё в постельную плоскость?

– Да потому что так всегда и выходит. Ну, нет этой дружбы, понимаешь?

– А что есть?

– Терпение. – Разжевывает она мне, словно маленькой девочке. – Грандиозное терпение у кого-то одного из вас. И время для того, чтобы второй понял, что без *друга* уже не представляешь своей жизни.

Я знаю, о чем она сейчас пытается мне втолковать. Это история о ней и о Чаде. Паренек влюбился в Лею, а та долго

не замечала явных намеков с его стороны и держала его во френдзоне около трех лет.

– Вот я сейчас думаю, какой же дурой я была и сколько времени потеряла впустую. – Договаривает подруга. – А ты постоянно твердишь, что у тебя этого времени мало...

– И?

– И это прекрасное чувство, когда тебя любят. Не лишай его себя.

– Нет, Лея, в моем случае оно далеко не прекрасное. Оно с привкусом трагедии. Как и у Аллена.

– Вы бы могли побыть счастливыми хотя бы немного.

– Знаешь... я... это не тот разговор, который я хотела бы вести сейчас. Вообще-то я опаздываю. – Откашливаюсь и заносу палец над кнопкой мыши, чтобы закрыть иконку. – Я наберу тебя вечером.

Возможно. Если будет настроение.

Лея пожимает плечами и первая выходит из приложения.

Ну почему? Почему все так яростно пытаются вдолбить свои прописные истины в мою голову? Почему они думают, что раз они сказали «полюби», то это должно произойти по первому щелчку? Да кто вообще сказал, что Аллен смотрит на меня больше, чем на друга? Что за ересь?!

Уж лучше бы этого разговора не было вовсе. Вместо дозы хорошего настроения, я получаю головную боль. Но отступать от задуманного не собираюсь. Через силу улыбаюсь своему отражению:

– Пошли они к черту, – шепчу, – долбанные идеалисты, которым подавай романтику похлеще, чем у Ромео и Джульетты.

И всю дорогу до кофейни, я больше не позволяю себе думать на эту тему. Настраиваюсь на теплый прием и репетирую ответы на вопросы, которые могли возникнуть у Джейсона. А они в любом случае будут. Потому что это, как минимум странно, что человек исчезает с радаров на две недели и не выходит на связь. Но в реанимации тебе явно не до телефонов, а потом... потом я отвлеклась на Аарона. И теперь это нужно как-то объяснить Джейсону и при этом, не особо разглашая подробности.

Впархиваю в кофейню и зажмуриваюсь от запаха кофе, который тут же меня обволакивает и манит к стойке. Но вот незадача. Перед собой я вижу привлекательную блондинку, которая пока неуверенно заваривала порцию латте для клиента. А значит она новенькая. А значит, что место больше не вакантно.

– Мия, будь добра черный без сахара с собой, – слышится позади голос и я оборачиваюсь на него.

– Привет, – сглаживаю создавшееся напряжение легкой полуулыбкой.

– Аллегра? – Джейсон оглядывает меня с головы до ног. – Какими судьбами?

– Эмм... – его несколько бездушный тон озадачивает. – Думала, что тебе еще требуется сотрудник.

– Знаешь, за две недели было много кандидатов, – он кивает головой в сторону стойки.

– Понятно, было из чего выбрать. И как? Справляется?

– Не без ошибок, – он забирает свой заказ и открывает дверь, – но она хотя бы приходит каждый день и никуда не пропадает. Будешь что-то заказывать или уже уходишь?

– Ухожу, – разворачиваюсь на выход, – зря ты что ли дверь продолжаешь держать открытой?

– Не подумай, что я выгоняю...

– Боже упаси, – отмахиваюсь.

Мы так и стоим друг напротив друга, а вокруг нас то-ропливо снуют люди. Внутри разливается какое-то странное чувство. Обиды что-ли...

– Так зачем ты пришла? – Нарушает молчание Джейсон. – Насколько я помню из последнего разговора, ты уже не хотела работать.

– Передумала.

– Надеюсь, это не связано с поцелуем? – Выгибает он бровь и отпивает из стаканчика. – Или ты думала, что это дает тебе какие-то привилегии?

– Ты сейчас шутишь? – теперь настал мой черед удивляться.

– Ну, мало ли. Ты девушка странная, ветренная... черт его знает, что в твоей голове творится. Сначала говоришь одно, потом другое. А потом и вовсе исчезаешь без предупреждения. Хотя бы маякнула, мол, Джейсон, я передумала и тебе

нихрена не светит. Знаешь, это была отменная попытка развести меня, как лоха. Но у тебя ничего не вышло, малышка. Найди себе другого идиота для этого.

– Ты сейчас о чем говоришь?

– Я просмотрел камеры наблюдения и на записях видно, как ты ошиваешься в моей кофейне каждый день.

– Я покупаю кофе, как и все остальные. Это что теперь становится чем-то незаконным?

– Да брось, теперь уже нет смысла отнекиваться. – Джейсон выбрасывает пустой стаканчик в урну. – Ты просто присматривалась ко мне. Вот только мне интересно, ради какой выгоды ты хотела переспать со мной? Деньги? Связи?

– Халявный кофе, – шиплю ему в лицо.

– Так мало? Из-за этого надо было устраивать весь этот цирк со слезами на пороге? Так у нас есть акция, для всех бездомных и нищих по пятницам чашка чая бесплатно.

– Ну, ты и дрянь, Джейсон.

– А ты кто тогда, Аллегра? – Тычет он мне пальцем в центр груди. – Кто ты?

– Человек, который больше не желает с тобой общаться. – Отбиваю его руку и разворачиваюсь к машине. И тут же мне в спину прилетает следующее:

– Так мы и не общаться хотели, помнишь? Так что не стоит из себя строить обиженку, когда тебе говорят такие очевидные вещи.

– Начни с себя, Джейсон. А то твое поведения прям и кри-

чит «мне не дали, так что буду вести себя, как последний му-
дак». Если что-то не обломилось, так переноси это с досто-
инством и не пытайся втоптать человека в грязь! – Рываю
перед тем, как сесть за руль.

Только проехав квартал, понимаю, что дышать нечем. В
груди становится больно и, проклиная Джейсона всеми по-
следними словами, притормаживаю у обочины. Пара табле-
ток и глоток воды – вот мое спасение, которые приносит мне
облегчение минут через десять. Десять минут ада, когда ты
боишься снова залететь в больницу. И во всем виновата я.
Как же глупо было на что-то надеяться. Надо было просто
взять и переспать, а не узнавать этого человека. Пусть бы так
и остался в моей памяти просто красавчиком, а не редким
козлом.

В сумке начинает трезвонить телефон и я тянусь за ним,
осторожно и стараясь не делать резких движений. Боль еще
не ушла окончательно, но становилось лучше.

– Привет, – слышится голос в динамике, – я уже дома.

– Отлично.

– Все в порядке?

– Да... да, – более уверенней отвечаю ему. – Я в дороге и
стараюсь не отвлекаться.

– Адрес помнишь?

– Еще бы, – хмыкаю в ответ, – хоромы на холмах. Всегда
мечтала там побывать и посмотреть на вредных богачей.

– Что ж, у тебя есть возможность сделать свою мечту ре-

альностью, – смеется Аарон, – главные богачи сваливают из дома, оставляя меня на Эйпа и я буду рад тебя видеть.

– А кто такой Эйп?

– Его самый вредный помощник, который не может добиться от этой задницы никаких результатов. – Слышится посторонний голос. – И я бы был счастлив, если бы у меня появился сообщник в этом трудном деле.

– Не слушай его, – тут же вмешивается Аарон, – Эйп иногда говорит странные вещи. Так что просто приезжай.

– Хорошо, – на моем лице появляется первая и настоящая за этот день улыбка, – добавлю странности в вашу чумовую компанию. Буду минут через десять, что-то купить к чаю?

– О, боги, она мне уже нравится, – снова вклинивается Эйп.

– Да, затычку для этого баклана, – тоже посмеивается Аарон. – Ничего не надо, я серьезно.

– Пончиков! – голос Эйпа слышится где-то вдалеке.

– Ладно, будут ему пончики, – заканчиваю разговор и разворачиваю машину в другую сторону.

17. Аарон

– Ну, и как тебя после этого назвать? – откидываюсь на спинку кресла.

– Самый лучший друг на Земле? – весело отзывается Эйп, вытирая руки об полотенце.

– А может быть, идиот?

– Звучит, как комплимент. – Парень берет за свой айпад и его улыбка сникает.

– Что там? – подъезжаю ближе и тяну его за край футболки.

– Твое новое расписание занятий.

– А, понятно. И как?

– Облегчили, – Эйп вздыхает. – Точнее, убрали все, что сможет привести к твоему дискомфорту или к дополнительным травмам. Но есть и хорошие новости.

– Какие же?

– Я сметаюсь в больницу и заберу выписанные для тебя лекарства. Ты у меня будешь, как доктор Хаус с вечным запасом обезболивающих. – Он сжимает мое плечо, будто подбадривая, но выходит так себе. – Пожалуй, пойду на кухню и попрошу вашу экономку заняться чаем к приезду гости.

Едва могу выдавить из себя улыбку, хотя с Эйпом можно не стараться. Он сам слегка в шоке от происходящего. Да и я тоже. Не каждый день удастся буквально сбегать из боль-

ницы под расписку и крики матери. Но меня так задолбали все эти процедуры и капельницы, которые не приносили результатов. А еще рожи врачей, которые уверяли в обратном.

Подождите еще чуть-чуть и мы найдем решение.

Мы подберем вам нужное лечение.

Уверены ли мы в хорошем итоге? Что вы... мы всего лишь предполагаем, а не располагаем...

А мне не улыбалось быть для них подопытной крысой, которой, то туда, то сюда тыкали иглы и надеялись, что удачно попадут. Если не знаете нужных методик – отпустите человека. Не мучайте его.

Хорошо, что хоть отец наконец-то встал на мою сторону. Мама чуть себе волосы в палате не выдрала, когда узнала о моем возвращении домой. Почему-то ей казалось, что раз у меня есть место в больнице, то это что-то да гарантирует. И упорно не верила в том, что иногда врачи бессильны. Вообще, только после того, как папа грозно пару раз долбанул кулаком по столу и успокоил ее истерику, мы отправились домой. Каждый погруженный в свои мрачные мысли.

Теперь надо как-то свыкаться с новым положением. С новой реальностью. И это было чертовски пока сложно сделать. Ведь мы сами себя порой обманываем. Встаем с самого утра и, кажется, что мир такой же, как и в прошлый раз. И все хорошо, и ты сам в порядке. А потом тебе на голову обрушивается действительность. Как сейчас, когда пришло новое расписание твоему медбрату. И там не лечение. Там тупо список

обезболивающих лекарств, чтобы купировать новые приступы, которые в скором времени дадут о себе знать. Своего рода, жирная черта, которая перечеркивает все на свете.

Настолько ухожу в тяжелые раздумья, что не сразу слышу голоса внизу. А как доходит, то чертыхаюсь. Я ведь планировал встретить Аллегру в холле, чтобы она не видела того, как я съезжаю вниз на спецлифте. Мне почему-то стало важно то, каким она меня видит. Да, до Аполлона в моем нынешнем положении мне было далековато. Да и не в этом дело. Просто мне очень хотелось, чтобы она увидела меня в другом свете. Не больничном. Потому что там мы все выглядим не очень. Больничные стены стирают любой образ и обнажают твою настоящую суть. Ту, где ты не герой и не сердцеед. Ты – пружина, которая готова лопнуть от того, насколько она натянута до предела. Но Аллегра... даже в том хаосе, даже с бледным лицом... она казалась ангелом спокойствия, который прибыл для молчаливого наблюдения. Только глаза иногда выдавали то, что ей тоже тяжело. А мы ведь так до сих пор друг друга и не спрашивали, что с нами. Просто были рядом и все. И я решил на один не очень хороший шаг, который стоило бы сделать до ее приезда. Но для этого мне нужен был Эйп пока он не уехал в больницу.

Быстро подкатываю к платформе и спускаюсь вниз, в надежде, что успею как-то отвлечь Аллегру, чтобы сказать пару слов медбратау. Но стопорюсь на месте, когда в холле вижу Джейсона.

– Ты что здесь делаешь? – кажется, у нас это уже стандартное обращение вместо «привет».

– Заехал домой, – брат отвлекается от разговора с Эйпом. – А в чем дело? Нельзя?

– Просто странно. – Толкаю руками колеса вперед. – С учетом того, что ты отсюда съехал давно и явно в курсе, что родителей не будет до вечера... я в замешательстве. Неужели соскучился по мне?

– Аарон, не обольщайся, – парирует брат, – здесь до сих пор есть моя комната. И этот дом тоже частично принадлежит мне, так что я могу приехать сюда в любое для меня удобное время. Но, чтобы твой мозг зря не тратил свои силы, так уж и быть, отвечу. Устал от городской суеты, хочу побыть в тишине и спокойствии. Надеюсь, мой посыл понятен?

– Да мне вообще-то плевать, что ты собираешься здесь делать. У меня и без тебя хватает дел. – Взмахиваю ладонью и подзываю медбрата. – Эйп, пока ты не уехал, есть разговор.

– Боже, какие мы стали деловые, – Джейсон вальяжно движется к дивану.

– Представь себе. – Огрызаюсь в ответ. – И был бы признателен, если бы ты скрылся у себя. Я ожидаю гостью.

– Гостью? – Он хмыкает. – Ошибки нет? Она точно с сиськами? Я думал, что тебе такие больше не по плечу.

– Спасибо, дорогой брат, за твое беспокойство. – Едва сдерживаю себя. – Но мое мужское здоровье – это последнее, что должно тебя волновать. Не все отношения переходят в

постельную плоскость. Иногда полезны просто разговоры.

– Так говорят все импотенты, которые не в состоянии удовлетворить своих женщин.

– Слушай, Джейсон, ты просто иди на хер, хорошо? Явился весь из себя такой мачо, а у самого в глазах какое-то отчаяние. Я так понимаю, на личном фронте все хреново? Кто-то послал бедолагу и не дал? Ты по этой причине решил на мне сорваться?

– Не строй из себя оху*нного психолога, Аарон. Ты обо мне ни черта не знаешь. – Джейсон рывком встает со своего места.

– Взаимно, – прищуриваюсь.

Мы бы наговорили друг другу еще больше гадостей, если бы не дверной звонок. И даже всегда терпеливый Эйп облегченно вздохнул при этом. Проезжаю мимо медбрата и успеваю вложить записку с данными, чтобы он разузнал о человеке в больнице. И затем спешу отворить дверь, за которыми томится Аллегра. Я очень рад ее видеть, правда. И моя улыбка – тому подтверждение. Мне кажется, что и девушка чувствует нечто подобное.

– Привет, проходи. – Отъезжаю в сторону, чтобы она смогла войти в дом. – Не обращай внимания, внезапно явился брат, но он нас не потревожит.

– О, – Аллегра отмахивается, – не переживай, я ненадолго разбавлю вашу компанию. А вы, должно быть, Эйп?

– Так точно, – медбрат протягивает ей ладонь и легонько

сжимает.

– Пончики? – девушка качает перед его носом ароматным пакетиком.

– Я бы с удовольствием, но мне нужно отлучиться. Побудите за старшую, прекрасная Аллегра? – Эйп чуть ли не откланивается, чем вызывает у нее улыбку.

– С удовольствием, можете не переживать за своего пациента.

– И как это понимать? – вклинивается голос Джейсона и мы все оборачиваемся к нему.

Я вижу на лице Аллегры смесь из удивления, шока и явной недоброжелательности.

– Прости, а это как раз и есть мой брат – мудака. – Указываю на Джейсона. – С манерами у него не все в порядке и, за частую, ведет себя так, будто ему все должны.

– Это точно, – поддакивает девушка и скрещивает руки на груди.

– Как ты меня выследила? – все внимание Джейсона теперь полностью приковано только к Аллегре.

– Да больно ты мне сдался, – фыркает она в ответ. – Я приехала к Аарону.

– Охренеть, какая ты шустрая. Не вышло с одним, быстро подсуетилась со вторым. – Брат цокает языком.

Перевожу взгляд с одной на другого и сопоставляю все фразы, которые были сказаны до этого. И тут до меня доходит, что они знакомы. Мне до скрежета зубов неприятен этот

факт. Они просто общались? Или уже успели переспать? Потому что такая реакция девушки всегда была итогом неудачных и однодневных отношений, когда ее после этого бросают. Однако, едва сдерживаемая злость Джейсона говорила совсем о другом. Его вообще было трудно вывести из себя. Если только... Аллегра была той, которая его продинамила.

18. Аарон

– Значит, брат? – девушка закрывает за собой дверь и осматривается по сторонам, оценивая обстановку комнаты. – И как у тебя получилось настолько влипнуть?

– Ну, такое случается, когда родители решаются завести второго ребенка. – Отшучиваюсь в ответ. – Кому-то выпадает джек-пот, я же получил Джейсона в качестве старшего брата.

– Да, не особо ты фартовый. Прости, Аарон, но в казино я тебя с собой не возьму. Не с твоей удачей, друг.

Мне нравится чувство юмора Аллегры и то, как она воспринимает информацию.

– Вообще-то, он не всегда был такой занозой. – Зачем-то говорю ей.

Мне бы заткнуться и радоваться, что на фоне Джейсона я выгляжу более достойно. Но язык выталкивает слова наружу еще до того, как мой мозг может проконтролировать это.

– С трудом верится.

– Да нет, правда. Мы когда-то были дружными.

– Серьезно? – Лицо девушки выглядит заинтересованным. – И никакого соперничества? Игрушки, книжки, внимание...

– Неа.

– А девушки?

– А что с ними? – усмехаюсь. – Если ты не заметила, внешностью не обделили ни первого, ни второго. Так что мы могли вообще не париться по поводу девушек. Кто-то обязательно оказывался с нами в постелях.

– Фу, не говори так, – Аллегра швыряет в меня маленькую подушку, – а то у меня складывается впечатление, будто я сейчас общаюсь с Джейсоном.

– Ты настолько хорошо его знаешь? – пристально наблюдаю за ее реакцией.

Аллегра устраивается прямо на ковре у кровати, игнорируя стул у письменного стола, который я попросил вернуть обратно. Ради нее, чтобы не ставить в нелепое положение. Ведь мне этот предмет уже давно не нужен, а усаживать девушку сразу на постель... как-то совсем не то.

– Кажется, мы виделись раза три, – задумчиво прикусывает она губу.

– Ты так быстро формируешь мнение о человеке? Или Джейсон с ходу вел себя, как мудака?

– О, при первой встрече он был козлом. Во второй раз вроде бы реабилитировался в моих глазах. А сегодня... стал редкостной скотиной. И не старайся убедить меня в том, что вы похожи. В жизни не поверю в это.

– Мы не близнецы, чтобы быть похожими. У нас было очень много точек соприкосновения, – поправлю Аллегру. – Способ мышления, некоторые поступки – тоже оттого немного копировались.

В комнату стучатся и на пороге появляется наша экономка с чаем. Мы благодарим ее и несколько минут молчим, упиваясь жирными пончиками.

– И что же пошло не так? – продолжает Аллегра, вытягивая ноги перед собой и я до безумия хочу повторить это движение.

Подъезжаю вплотную к кровати и пересаживаюсь сначала на нее, а потом еще с минуту размышляю как бы мне так красиво спуститься еще ниже.

– Помочь? – девушка уже собирается подняться, но я останавливаю ее отрицательным кивком головы. И Аллегра возвращается в исходную позу, но скептически осматривает меня снизу вверх. – Твоя упертость выйдет тебе боком и тебе будет больно.

– Шутишь? – скептически хмыкаю. – Как раз таки моя пятая точка и не чувствует боли.

– Тогда чего ты ждешь?

– Обдумываю, как бы мне так свалиться грациозным бревном к твоим ногам.

Аллегра запрокидывает голову и смеется. Настолько заразительно, что я подхватываю ее смех и сам хохочу до слез. Затем все-таки сползаю, правда, чуть не заработав вывих руки. Но, какая разница, когда мы оказываемся плечом к плечу и я вижу ее лицо настолько близко, что у самого перехватывает дыхание.

– Ты не ответил на мой вопрос. – Почему-то переходит

она на шепот.

– На какой?

– Почему вы перестали быть братьями, – ее ответ больше похож на приговор, от которого я не отрешиваюсь.

– Я со многими перестал общаться и, Джейсон, увы, не стал исключением. – Вздыхаю и отвожу взгляд на свои носки. – Я не хотел никого видеть и сделал все, чтобы так и случилось. Обрубил на корню все попытки и мне было без разницы, кто там пытался удержаться рядом. Каждый воспринял это по-своему. Родители предпочли делать вид, что все в порядке, но отделились. Половина друзей исчезла с радаров. Джейсон обозлился и каждый раз пытается отыгаться.

– А как же Эйп?

– А что с Эйпом? – снова смотрю на девушку. – Он – наемный работник. И наше с ним дружеское общение – явление временное. Никто ни к кому не привязывается и это устраивает нас. Ты ведь понимаешь, о чем я. Мы просто позволяем себе побыть немного похожими на обычных людей, хотя сами разбиты внутри вдребезги.

И я знал, что она согласна с каждым моим словом. Потому что за всеми возведенными стенами скрываются обычные люди, которые иногда устают быть сильными. Которым хочется иногда хотя бы капельку человеческого тепла, только без этих розовых мечтаний о том, что будет дальше.

19. Аллегра

Аарон так и не вернулся в колледж.

Надо же, один случай и... вся жизнь под откос.

Я все чаще задумывалась, а что если бы он тогда не взял тот стакан? Было бы лучше? Однозначно, он бы не попал в больницу и там бы не брали анализы. А значит, не знали бы и об ухудшении. Но всегда ли спасительно ли это неведение? И так несладкая жизнь превращается в марафон на выживание, стоит тебе только узнать диагноз. Одни начинают активно решать создавшуюся проблему, другие впадают в уныние. А мы с Аароном просто застыли где-то посередине. Это когда черный юмор о белых тапках – не обиден. Когда ты открываешь глаза и просто дышишь, смотришь и живешь одним днем, без страшных мыслей о том, что может произойти завтра. Когда твои интересы никуда не исчезают и ты стараешься как можно больше сделать из задуманного. Это когда сегодня ты полон сил, а на следующий день хочется лежать пластом и смотреть в потолок. Качели, мать его, а не состояние. И вот здесь, наше знакомство с Аароном оказалось как раз вовремя. Потому что иногда в одиночку эти качели остановить невозможно. Каждому человеку по жизни нужен маяк, который поможет не сбиться с пути. И якорь, который заземлит тогда, когда сорвешься совершать ошибки. Я сама вызвалась быть таким человеком, хотя с Алленом

иногда бывало сложно. Его настроение в последнее время менялось со скоростью ветра. Особенно, когда рядом оказывался его брат. А Джейсон все чаще навевался домой, когда я приходила в гости. И меня это тоже нервировало, хотя и совсем по другой причине. Между нами так и осталось то треклятое притяжение. Оно как тяжелая цепь опоясывало меня и я никак не могла от него избавиться. Противилась этому, находила десяток минусов, чтобы убедить саму себя в том, что совершила ошибку, зайдя в кофейню и встретив Джейсона. Но каждый раз, когда мы оказывались поблизости, все летело к чертям. Мы спорили, говорили друг другу гадости и... не могли оторвать друг от друга взгляда.

– Оставь его в покое и перестань сюда приходить, – Джейсон снова встает на моем пути, когда я спускаюсь вниз, чтобы уехать домой.

Это стало моим привычным делом – быть в доме Алленов. Я привозила задания и конспекты Аарону, помогала осилить их. Но зачастую мы просто говорили. Очень много говорили. А еще гуляли по их саду или отдыхали у бассейна.

– Вот когда Аарон сам меня об этом попросит, тогда я и перестану, – огрызаюсь в ответ. – Тебе какая разница?

– Нравится быть жилеткой? – Его губы кривятся в усмешке. – Или обождаешь немощных инвалидов? Я бы на твоём месте ни на что не надеялся и не рассчитывал.

Вздыхаю. Вот честно, надоело. Изо дня в день одно и то же.

– Послушай, Джейсон, хватит лить мне на голову дерьмо. Смирись уже и не веди себя как маленькая ревнивая с*ка.

– Детка, ты не настолько ох*еная, чтобы тебя ревновать.

– А я не о себе. – Делаю шаг навстречу и останавливаюсь почти впритык. – Ты ревнуешь брата ко мне и это очевидно. И ты срываешься на мне только потому, что он выбрал меня в качестве друга. В то время как тебя он послал на три буквы. Ты до сих пор переживаешь за него, хоть и стараешься не подавать вида. И тебя п*здец, как корежит от того, что рядом с ним я, а не ты.

– Ты. Не знаешь. О чем. Говоришь. – Цедит парень сквозь зубы. На лице ни следа от самодовольства. В глаза мелькают проблески боли.

– Да нет, как раз таки мои слова бьют в самую точку. – Осмеливаюсь и тычу ему пальцем по лбу, а затем в район сердца. – Вот только здесь все опутано злобой и ты не понимаешь очевидных вещей. Он прогнал тебя лишь для того, чтобы тебе не было больно.

Джейсон перехватывает мою руку и держит в своей ладони, почти не сводя с меня своего взгляда. В такие редкие моменты близости, я могла рассмотреть его и отметить очевидное сходство братьев. Тот же цвет и разрез глаз, скульптурные скулы и тонкие, как у пианистов пальцы, которые касались меня по-разному. Аарон – дружелюбно и с какой-то толикой нежности. Джейсон же был рез-

ким и причинял боль, словно мстил за что-то, чего я не делала.

– Что он в тебе нашел такого, чего нет во мне? – По-нижает голос до шепота парень. – Почему он от меня от-вернулся, но тебя подпустил к себе? Может быть, ты ему что-то эдакое пообещала?

– Ооо, Джейсон, ты снова делаешь то, что у тебя по-лучается лучше всего, – вырываю руку из цепкой хватки. – Прячешься за хамством и желчью. Не надо винить меня. Вيني себя. Если бы ты сильно хотел, то ты бы справился и с этим. Каждый раз бы подставлял щеку под пощечину, но был бы рядом. Ты еще не понял? Он же сначала проверил вас, а потом начал отсеивать. И ты показал себя слаба-ком, который так легко отвернулся от брата. Да, Джей-сон, да. Ты был первым, кто бросил его и начал упиваться своей злостью. А за тобой и родители. А за ними и друзья. Он стал никому ненужным инвалидом. Просто из-за того, что вы все трусили.

– А ты, значит, храбрая такая?

– Нет, Джейсон, я в такой же жопе, как и Аарон. И да, в этом плане у меня преимущество перед вами: я знаю, что такое страх, неизвестность, обреченность...

В сердцах, я чуть не сказала откуда мне это известно. Но голос Аарона вовремя вмешивается в наш спор:

– Аллегра? Ты еще здесь? – Он выехал к перилам и при-стально смотрел в нашу сторону. – Что происходит?

– Кхм, – откашливаюсь и отшатываюсь в сторону от его брата. – Все в порядке. Перекинулись с Джейсоном парой слов на прощание.

– Ясно. – Он не сводит с нас взгляда. – Завтра приедешь?

– Конечно, – выдавливаю улыбку, – я же помню о поездке.

– Куда вы собрались? – оживает Джейсон.

– Не твое дело, – отбрасывает его Аарон. – Займись лучше своими заботами.

– Да больно надо, – фыркает рядом стоящий парень, разворачиваясь в другую сторону и, размашистыми шагами, удаляясь с глаз долой.

Я еще раз машу Аарону на прощание и тоже ухожу на улицу к припаркованной машине. Однако когда я сажусь в салон, телефон начинает вибрировать и я с удивлением обнаруживаю сообщение от левого номера.

«Забыл отметить твою неплохую речь. Но ты лгунья, Аллегра. И ты сама об этом прекрасно знаешь. У тебя есть выгода. Боль Аарона затмевает твою. Ты нарочно привязалась к нему, чтобы отвлечься от собственных бед».

Сглатываю и оглядываюсь на окна особняка, где на втором этаже виднеется силуэт Джейсона. А затем газую с места и стремительно удаляюсь с участка, надеясь, что он не поймет одну простую вещь.

Я его недооценила.

И он прав.

Называйте меня последней тварью, но своя рана не так

тревожит, когда ты видишь, что кому-то больнее, чем тебе.

20. Аллегра

Это противное чувство держится весь вечер и всю ночь. Чувство того, что я предатель. И с наступлением нового дня становится не легче, а наоборот еще хуже. Особенно, когда после первых двух пар я прохожу мимо стеклянной витрины в коридоре и натываюсь взглядом на призерские кубки. В позолоченных рамках множество фото с чемпионатов по баскетболу и везде в первых рядах Аллен с неизменной улыбкой победителя. Как странно, лицо вроде бы одного и того же человека. Но именно этого Аарона я не знаю. Он здесь какой-то другой. Надменный, гордый, уверенный в себе. В глазах сквозит превосходство. Ну конечно, на тот момент он был на вершине всего. А сейчас жизнь его хорошенько так опустила на дно. Все потеряно, вокруг сплошной мираж. А тут еще и я...

– Красивый, да? – слышится рядом голос.

Поворачиваю голову и вижу Рут. Со случая на вечеринке прошло чуть почти два месяца и это первый раз, когда она решилась подойти. Здесь явно было что-то не то. Скептически смотрю на нее и не отвечаю на вопрос.

– Знала бы ты, как за ним бегали раньше. – Усмехается она, не сводя глаз с фотографий.

– А сейчас что? Не успевают из-за скорости коляски? – не удерживаюсь от язвительного комментария.

– Ну, на этот вопрос тебе лучше знать ответ.

– С чего бы это? – вопросительно вскидываю брови.

– Поговаривают, что ты буквально прописалась в его особняке. – Рут делает вид, что ее теперь крайне интересует только маникюр ее пальцев. – Стала для Аарона... платком, жилеткой... постой, вылетело из головы точное описание.

– Я бы посоветовала меньше слушать сплетни. – Скрещиваю руки на груди. – А то в этих стенах слишком много говорят и, исходя из них, ты та еще шалава, которая рада смерти своей подруги. Вот только какая вышла незадача: подруги – препятствия больше нет, а Аллен до сих пор шарается от тебя. Ты от этого бесишься?

На какое-то мгновение мне кажется, что Рут сейчас вцепится в мои волосы. Судя по гневному взгляду и резкому дыханию, она сейчас очень зла.

– На твоём бы месте... – начинает она.

– Ты не на моем месте, – огрызаюсь.

– Думаешь, ты все знаешь? Думаешь, что у тебя положение лучше, чем у меня? – хрипло смеется она мне в лицо. – Ну, девочка моя, неужели ты настолько глупая? Аарон бы в жизни не обратил на тебя внимания, если бы не их спор с Майком. Что с личиком? Не ожидала такого?

Я впервые не знаю, как поступить в данной ситуации. Рут – та еще дрянь, словам которой верить не стоит. Но та интонация в ее голосе... слишком уверенная для блефа.

– Доказательства, – всего одно слово срывается с моих пе-

ресохших губ.

– Спроси у своей подружки, с которой ты приехала на вечеринку. – Девушка напоследок одаривает меня взглядом победительницы и скрывается в потоке людей.

Я такой человек, который всегда доверяет лишь проверенной информации и не спешит ломать дров. Как бы внутри не становилось мерзко, я до последнего гоню плохие мысли. Кидаю последний взгляд на фото Аарона за стеклом и хмурюсь.

Кто ты такой? Что за игру ты затеял?

Стеллу я нахожу лишь после пар и то, едва успела перехватить ее на парковке до отъезда. Для этого пришлось вспомнить, что такое быстрый бег, который был для меня под запретом.

– За тобой гнались? – Она обеспокоенно всматривается за мою спину.

– Нет... я ... просто...– стараюсь восстановить дыхание и морщусь от ноющей боли в груди. – Дай... отдышаться... пожалуйста...

Стелла тянется к пассажирскому сиденью и хватает бутылку воды, которую протягивает мне.

– Спасибо, – делаю пару глотков.

– Что случилось?

– Нужно поговорить, – выравниваюсь и делаю полный вдох. – Будет несколько минут?

– Да, конечно, – кажется, Стелла все поняла уже без до-

полнительных вопросов. – Только не здесь. Слишком много ушей вокруг.

– Парк?

– Да, было бы неплохо. – Соглашается она. – На твоей машине поедем или на моей?

– Давай на твоей.

К городскому парку мы доезжаем в полном молчании. Лишь попсовая музыка хоть как-то разбавляет создавшееся напряжение в салоне. Не сговариваясь, выбираем самую дальнюю лавочку в тени широкого клена, куда идем в той же тишине. За это время я могу сформулировать про себя хотя бы приблизительный список вопросов, от которых постепенно начинала раскалываться голова.

– Ну, и кто в меня ткнул пальцем? – Первой начинает разговор Стелла, изящно отбросив волосы назад и откидываясь на спинку лавочки.

– Рут.

– Так и знала, что эта обозленная тварь никогда не успокоится, – горько вздыхает девушка в ответ. – Что она успела тебе наговорить обо мне?

– Мы говорили об Аллене и...

– Понятно, – перебивает меня Стелла, – Рут решила указать тебе место. А оно, я так понимаю, недалеко от моего. Верно?

– Пожалуйста, хотя бы ты не говори загадками. Что происходит? Что за спор и, причем здесь Аарон?

– О, – она замирает и опускает глаза на свои кроссовки, – все просто. Нашим золотым мальчикам иногда становится скучно и тогда, они начинают спорить. Суть очень проста – охмурить девчонку быстрее соперника. Но, как ты сама уже могла убедиться, чтобы добавить остроты или быстрее дойти до финиша, они могут пойти на совсем грязные уловки.

– Что-то подмешать в напитки?

– Да, это самая распространенная стратегия. – Кивает де-вушка головой. – Напоить, поиметь и вынести это на всеобщее обозрение своих дружков. Рут неспроста направила тебя ко мне. Конечно, кто ж еще тебе может красочно рассказать обо всем, как не я? Одна из тех, кого так поимели.

Эти слова даются ей нелегко. Стелла смахивает одинокую слезинку и грустно усмехается.

– Помнишь, я тогда говорила тебе держаться от них по-дальше? Мне хватило всего пару раз увидеть то, как они смотрят на тебя и уже тогда стало ясно об их задумке.

– Почему не сказала об этом сразу? – Сжимаю кулаки да так, что костяшки пальцев белеют. – Почему не дала знать?

– А ты бы поверила незнакомой девице, которая бы подо-шла к тебе с таким разговором? – Стелла теперь пристально смотрела мне в глаза.

Задумываюсь. Нет, наверно бы не поверила. Уж слишком это как-то киношно...

– Знаешь, единственное, что меня удивило, – Стелла до-стает сигарету с зажигалкой, – так это Аарон. Он и так вер-

нулся в колледж странным, но его поступок с коктейлем... он ведь знал о содержимом. Не пойму, он реально тебя спас или просто не хотел так быстро проигрывать? Он к тебе после этого подкатывал? Оказывал какие-то знаки внимания?

– Эмм... да нет, вроде бы нет ничего такого. Мы просто... дружим.

– Ты уверена? – она прикуривает сигарету и делает первую затяжку, выпуская следом облачко дыма. – О вас ходит много слухов. Даже поговаривают, что ты его девушка.

– Если этот колледж такой рассадник сплетен, то почему я не слышала о тебе. Или о других девушках? – пропускаю глупые домыслы мимо ушей.

– Потому что все результаты спора не выходят за пределы круга избранных. Это чисто их фишка. Знаешь, они ведь еще ведут какую-то турнирную табличку, где присуждают друг другу баллы. Насколько я помню, свидание – пару очков, поцелуй и фото – пятерка, неделя отношений – десятка. Секс... – возводит тебя на вершину топа.

– Неделя? – Переспрашиваю ее.

– Да. Наверное, ты удивлена, почему так мало? – Стелла струшивает пепел в пустую пачку от сигарет и снова затягивается. – Именно столько им хватает, чтобы развести девушек на последний пункт.

– Откуда ты столько знаешь?

– Ну, я прошла все это с Майком. – С толикой злости цедит Стелла. – А потом... после случившегося, стала подме-

чать за остальными. Сопоставляла факты и поведение девочек и в итоге у меня назрел вот такой список их развлечений.

Запрокидываю голову назад и зажмуриваюсь. Как же это все гадко, подло и мерзко...

– Почему вы сплотились и не наказали их? Можно ведь было собрать всех и подать на них заявления в полицию!

– Ты наверно забыла, что в мире существует старый и добрый шантаж. Я, как и все остальные не особо горю желанием, чтобы мои голые фотки в самом наилучшем ракурсе разлетелись по округе. Это их самый главный козырь против всех нас. Надеюсь, ты войдешь в мое положение и прекрасно меня поймешь. И не станешь делать ничего такого, что скомпрометирует меня.

– Это неправильно. – Качаю головой. – Так нельзя.

– Поверь, эта рана почти не болит. – Стелла тушит окурок и вздыхает. – Я смирилась с тем, что была настолько глупа и повелась на красавчика колледжа. Но еще я верю в карму. Судя по Аллену, она работает. Конечно, я не желала ему именно такой участи. Ведь Аарон, судя по всему, не очень-то и хотел спорить на меня. То ли я настолько не в его вкусе, то ли он уже тогда хотел отойти от этих дел... Но он все-таки в этом участвовал.

– Уму непостижимо...

– А вот по поводу Майка и Рут очень надеюсь, что им это аукнется в двойном размере. Надеюсь, что судьба накажет их

и очень больно ударит по лицу.

– Какую роль играет Рут во всем этом?

– Во-первых, она сестра Майка. Сводная. Но это не мешает им быть почти родными и таким же червивыми, как их папаша. Во-вторых, я подозреваю, что именно она хранит компромат.

– Как ты думаешь, у них есть какой-то документ, где указаны... ваши имена?

– Единственное, что мне удалось выяснить до того, как меня начали откровенно запугивать, – Стелла поднимается с места, – так это то, что раньше таблицу вел кто-то со старших курсов. Знаешь, своего рода, чтобы исключить подделывания результатов. И потом эти же «старшие братья» поощряли победы младших.

– Бред какой-то... кому надо играть чужими жизнями?!

– Тем, кто считает себя на вершине этого мира. – Девушка первой садится в салон, когда мы оказываемся снова у машины.

21.Аллегра

– Я все знаю. – Цежу сквозь зубы и внимательно слежу за реакцией собеседника.

На самом деле не все. В основном это догадки и то, основанные на альманахе колледжа, который пришлось изучать в быстром темпе. Что я искала и зачем? А затем, чтобы подтвердить свои предположения. И я нашла архивное фото, где был запечатлен человек, который сидел сейчас напротив меня. Дальше сработала логическая цепочка и, вот, я стою сейчас перед ним.

– Ну, ты и тварь, Аллен, – быстрым шагом оказываюсь у его стола и со всей дури бью ладонями по лакированной поверхности. – Как ты мог?!

– Что именно я «смог»? – слышится его тихий голос.

– Стать тем... тем ублюдком, который ввел этот паршивый спор в стены колледжа. Тебе плохо жилось, а?! Или ты решил, что все остальные жизни вокруг лишь разменная монета в твоих развлечениях?! Ты и тебе подобные... вы же ломаете судьбы девушкам!

– Почему меня должно это волновать? – холодно отзывается Джейсон. – Я там уже давно не учусь. И то, что там творится, уже не моих рук дело.

– Но ты, – тычу в него пальцем, – ты, с*ка, прародитель всего этого! Ведь именно ты со своими друзьями запустил

этот адский спор!

Вот истинная причина, почему я сейчас стою перед Джейсоном Алленом. Пока мы возвращались к моей машине, у меня было время переварить всю информацию, которую дала мне Стелла. А потом, во всей этой каше стали всплывать слова Аарона, которые и дали мне зацепки для дальнейших поисков.

...Раньше мы были не разлей вода...

... У нас были похожие мысли и действия...

... То, что начинал Джейсон, я подхватывал и заканчивал...

А дальше дело оказалось за малым. Всего полтора часа времени в библиотеке колледжа и с десятков звонков от Аллена младшего, который я сбрасывала даже по дороге в кофейню. Но я нашла фото Джейсона в альманахе и пазл собрался воедино. То же братство, тот же значок старосты и такие же довольные рожи прихвостней по обе стороны от него. А еще много девушек на остальных фото. Их много, они разные по типуажу. Но сначала они смотрят на него восторженным взглядом, а где-то на другой фотографии чуть позднее по дате уже стоят в стороне и глаза у них, как у выброшенной на улицу собаки. Чей хозяин нашел себе новую любимицу, которая доверчиво жметя к его плечу и думает, что уж она-то точно станет одной единственной.

– Знаешь, как именно мы познакомились с твоим братом? – нарушаю тишину. – Я стала одной из тех, на кого они

поспорили. Теперь ты понимаешь степень моего зла? А самое главное, причину?

– Послушай, Аллегра, – Джейсон встает со своего места и обходит стол, чтобы оказаться рядом, – я не буду извиняться за юношескую шалость.

– Шалость? – ошалело всматриваюсь в его лицо. – Ты сейчас серьезно? Ты понимаешь, что как-нибудь они не рассчитают дозировку и угробят чью-то жизнь?! В прямом смысле этого слова! Ты понимаешь, что на месте Аарона может оказаться девушка с таким же убитым здоровьем, как у него? Только твой брат отделался относительно легко, а вот она...

Сглатываю и зажмуриваюсь. Потому что стало страшно даже произносить то, что могло случиться со мной.

– Подожди, – Джейсон отшатывается и хватается меня за предплечья, – что ты сейчас...

– Помнишь, тот вечер, когда я ревела у тебя на пороге? Когда мы с тобой чуть... вообще, тебя вызвали тогда в больницу к брату. Так вот, я была тогда с ним на вечеринку и именно я вызвала скорую. Потому что Аарон выпил стакан с какой-то дрянью, которая была замешана для меня. И все это случилось по твоей вине. Ведь тебе же стало когда-то скучно и ты решил разбавить студенческую жизнь такой шалостью. Так вот, Джейсон, можешь собой гордиться. Твое дело до сих пор живо и набрало обороты. Даже модернизировали некоторые детали, чтобы быстрее добираться до топа. Ты рад?

Мы так и стоим с ним друг напротив друга. Мои руки без-

вольно свисают по вдоль тела, его же крепко сжимают мои плечи. И именно это не дает мне свалиться на пол. Потому что на меня накатывает резкая слабость. Я бы еще много чего хотела ему еще сказать, но в глазах начинает двоиться и голос Джейсона звучит теперь как в тумане. Весь мир вокруг меня кренится в разные стороны, ноги стали ватными. Каждый новый вдох дается с тяжестью. Вскоре собственный пульс в ушах заглушает абсолютно все звуки вокруг. И слова застревают в горле.

– Джей... – хриплю. – Там... маму... папу... позвать...

– Тише, – бережно укладывает он меня прямо на свой рабочий стол, – помощь уже в пути.

– Маму... папу... набери, – моргаю и чувствую, как по виску стекает слезы.

– Аллегра, будь со мной, – он стирает их ладонью, – слышишь?

Прости, не могу. Это сильнее меня. Темнота как никогда настойчиво забирает меня в свои объятия.

22. Аарон

Смотрю то на дисплей телефона, то на зажатую в руках бумажку. И понимаю, что это пиздец. Причем по всем фронтам.

С самого утра, когда Эйп с мрачным лицом и без единого слова вручил мне диагноз Аллегры, стало ясно, что ничего хорошего там я не увижу. После детального исследования в интернете, замысловатый набор слов превращается в приговор. Я то закрываю приложение, то открываю его вновь. Зажмуриваюсь. Снова обвожу комнату мутным взглядом. Мне кажется, что я оглох и перестал соображать. Но затем все становится на свои места и я поражен этой девушкой. Ее стойкости хватило бы еще человек на десять. В то время как она была моей опорой, сама Аллегра ходила каждый день по краю. Ходила и молчала. И мне до безумия хочется ее увидеть, обнять и сказать, что она не одна. Что я буду рядом. Я помогу всем, чем смогу...

Но абонент постоянно сбрасывает меня даже тогда, когда по моим подсчетам Аллегра должна была выйти из колледжа. Нет ее и через час. Через два часа снова короткие гудки, которые заставляют меня нервничать. На душе не спокойно, мы ведь договаривались о встрече. Еще через час я прошу Бена приготовить машину, чтобы отправиться к Аллегре домой. Но когда я уже подъезжал на коляске к двери на выход,

та распахивается и на пороге появляется бледный Джейсон. Я не видел его таким лет с пяти, когда он разрезал ладонь при падении на заднем дворе. Его взгляд мечется по мне и только сейчас, я понимаю, что он в бешенстве.

– Что бы ни случилось, какую бы ты ересь не придумал, чтобы снова устроить скандал – оставь на потом. – Пытаюсь объехать его. – Мне некогда.

– Стоять!

Резкий рывок и такой же разворот заставляет меня вжаться в спинку кресла.

– Какого черта ты творишь?! – Взрываюсь, когда вижу его лицо прямо перед собой.

– Я хочу тебя спросить о том же! – рывкает брат в ответ. – Первый кодекс тайного братства живо!

– Не навреди, – цежу сквозь зубы. – С чего бы тебе его вдруг вспоминать?

– С того, что я не ожидал от тебя такого! Уж кто, а мой брат никогда бы не опустился настолько низко. Дурь для быстрого разврата? Seriously, Аарон? Ситуация настолько стала хреновой, что тебе перестали давать?

В голове запускается механизм и быстро крутятся шестеренки. Откуда он узнал? Кто сказал?

– Я с кем разговариваю?! – Ревет и мечет Джейсон.

– Я ни разу ее не использовал. С моей стороны нарушений правил не было.

– А остальные?

– За них я не в ответе. – Пытаюсь разжать его пальцы на своей рубашке, но безрезультатно. – Последствия ложились на плечи тех, кто использовал препараты.

– Вы там в край ох*ели? Я, бл*дь, тебя спрашиваю!

– Да иди ты на**й, Джейсон. Не слишком ли ты поздно решился на нравоучения? Ты сам придумал эту херь со спором! Какого х*я ты теперь читаешь мне морали, а?

– Да с такого, что в моем случае девушки сами ложились ко мне в постель. По собственному согласию и в полном сознании. Вы же их накачиваете! А что, если случится самое страшное? Ты подумал, к кому приведет вся эта цепочка?!

Джейсон выпускает мою рубашку из своей хватки и отшатывается, нервно зачесывая волосы назад.

– Ты можешь не волноваться. Все под контролем.

– Да неужели? – едко отзывается брат. – Под контролем, значит? Под твоим что ли?

– Если тебе будет удобно, то да. И у меня всегда есть запасной план.

– Ммм, это тот, где ты выпиваешь охеренную дозу вместо Аллегры?

И вот этот его вопрос бьет прямо в цель. Неужели... она... зачем? И... почему ему?

– Да, Аарон, она была у меня сегодня. – Джейсон будто читает мои мысли и озвучивает на них ответ. – Обвиняла меня в том, что именно я виновен во всем этом дерьме, который вы творите в колледже. И знаешь, что самое паршивое

во всем этом? Я знать не знал о том, что вы настолько заигрались. Я был уверен, что уж у моего брата хватит мозгов не участвовать в подобном! Но ты снова ступил на кривую дорожку. Как будто аварии тебе показалось мало!

– Хватит на меня орать!! – теперь настает мой черед повышать голос. – По-твоему, какого черта я полез тогда вместо Аллегры? Я уже тогда чувствовал, что добром это не кончится.

– Так не надо было вообще затевать тот спор! – Джейсон снова движется ко мне.

– Если бы не я, – фыркаю, – кто-то другой бы закусился с Майком. Он заприметил Аллегру с самой первой секунды, понимаешь? Вариантов для действий было мало. Я действительно не хотел, чтобы она пострадала и поэтому ввязался в это дело.

– Решил превратиться в Робин Гуда?

– Нет, – качаю головой и впервые за последнее время, признаюсь брату в самом сокровенном, – она мне понравилась. А сейчас даже больше... мне кажется, я влюблен в нее.

Джейсон ошалело смотрит на меня будто на моей голове в данную секунду лезут рога.

– Ты же видел ее, Джейсон. Она – солнце. К ней невозможно не тянуться. У Аллегры такая энергетика, которая затмевает все вокруг. Она умная, яркая, волевая и временами смешная. А еще очень красивая. Мне кажется, что в такую девушку невозможно не влюбиться.

– Сколько ты ее знаешь, чтобы так говорить? – пораженно шепчет он.

– Пару месяцев.

– Но этого недостаточно, чтобы так говорить. Это...

– Да брось, Джейсон, – перебиваю его. – А сколько тебе понадобилось времени, чтобы понять это?

Судя по тому, что глаза брата сужаются и нервно дергается кадык – я сказал правду. Он, как и я, пал перед этой девушкой. Вот только у меня хватает смелости озвучить это. Он же боится признаться даже самому себе.

23. Аарон

На лице Джейсона полный шок и отрицание. Но в глазах плещется совершенно иное чувство.

– Ты ошибаешься, – брат засовывает руки в карманы брюк и качает головой. – Снова выдумал полный бред и пытаешься меня в этом убедить.

– Да неужели? – пару раз прокручиваю колеса, чтобы подъехать к нему ближе. – Можешь сколько угодно уговаривать сам себя в обратном, но я ведь все вижу. И то, с какой жадностью ты на нее смотришь. И то, как ты ярко реагируешь на ее присутствие. Тебя стало слишком много в этом доме после того, как Аллегра начала приходить ко мне.

– Заткнись, – он предупреждающе качает указательным пальцем прямо перед моим носом.

– А то что? – Показываю ему, что мне не страшно и придвигаюсь еще ближе.

– Не пойму, с каких пор ты стал бессмертным? Думаешь, я тебя не трону?

– Попробуй, – расставляю руки в стороны, открываясь ему, – правда не факт, что станет легче. Ты же бесишься не потому что Аллегра постоянно рядом со мной. Я для тебя вовсе не соперник. А бесишься ты потому, что сам настолько погряз в своем выдуманном образе бабника и тебе просто страшно от того, что впервые захотелось нормальных отно-

шений.

– Это не так. – Джейсон гордо вздергивает подбородок. – Если я захочу, любая окажется рядом.

– Вот именно, что любая, но не она. – Усмехаюсь. – Зная твои способности, их может быть и десяток. Но все они будут однодневками, имена которых ты даже и не вспомнишь. Потому что у них банальные желания и нет свой точки зрения. Пустышки, которые отличаются лишь размером груди. Аллегра же иная. Своеобразная девушка, которая не боится озвучивать свои мысли и отстаивать свое мнение. Я не буду давить на тебя и заставлять признаваться в очевидных вещах. Просто попрошу быть с ней более деликатным. Ты многого не знаешь о ней и даже малейшая причиненная тобой боль, может привести к последствиям. Ее самочувствие напрямую зависит от ее эмоциональной стабильности...

– Ты опоздал. – Обрывает меня Джейсон и устало усаживается прямо на пол. – Аллегре стало плохо сразу же после того, как она влетела ко мне с разбирательствами. Я вызвал скорую и позвонил ее родителям, как она и просила.

– Почему ты мне об этом только сейчас сказал?? – начинаю метаться по периметру. – Где она? Что с ней? Надо срочно ехать в больницу!

– Аарон, в реанимацию никого не пускают, даже родителей, – Джейсон трет лицо ладонями, – я только оттуда.

Останавливаюсь на месте и смотрю на брата. На его лице отображаются все эмоции, которые кипят во мне в дан-

ную секунду. Мы оба сожалеем, что стали причиной госпитализации девушки, которая нам нравится. Мы оба наломали дров. И так же оба являемся бессильны в данной ситуации. Нам остается только ожидать звонка или дежурить в коридоре у палаты.

– Раз уж у нас впервые вышел настолько долгий диалог, – вновь слышится голос Джейсона, – раз уж ты переквалифицировался в психологи, то может быть, объяснишь мне одну вещь?

– Какую?

– Почему ты не считаешь себя соперником?

– А ты не понимаешь?

– Нет. – Он качает головой. – Внешность не пострадала и ты все такой же смазливый на лицо. Добавь сюда резко изменившийся взгляд на мир и почти монашеские замашки в области дам, ты становишься даже лучше меня.

– Ты же знаешь, что я никогда не буду лучше. Мы всегда шли плечом к плечу, Джейсон. Мы – равные. Но в одном ты прав, я действительно пересмотрел свои жизненные приоритеты. И знаешь что? Мы тратили слишком много своего времени не на те дела и не тех людей. Но кому нужны эти новые мысли, когда ты по уши еще в старой грязи? Когда твоя репутация идет впереди тебя и она громче, чем все твои последующие слова?

– Но она же тебя услышала?

– Да, – соглашаюсь, – услышала и осталась рядом. Но ес-

ли Аллегра обо всем узнала, то это означает, что я просрал и самое ценное, что у меня было за последнее время. Нашу дружбу. Вот поэтому я тебе не соперник. Она никогда не рассматривала меня в качестве парня. Она никогда не смотрела на меня так, как смотрит на тебя. Знаешь, мы как-то разговорились о самых странных поступках и она, смеясь, сказала, что в запале предложила парню переспать с ней.

– Почти предложила, – вставляет Джейсон.

– Я так и понял, что это был ты. Нужно быть слепым, чтобы не увидеть вашу химию. – Вздыхаю. – Между нами есть взаимопонимание, доверие, общие мысли. Но такого как у вас никогда не будет. В ее глазах я навсегда останусь другом и не более.

– Ты даже сейчас отказываешься бороться.

– Я смирился, Джейсон.

– Это потому что ты не хочешь этого.

– Нет, это потому что есть вещи, которые мне не светят. Нужно реально оценивать вещи и не забивать голову пустыми мечтами.

– Зачем же ты мне решил это рассказать?

– Затем, чтобы ты тоже реально посмотрел на всю ситуацию. Аллегра не трофей, который ты можешь отобрать у меня. Если ты добьешься своего лишь по той причине, чтобы досадить мне... ты не мне сделаешь больно. А ей. Подумай хорошенько, что именно ты чувствуешь. Но, прошу, не причиняй ей вреда.

На этом, наш впервые за долгий промежуток времени братский разговор подошел к концу. И плевать я хотел, что это могло выглядеть признание собственной слабости и неполноценности, как парня, который не может добиться расположения девчонки. Если Аллегра выберет его, я приму ее решение. Главное, чтобы она была счастлива. Но если Джейсон решит поиграть ее чувствами, у меня для него печальные новости.

24. Аллегра

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох

Морга несколько раз, чтобы прогнать пелену из глаз. Но сделать это получается не сразу.

– Солнышко? – мама ласково приглаживает мои растрепанные волосы и с теплотой смотрит на меня. А я на нее. Но уже со страхом.

Последние несколько дней дались нам крайне тяжело. Энтузиазма – ноль. Веры – ноль. На чем держимся – не понятно. Видимо, по инерции тянем друг друга, но сами не знаем к какой цели.

– Да, мам, – вздыхаю и перевожу взгляд на простенький телефон рядом с собой. Прогресс? Не знаю. Раньше всем, кто оказывался в числе первых в очереди на трансплантацию, давали пейджеры. А сейчас вот так. Сиди и жди спасительного звонка.

– Тебе нужно поесть, – мама подвигает тарелку ближе, – сейчас крайне важно, чтобы у твоего организма были силы.

В тарелке плещется нечто жижеобразное. Кажется, это когда-то было кашей. После реанимации твердая пища пока под запретом. Раньше бы я фыркнула. Раньше бы я нашла способы поскорее попасть домой. Но вся моя храбрость, все мои бравяды и цинизм куда-то подевались. Когда объявили о том, что иного выхода кроме как пересадка сердца нет...

сразу захотелось жить. Причем так отчаянно, как никогда.

Можешь сколько угодно уговаривать себя, что тебе не страшно. Хрен там. Только глупцы не боятся смерти. А у тебя сразу возникает тысяча и один вопрос: а как же родители без тебя? А как же неисполненные мечты? А светлое будущее, на которое ты так надеялся?? А планы? И...

Запоздало, ты начинаешь шевелиться. Вяло, как яковыряешься в тарелке. Ешь невкусную пищу, терпишь процедуры. Потому что для пересадки сердца, которое может появиться в любую минуту, нужны силы.

И вот тут заново накрывает. Если успеют, то в моей груди будет биться чужое сердце. От человека, которого я не знаю. Но уверена, что у него тоже были планы на эту жизнь. Получается, что я отбираю у него все возможности...

– Аллегра, ты никого не убиваешь. – Немного жестче, чем обычно говорит мама. Видимо, последние мысли я произнесла вслух. – Да, жизнь небезупречна и случаются такие моменты, когда у человека подходит его время. Бывает, что такое случается раньше, чем это надо. Несчастные случаи, так их называют. Да, этих людей уже не вернуть к жизни, но зато они в силах спасти чужие.

– Получается, что я желаю кому-то смерти. – Откладываю ложку в сторону. Ком в горле мешает есть, да и желания как такового больше нет. – Лежу здесь и жду, пока кто-то крикнется. Разве это нормально? Хорошо, я перефразирую и назову себя не убийцей, а палачом. Но, поверь, мне от этого

не легче.

– Им бы ты стала, если бы ткнула пальцем в определенного человека. А так ты сама зависишь от незнакомцев. Не факт...

Она сжимает крепче губы и проглатывает последнюю часть фразы. Потому что ни один родитель в жизни не озвучит этот приговор своему ребенку. Но продолжение не трудно понять. Не факт, что донор вообще появится. Сердце не почки. Его пересадка масштабней и требует больше ресурсов. А еще нужно, чтобы оно было совместимо с тобой. Группа крови, резус... каждая мелочь становится важной деталью. И если это не предусмотреть, может случиться отторжение. А второго шанса может уже и не случиться. Увы, этими органами, как горячими пирожками не разбрасываются.

– Доешь, пожалуйста, – мама как в детстве набирает полную ложку жижи и «самолетиком» направляет мне в рот. – Вот и славно. А то у тебя там еще целых два посетителя, которые сидят в коридоре больше часа и ждут, пока ты доешь.

– Кто? – настороженно кошусь на дверь.

– Аллен.

– Какой из них?

– Оба.

– Мама! Почему ты раньше не сказала? – Судорожно приглаживаю волосы и щипаю за щеки, чтобы на бледном лице появился хотя бы намек на румянец.

Но мама лишь загадочно улыбается и забирает тарелку.

Затем она скрывается за дверью и... тишина. Проходит минута – две- пять, но никто не заходит. Если бы не датчики на теле, сама бы уже выглянула. А так приходится лежать и ждать. Ждать и лежать. От нечего делать, а точнее, чтобы унять дрожь в пальцах, беру телефон в руки. Все-таки как хорошо в обычной палате. Можно хоть в телефон повтыкать. В реанимации из доступных развлечений только потолок, мониторы аппаратов и, если повезет отхватить козырное место, окно.

Слишком углубляюсь в свои мысли, что не сразу понимаю – в палате я больше не одна.

– Привет, – Джейсон стоит почти у самой двери.

– Привет, – отзываюсь в ответ, – какими ветрами?

– К тебе рвался Аарон, еле заставил его дожждаться момента, когда тебя переведут в обычную палату и разрешат посещать.

– Угу, понятно. А ты решил за компанию прокатиться?

– Возможно. – Следует неопределенный ответ. – Наверно хотел убедиться в том, что с тобой все в порядке.

– Зачем? – Вздыхаю. – Если чувствуешь себя виноватым, то зря. По поводу случившегося... претензий к тебе нет. Это просто особенность моего организма.

– Точнее, сердца.

– Кто сказал? – мрачнею. – Мама?

– Отделение кардиологии. – Он сужает глаза. – Почему сразу не сказала об этом?

– Ну, это не то, что говорят на первой встрече. – Выдавливаю. – Да и на второй тоже нежелательно.

– Знаешь, ты странная и я никак не пойму твою логику. Говорить о намерениях переспать со мной ты не постеснялась. А что касается серьезных вещей, так сразу в нору прячешься.

– Джейсон, – снова вздыхаю, – зачем тебе лишняя информация? Играет любопытство? До сих пор не дает покоя, что я пришла к тебе? Окей, ты парень умный и все должен понять с первого раза. Готов? Не ищи в этом поступке ничего сверхъестественного. Ты просто понравился мне.

– И это все?

– А еще умирать девственницей так себе задачка. Вот я и остановилась на тебе для столь почетной миссии. Доволен?

Замолкаю и наблюдаю за его реакцией. И мне плевать, как это только что прозвучало и что он дальше будет делать с этой информацией. Страшно то, с чем я уже успела столкнуться. А пересуды за спиной меня уже мало волновали. К тому же, что-то мне подсказывало, что Джейсон не из тех, кто любит трепать языком.

– То есть... ты... Эмм... – парень взъерошивает свои волосы и пытается подобрать слова. – Никогда?

– Если бы было «когда», я бы не была невинно, – прикусываю губу, чтобы сдержать смешок, – да и вряд ли бы обратила на тебя внимание.

– А вот сейчас мне становится обидно. Меня впервые хо-

тели так нагло использовать.

– Узнаю прежнего Джейсона. А то мне вдруг показалось, будто ты испугался.

– Я опешил. – Он наконец-то подходит к постели. – И это совершенно разные вещи. Если бы не твое состояние, доказал бы тебе насколько мне не страшно.

– Что отпугивает? Больничная койка? – поддерживаю его игру, распалая жар в разгорающемся костре между нами. – Если что, двери закрываются на щеколду.

– Неужели так не терпится? – Джейсон приближает свое лицо к моему.

– Заинтригована слухами о ваших способностях, – облизываю губы и он моментально «ловит» это движение. – Только учти, что я не претендую на что-то после. У меня к тебе чисто деловое предложение, после которого мы разбежимся.

– Ну, это не тебе одной решать. – Парень проводит пальцем по моим губам и наклоняется еще ближе. – Набирайся сил, потом поговорим.

Теперь настал мой черед терять дар речи. Хлопаю ресницами и растеряно смотрю вслед удаляющемуся парню. На самом выходе перед дверью, он останавливается и произносит то, что полностью меняет мой день:

– Аллегра, относительно меня, ты ошиблась в некоторых вещах. Во-первых, не ты меня первая заприметила, а я тебя. Во-вторых, я уже давно не могу выкинуть тебя из своей головы. И, в-третьих, ты мне действительно нравишься.

25. Аллегра

Мне кажется, что все происходит не со мной. Что вот-вот и проснусь. Я понравилась Джейсону Аллену. Надо же.

– Аллегра?

Поднимаю глаза и вижу Аарона, который несмело маячит там же, где минуту назад был его брат. Заворожено смотрю а Аллена – младшего и внутри все переворачивается. Они оба так красивы и притягательны. Но у каждого своя настолько неповторимая энергетика. От Джейсона веет силой и упрямством. Рядом с ним чувствуешь себя в каком-то тонусе. Аарон же был уютным, милым, добрым. Он дарил чувство комфорта.

Они, как две скалы стояли по обе стороны от меня и ограждали от плохих ветров. Каждый привносил в мою жизнь особенное и я поняла, что не хочу терять ни одного, ни другого. И мне было стыдно за эти мысли. Имела ли я права удерживать их рядом?

– Если ты не хочешь меня видеть, я пойму, – слышится его тихий голос.

– Что? – моргаю. – Ты в своем уме? С чего бы это мне так себя вести? – Ты фурией влетела к моему брату, а значит, уже успела узнать о споре. Честно, Аллегра, я готов поклясться чем угодно, но у меня не было ни единой мысли навредить тебе. Наоборот, ввязался лишь для того, чтобы Майк...

– Я знаю, – жестом руки заставляю его замолкнуть. – Поняла это еще на вечеринке.

– Злишься?

– Конкретно на тебя? Нет.– Качаю головой. – Но есть непонимание одной вещи. И вот тут бы я хотела услышать правду, чтобы не додумывать всякой херни. Ответишь?

– Постараюсь.

– Для этого тебе нужно подъехать ко мне ближе, – машу рукой, – я ведь не кусаюсь. Максимум, больно двину ногой.

– Я не боюсь, – на лице Аарона облегчение и улыбка, от которой тут же становится тепло на душе. Он редко улыбается так открыто. Подъезжая ближе, тут же накрывает мою ладонь своею сверху.

Что самое интересное, ощущения от тактильного контакта тоже разные. От прикосновения Аарона внутри ничего не скает. Я воспринимаю это как данность. Чего не скажешь о том, что я чувствовала, когда Джейсон мимоходом мог коснуться меня плечом, когда проходил рядом. Или когда крепко удерживал за руку в моменты наших споров в их доме. Но это не то, о чем я должна сейчас думать. Встряхиваю головой и встречаюсь с ним взглядом:

– Почему ты прикрываешь Майка?

Аарон прямо на глазах будто закрывается в себе и мне приходится крепче стиснуть его ладонь, показывая ему, что я рядом. И что я не собираюсь отступать или отворачиваться от него.

– Если опустить кодекс братства...

– Я не об этом. Хотя сама мысль о существовании подобных забав мне противна.

– О чем же тогда? – непонимающе смотрит на меня парень.

– Скажи, он же тебе не друг, верно?

– Да, у меня поменялся круг лиц, с которыми я общаюсь. Я бы сказал, что он сузился всего до двух человек.

– Так почему же ты до сих пор не опровергнешь свою причастность к аварии? Я знаю, что не ты был за рулем. А Майк.

Его рука в моей ладони дрогнула и Аарон попытался высвободиться, но я лишь крепче сжала его пальцы.

– Почему он до сих пор ходит и лыбится, попутно разрушая чужие жизни, Аарон? Почему ему все сошло с рук, а ты никак не отмоешься от грязи и клейма законченного наркоши?

– Не забивай голову всякими глупостями.

– Почему ты защищаешь его?

– Я никого не защищаю! – вскипает парень и все-таки резко вдергивает свою ладонь. – Что было, то было. Не нужно заново поднимать это на поверхность. К тому же не моя авария должна тебя волновать, а твое здоровье. Вот о нем и думай.

Затихаем оба. Аарон пытается совладать с эмоциями, я же ловлю себя на мысли, что что-то здесь не так. Ни ныне сидящий передо мной, ни тем более «прошлый» Аарон ни-

когда бы просто так не лез на амбразуру. Значит...

– У Майка есть на тебя что-то такое, что заставило тебя взять вину на себя? – подаю голос.

– Прощу в последний раз, Аллегра, не лезь не в свое дело.

– Значит, я права.

Он прикрывает глаза, будто на него в данную секунду навалилась вселенская усталость. Или так, как будто я его достала, но он не знает, как деликатно меня послать.

– Я прекрасно понимаю, что ты вряд ли остановишься, – наконец-то вздыхает парень и поднимает на меня глаза, полные боли, – будешь рыть и рыть пока не доберешься до правды. Но задай себе всего один вопрос: а оно тебе надо?

– Надо. – Тут же выпаливаю и морщусь.

– Ты со своими проблемами не в состоянии разобраться, – на его лице появляется презрение, – какого хера ты героическиствуешь? Башкой подумай, Аллегра, если я не стал ничего делать, значит, у меня не было других вариантов. С Майком опасно связываться. А лезть к нему еще опасней. Хочешь проблем для своей семьи? Хочешь, чтобы сердце тебе не досталось? Тогда вперед, мешать не буду. Даже думаю, что наши дороги теперь точно должны разойтись.

– Аарон, какая муха тебя укусила? – Округляю глаза.

– А что? У тебя теперь есть мой брат. Он станет лучшей заменой во всех смыслах и аспектах твоей жизни. Считай, что я был временной станцией на твоём пути.

– Не смей! –хлопаю ладонью по постели. – Не смей,

Аарон, сбегать!

– Я не сбегаяю, дура. Ты мне просто разонравилась. – Он опускает голову. – Не пойму, что я в тебе нашел? Ах, точно, это была банальная жалость от калеки к калеке.

Сердце предательски екает и это тут же отображается пискон на мониторах. Стараюсь чаще дышать и максимально не нервничать, но разве это возможно? Особенно, когда тебе в душу вонзают нож и проворачивают, чтобы было больнее. Я понимала, что он уходит.

– Слова настоящего труса, – выдавливаю из себя.

– А мне плевать на твое мнение. – Слышится в ответ и тут же оглушительный хлопок дверью.

Прикусываю губу и очень – очень стараюсь не заплакать. Я же доверилась тебе, Аарон. Я впустила тебя в свою жизнь и хотела облегчить твою. Зачем же ты так со мной?? А потом в мозгу что-то щелкает и на смену еще непролитым слезам приходит злость. Ведь и вправду я – дура, раз повелась на этот трюк. Аарон не сбежал. Он решил, что если обидит меня, то я не стану раскладывать по полочкам все его действия. Если он уйдет – то я не буду больше лезть в его дела и тем более, к Майку. Но ты тоже тогда глупый придурок, милый Аллен, я ведь просто так ничего не бросаю на полпути. И хера с два ты от меня так просто отделаешься. Думай, что тебе удалось меня одурачить. Я чуть окрепну и продолжу «рыть правду». Не ради себя, не ради тебя. А чтобы Майк больше не смог никому навредить.

26. Аллегра

Человек – очень удивительное существо. Вот он живет, придерживается каких-то своих правил и принципов. Считает, что никто ему не указ. И что лучше него никто не разберется в каких-то сложившихся ситуациях. Что только он может решать, кого можно впускать в свою жизнь, а с кем прощаться. По крайней мере, я именно так и думала. Но это было до переезда в этот город и до знакомства с Алленами. Моя жизнь вообще взяла и перевернулась вверх тормашками. И я больше не знала, как мне быть.

Из больницы выписать выписали, а спокойствие так и не вернули. Предписания так же были так себе. Километровый список лекарств для ежедневного приема и никаких нервов. Даже по поводу сломанного ногтя. Я должна была как никогда беречь собственное сердце. И, в какой-то момент, я сдалась. Откинув все прошлые предрассудки и мысли, разрешила относиться к себе как к хрустальной статуэтке. И знаете что? Оказывается, жить намного проще, когда ты не воюешь по поводу всякой херни. Когда ты не отстаиваешь свое мнение лишь потому, что тебе кажется, что все должны следовать именно твоим словам. Перестаешь требовать от людей идеальности в действиях, пропадает максимализм. И оттого ты больше не бесишься, когда что-то не идет именно так, как это нужно только тебе. Но при этом ты не становишься кем-

то другим. Нет той волшебной трансформации, о которой так любят писать в книгах о психологии. Просто твои демоны и психи добровольно уходят на покой, чтобы не причинить вреда. Включается эдакий режим самосохранения.

Однако, как бы мы все ни старались воссоздать иллюзию нормальной жизни, все равно что-то шло не так. Это пробивалось в мелочах, жестах, мыслях, которые пробивались так не вовремя.

Джейсон. Сладкая мечта девушек нашего округа. Статный, привлекательный, обаятельный, эрудированный. Но был в нем один косяк, который прослеживался и у меня. Мы оба никогда не заводили серьезных отношений. Мы не знали, как их правильно строить и когда легкий флер растворился в буднях, мы стали похожи на телегу с разными по форме колесами. Которая вроде бы как едет куда-то вперед, но ей это дается тяжело. Это сложно, когда ты всю свою сознательную жизнь действовал исходя из своих предпочтений, а тут нужно под кого-то подстраиваться. Бывало, что Джейсон не шел на уступки и пер, как танк. Я же, в силу своего такого же паршивого характера, тоже не сдавалась и отвоевывала то или иное решение. *Противостояние*. Возможно, в этом и была наша с ним «фишка», которая не давала огоньку погаснуть. Но это ведь тоже выматывает и в такие моменты я очень скучала по Аарону, с которым такого не было. Только после того, как он самоустранился, я поняла, что мы с ним очень похожи. И мне так его не хватало рядом.

– Аллегра, что ты делаешь? – Джейсон застыл с букетом цветов в руках.

– Я? Мм... да так, просто смотрю всякую ерунду, – стараюсь выглядеть спокойно и поднимаюсь с постели к нему навстречу.

– Это что, только что было приглашение на студенческую вечеринку?

– Где?

– На мониторе твоего компьютера.

– Я так понимаю, ты долго стоял за моей спиной, – бурчу, почти вырывая цветы из его рук. – Чего спрашиваешь, раз уже все видел? Кстати, туда можно прийти с парой.

– Ты туда не пойдешь, – холодно отрезает Джейсон.

– Почему? – Оборачиваюсь и застываю на месте.

– Потому что я так сказал.

– Милый, ты наверно что-то перепутал. Да, я – твоя девушка. Но не тебе решать, куда мне можно ходить, а куда нет. Ты уже был должен выучить тот факт, что я не люблю, когда за меня решают. Если ты снова заведешь шарманку о моем здоровье...

– Дело не в нем. А в Майке. Ты ведь на него ведешь охоту?

– С чего ты взял? – прищуриваюсь.

– Аарон все рассказал.

– Вот же козлина!

– Тебе нельзя нервничать, успокойся.

– А что мне вообще можно, Джейсон? – гаркаю в ответ.

– Абсолютно все, если это не навлечет на твою семью беду.

– Да как вы оба меня достали! И ты! И Аарон! Возомнили себя героями! Я что, мать вашу, похожа на принцессу, которую надо спасать? Я вас об этом прошу?

– Мы переживаем, что ты наломаешь дров и потом не расхлебашься.

– Ах, вот оно что... так передай своему братицу, что если он хотел помочь, то не надо было сливаться. Из-за чьей-то спины всегда удобно таякать. Вот где он был все эти три месяца? М? Исчез и никаких вестей о себе не дает знать. Вот пусть сидит там и не вякает.

– Ты многого не знаешь.

– А ты? Ты много знаешь? Вы же с ним, как кошка с собакой или я что-то пропустила? – не могу сдержаться и бью по самому больному. – В отличи от тебя, я хоть что-то пытаюсь сделать, чтобы наказать этого ублюдка!

– А тебя просили об этом? – возвращает он мне мой же вопрос. – Думаешь, что самая умная? Я после аварии был таким же, как и ты. Рыл землю в поисках доказательств, чтоб упечь Майка за решетку. Но каждый, с*ка раз, меня посылали нахер из-за недостатка улик. Я точно знаю, что в машине был видеорегистратор. Но когда я забирал грудку железа со стоянки, там его не оказалось. И я знаю, что эта гнида его забрала.

– Ты уверен в этом? Может быть, он у Аарона?

– Он был без сознания.

– Нет, не был. – Качаю головой.

– С чего такие мысли?

– Кое-что подслушала, – увиливаю от ответа, – прости, Джейсон, но ты хреново старался ему помочь.

– Это потому что он вынудил меня прекратить все по-иски.

– Как именно он это сделал?

– Исключив меня из своей жизни, – вздыхает он, – ровно так же, как и тебя. Аллегра, не надо помогать тому, кто не хочет этого. Тому, кто противится и всячески сует палки в колеса.

– Но он же твой брат...

– И что с этого? Он свой выбор сделал и хоть я его никогда не одобрял, смирился с этим. Чего и тебе советую. Если Аарон что-то решает, его потом не переубедить. Ты только себе навредишь, но ему не поможешь. Он сам этого не хочет.

Тогда я перестала спорить, хоть ответ Джейсона и его просьбы меня не устроили. Внутри как было беспокойно, так это чувство и оставалось со мной до следующего утра понедельника. А затем оно и вовсе переросло в панику и шок. Потому что все паблики в интернете всколыхнула новость о несчастном случае, который произошел на той самой вечеринке, куда я не попала из-за Джейсона. Девушке стало плохо и ее не смогли спасти. Казалось бы, звучит все складно.

Да только вот всю предыдущую неделю, по словам Стеллы, ее видели в компании Майка.

Не выдерживаю и срываюсь к особняку Алленов. Минут десять то звоню, то стучусь в дверь, но никто не открывает. Отхожу на несколько шагов назад, чтобы видеть окна и ору:

– Аарон, испуганная ты задница, немедленно открой дверь! Я знаю, что ты дома! Не беси меня, слышишь!

Но в ответ тишина, только всколыхнулись занавески на втором этаже и мне плевать, что это могут быть родители.

– Я сейчас начну нервничать! А ты знаешь, к чему это может привести!! Открой эту чертову дверь!

Клац и массивное полотно медленно отворяется, выпускающая на холод Эйпа.

– Привет, Аллегра, – приветствует он меня.

– Что, сам сэр Аллен слишком занят, чтобы лично спуститься? – едко комментирую и не свожу взгляда с окон.

– Послушай, разговора сейчас не будет и тебе лучше уехать домой.

– Это не ему решать, – грозно двигаюсь в сторону двери, обходя Эйпа, но тот ловко подхватывает меня под локоть и стопорит.

– Он сейчас не в той форме, – мягко подталкивает он меня к машине, – уезжай.

– Почему? Что с ним? Ему плохо? – вся злость мигом пропадает. – Эйп, пожалуйста, хотя бы ты скажи правду.

Парень хмурит брови и украдкой посматривает в сторону.

Вздыхает, видимо, подирая слова.

– Он просто спит, Аллегра.

– Ты лжешь.

– Это все, что я могу сейчас сказать. Прошу, уезжай, ему и без тебя не очень хорошо. Чуть позже он сам выйдет на связь.

– Шутишь что ли? От него не было вестей... – За мол- каю. – Ясно. Все ясно, Эйп. Извини, что побеспокоила.

В ответ он лишь извиняющиеся смотрит на меня и просто похлопывает по плечу. В моих глазах застыл всего один во- прос:

Все настолько плохо, Эйп?

В его глазах такой же немой ответ:

Очень.

27. Аарон

– Уехала? – поворачиваю голову в сторону вошедшего в комнату Эйпа.

– Да, но думаю, что ненадолго.

– Дерьмово, – вздыхаю.

– А она оказалась настойчивой девчонкой. Я бы даже сказал упертая и легко в этом переплюнет даже твою маму. – Он подходит ближе и проверяет остаток раствора в капельнице. – Как ты себя чувствуешь?

– В связи с чем? – жмурюсь, потому что меня доканывает головная боль. – Истерики матери? Отцовский бойкот? Или атаки Аллегры на мой дом и спокойствие? Что из вышеперечисленного должно меня больше всего беспокоить?

– Буду более банален, – слышится голос медбрата слева от постели, – меня больше интересуют твои ощущения после приема этого препарата.

– А, ты об этом, – вновь открываю глаза, – ну, получше, чем от предыдущего. Хотя бы нет тошноты, но голова болит ужасно.

– Что-то еще? – Эйп все фиксирует в планшете.

– Увы, но обрадовать тебя нечем.

– А что по поводу остальных болей?

– Затихают после обезболивающих, – перевожу взгляд на прозрачную трубку, по которой медленно стекает лекарство

в мои вены. – Мне кажется, что все это бесполезно.

– Ты же знаешь, что есть несколько вариантов...

– И везде из меня делают подопытного кролика, – киваю головой, – я знаю.

– Хочешь поговорить? – Эйп заканчивает что-то печатать на планшете и откладывает его на столик с лекарствами. – Вижу, что у тебя сегодня настроение еще подавленней, чем обычно. Дело в Аллегре?

Хочу ли я поднимать этот вопрос? Я не знаю, что ему на это ответить. Мне казалось, что я выбрал правильное решение, когда отдалился от нее. Во-первых, таким образом хотел померить ее пыл в вопросе с Майком. Ведь когда нет раздражителя, то есть меня, то и нет проблем. И сначала все выходило так, как я задумал. Хотя мне самому было пиздец как трудно. Нет, не так. Я подышал без нее. Вырвать Аллегру из своих мыслей было невозможно. Я скучал. Безумно скучал по ее голосу, по ее улыбке, по мрачным и почти похоронным шуткам. Дни без этой девушки превратились в безликое пятно.

Как-то раз Эйп сказал, что не стоило идти на такие жертвы. В тот момент мне было настолько паршиво, что я почти отказался от своей цели. Но... потом приехал Джейсон и по его глазам я понял, что мне не стоит рыпаться. Они вместе. Они счастливы. Зачем добавлять Аллегре лишних переживаний, если она смогла начать жизнь с чистого листа? Я бы и брата не видел, если бы не наш уговор. Мне нужна была ин-

формация о самочувствии Аллегры и он давал мне ее. Скупое и неохотно. И то, из-за того, что должен мне. Я ведь уступил ему эту девушку. Я не боролся, хотя и мог попытаться. Но здоровый голос говорил, что со мной ей не светит ничего хорошего. Она обязательно поправится, а я... не важно.

Я знал, что они в ожидании донора, но они пока не было никаких продвижений. Список не двигался на протяжении трех месяцев и даже мои попытки помочь ей в этом вопросе были безрезультатными. Мы с Эйпом объездили всех светил в городе, но они лишь разводили руками. Я даже собирался в другой штат, но мое собственное здоровье решило окончательно привязать меня к капельницам и постели. И теперь уже иные светила медицины бесконечной и раздражающей вереницей замаячили у нашего дома. Кажется, моего терпения хватило ровно до третьего мужика в белом халате, который сначала оценил обстановку дома, а уж потом посмотрел на меня. Тогда он был послан на**й, как и все последующие после него врачи. А толк? Они все говорили одно и то же. Одно, мать их так, и то же. На фоне этого у матери началась истерика и депрессия. Отец не задумываясь тут же отправил ее «отдыхать». А сам решил говорить так, как только он умеет и только теми способами, которые были доступны только ему.

– Я замораживаю все твои счета до особых распоряжений. – Он прохаживается по комнате и останавливается у специального столика на колесах, где Эйп оставляет свои

предписания и медикаменты.

– Моешь сразу присваивать себе все деньги, которые там находятся. Зачем их столько инвалиду? – сарказма в моем голосе хоть отбавляй.

– Не начинай.

– А что начинать? Водить я больше не могу, активный отдых тое под запретом. Увлечения? Хм, дай подумать. Разве что вязание... а что? Времени теперь хоть отбавляй. С учебы ж вы меня тоже сняли.

– Тебе в любой момент может стать плохо. – Цедит отец сквозь зубы. – Людям не нужно это видеть.

– И вы решили теперь пожизненно держать меня в этом доме?! – срываюсь в ответ на крик. – Чтоб вдруг не опозорил?

– Закрой свой рот! Раньше тебя это заточение не пугало и не волновало. Помнится, что ты добровольно стал сидеть в этих четырех стенах.

*– Это две разные вещи! То ли самому решать, когда и куда тебе выходить. То ли потому что вы так решили! Взяли, бл**ь решили! А теперь ты вздумал меня пугать отсутствием денег на счетах? Ты издеваешься? Оглянись, отец, разве это самое страшное в моей ситуации?*

– Ты сам виноват. – Прилетает в ответ. – Во всем.

– Я не отрицаю, – холодеет мой голос. – Решил вскрыть все наблевшие раны одним махом? Ну, давай.

– Не вижу смысла, – отчеканивает он, – это не поможет

нам разгрести то дерьмо, в которое ты затащил нашу семью.

– Могло бы быть и хуже, – шепчу в ответ, но отец этого уже не слышал. Потому что вышел прочь из комнаты.

Но он бы не был собой, если бы не сдержал слово. Счетов у меня больше не было. Как и друзей. Как и брата. Как и той, к кому у меня лежала душа. Остался только Эйп, который сейчас внимательно смотрел на меня.

– Неужели я все просрал, Эйп? – тихо спрашиваю его. – Посмотри, все полетело к чертям.

– А какая теперь разница? Нужно думать не о том, что было. А о том, что ты можешь еще сделать.

– Только не начинай, – морщусь, когда он вытягивает иглу, – я не лягу на операционный стол пока не будет реальных прогнозов.

– Я не о том, – Эйп накладывает повязку, – мне кажется, что нужно прекратить эту бессмысленную войну с собой. Прекрати переламывать себя и подавлять желания. Тебе нужна Аллегра и ты это знаешь.

– Она больше не моя, – сглатываю. – И ходит она сюда лишь для того, чтобы выбить сведения о Майке. Я ей по факту не нужен.

– Ошибаешься.

– Нет, Аарон, это ты запутался в своих мыслях настолько, что не видишь очевидных вещей. Всех не защитишь, и ты знаешь, о чем я.

28. Аарон

А кто, если не я?

Эйпа уже нет в комнате, а мой вопрос так и остается подвешенным в воздухе.

А кто, если не я?

Он преследует меня с момента аварии. Как и те воспоминания – кошмары, приходящие каждую ночь. Когда мы собирались на очередную вечеринку и за мной должны были заехать Майк и Кими. Но кто же знал, что они обнюхаются еще до начала веселья. Я и сам практиковал это дело. Чисто ради дополнительного «веселья». Но даже у меня хоть иногда, но срабатывали тормоза.

– Хэй, братик, прыгай, – Майк настолько под кайфом, что я не понимаю, как он вообще видит дорогу.

– Давай, милый, нас уже заждались, – вторит ему моя девушка с переднего сиденья.

– Кими, какого черта? – рывкаю на нее и дергаю дверцу на себя, – а ну вылезай из машины!

– Какая муха тебя укусила? – фыркает она и закатывает глаза. Судя по перегару, она еще и выпивала. – Мы же веселимся. Все, как и всегда. Или ты злишься, что начали без тебя?

И дело ведь было не только в этом. Уже некоторое время до меня доходили слухи о неверности Кими. Я закрывал

глаза на все сообщения от анонимов, где ее поливали грязью. Это было не впервые, ведь чего таить, меня хотела чуть ли не каждая вторая девчонка колледжа. И они пытались занять место рядом со мной любым способом. Но в этот раз мне прислали видео, где украдкой снимают дверь туалета на очередной вечеринке у кого-то дома. Длится оно всего пятнадцать секунд, но мне больше и не надо было. Вот дверь открывается и оттуда выходит Кими, поправляя свое короткое платье. Вроде бы ничего необычного. Да вот только через пять секунд оттуда же выплывает и Майк, дергая свою ширинку и все становится на свои места. Мой друг позарился на мою девушку, а та, в свою очередь, без зазрения совести раздвинула перед ним ноги. Надо же, какая прелесть... бл*дь!

И вот, они снова приехали вместе. Думают, что я нихера не знаю и открыто смеются мне в глаза. Ну, ничего, я тоже посмеюсь. Последним.

– Сядь назад, Кими, – командую, когда мне все-таки удастся вытащить ее из салона.

– Чувак, ты какой-то слишком напряженный, – Майк ухмыляется и тянется к бардачку, откуда достает небольшой пакетик с таблетками. – Фил не обманул, забористая штука.

Я ведь мог и не брать эти чертовы колеса. Но был настолько на взводе, что мне казалось еще чуть-чуть и придушу этих двоих у своего дома прямо в машине. Мне надо

немного расслабиться. Да и от одной меня редко вставляло, уж я-то свой организм знал...

– Давай, я поведу, – обхожу машину.

– Эээ, нет, – Майка показывает мне фак в открытое окно, – моя тачка – мои правила. И первое из них – никто кроме меня не имеет права управлять моей малышкой. Это ж как с телками, брат. Только дашь кому-то к ней прикоснуться, она тут же из личной становится общественной. Так что тащи свой зад на соседнее сиденье.

– Как скажешь, – цежусь сквозь зубы, когда оказываюсь на месте и, меня тут же обивают руки Кими.

– Я так соскучилась, пупсик, – мурчит она мне в затылок, – скорее бы оказаться с тобой наедине.

– Воу-воу, Аллен, тебе досталась такая ненасытная тигрица – ржет Майк, набирая скорость, – дайте мне хоть довести вас до вечеринки.

– Ненасытная не то слово, – отцепляю ее пальцы и Кими недовольно стонет, но откидывается на спинку заднего сиденья. Я вижу ее лицо в зеркале заднего вида и то, как она отхлебывает из бутылки. – Ты бы притормозила с бухлом.

– Не бойся, Аарон, я все контролирую. – Слышится беспечный ответ. – И на тебя у меня хватит силенок.

– Да неужели? – мысли становятся похожи на сладкую вату от действия таблетки. А слова так сами и просятся наружу. – А я думал, что Майк тебя уже вымотал по дороге сюда. Сколько раз ты с ним кончила, Кими? Или сегодня

у тебя выходной и ты просто отсосала ему?

– Слышь, чувак, ты бы это, – Майк косится на меня, – не говорил бреда. На кой хер мне твоя телка сдалась?

– Точно, это было моей первой мыслью после того видео, где прекрасно видно, как вы почти вместе выходите из параша с довольными лицами. – Щелкаю пальцами в воздухе. – На кой хер тебе моя девушка?

– Милый... – Кими снова лезет ко мне, но я больно бью по ее рукам и она возвращается на свое место.

– Я тебе больше не милый. А ты мне больше не любимая. – Смотрю в упор на Майка. – Да «друг»? Как ты там сказал? Дай только коснуться и все личное становится общедоступным?

– Послушай, Аарон, – девушка всхлипывает, но я не верю в эти слезы, – ты все не так понял. Ну... был разок... я была пьяная в хлам и даже ничего не почувствовала... Да он вообще в этом деле не ахти. Ты все равно лучший, поверь мне. Черт, что-то мне плохо...

*– Что? – Майк отрывается от дороги и оборачивается к ней. – Х*ле ты тогда мне наяриваешь? Эй, Ким, что с тобой? Ты че, отъехала?*

*– Херовая актриса решила сыграть обморок? – Хмыкаю и заторможено всматриваюсь в дорогу. В башке полный сироп и это плохо. Потому что не сразу понимаю, что Майк и вовсе бросил руль и нас сносит на скорости к столбу. – С*ка, Майк! Тормози!!!*

А дальше обрывки: вот парень резко дает по тормозам и слышится звук битого стекла, а вот я чувствую сначала полет и уж потом адскую боль в теле. Затуманенный разум отмечает, что я лежу почти в двух метрах от искореженной машины. Картинка то гаснет, то появляется вновь. Веки наливаются тяжестью и с каждым разом, открывать их становится труднее. Чувствую, как меня трясут и бьют по щекам.

– Аарон, мать твою, открой глаза! – Слышится голос Майка.

– Ммм... – разлепляю веки и вижу его окровавленное лицо перед собой.

– Короче, я вызывал скорую, – тяжело дышит он, – они уже мчатся. Если будут спрашивать, ты был за рулем.

– Я не был...

– Ты был! И ты берешь всю вину на себя!

– Ты что мелешь, – разум проясняется, – ты что, бл*дь, мелешь?!

Хочу врезать ему, но не могу даже подняться и тем более пошевелить ногами. Окидываю себя взглядом, но все в крови и ни черта не понятно.

– С*ка, ты нас бросаешь? – ору. – Где Кими?!

– Ей уже не помочь... не помочь... а мне нельзя за решетку... Слышал? Нельзя! – Он хватается за голову.

– Хера с два, ответишь по полной.

– Нет, Аллен, ты еще не понял? Я не буду отвечать! Если

хоть что-то вякнешь обо мне я солью видосик с твоей матерью, которая резво скачет у моего отца на коленках. Его лица не видно, а вот она и все ее прелести просматриваются прекрасно. Сечешь, что будет? Твоя семья пойдет на дно, а твой папик лишится бизнеса. Хочешь этого? Хочешь?!

– Гори в аду, Майк!

– А как вернешься, сделаешь вид, что мы с тобой прекрасные друзья, как и прежде. Поддержишь в наших делах и, если меня все устроит, то я отдам тебе компромат...

Это уже потом, будучи в больнице, я узнал все подробности. И то, что от удара меня выбросило сквозь лобовое стекло. И то, что Кими получила травмы, которые... вообще, относительно уцелел только Майк. И то, потому что эта гнида успел развернуть машину и пострадала именно та сторона, где сидела Ким. Он даже спас свою шкуру ценою чужой жизни. Отделался парой переломанных ребер и сотрясением.

После сотен допросов, после шокирующей новости об инвалидности, после всего кошмара, который мне пришлось пережить по вине Майка... мне меньше всего хотелось его видеть. Гнал его вместе с благодарностями нахер. Кому нужно твое «спасибо, чувак, я тебе должен», когда мое молчание было выбито новостью о компромате, где моя же мать в главных ролях. Я видел его, всего пару минут, но мне хватило и потом потянуло блевать.

– Когда отдашь мне его?

– *Через годик, – скалится Майк, – я же должен быть уверен в том, что для меня пройдет все бесследно.*

– *Уже прошло...*

Для него – да, я же до сих пор ловлю отголоски и вижу эти проклятые кошмары. А еще мучаюсь от фантомных чувств в ногах, будто они рабочие. Но терплю и никому ничего не рассказываю, барахтаюсь в дерьме и стараюсь не захлебнуться. Смотреть на мать – тяжело, слушать отца подавно. Был еще Джейсон, который начал что-то рыть, но и его быстро заставил поверить, что брат мне не нужен. Потом появилась Аллегра, но и та зачем-то ищет правду, которая никому не понравится.

Дверь позади с щелчком приоткрывается, но я даже не оборачиваюсь. Лишь бросаю через плечо:

– Уходи, Эйп, на душе совсем тоска.

– А мне, честно говоря, плевать, какое у тебя тут настроение. – Аллегра возникает прямо перед глазами. – Говорить буду я. И только попробуй вякнуть, Аллен, останешься без зубов.

29. Аарон

– Как ты здесь оказалась?

– Когда мне надо, я бываю очень настырливой.

– Эйп?

– Нет, открытое окно в родительской спальне.

– Ты совсем из ума выжила? Это второй этаж!

– И что? – Пожимает она плечами.

– Ты сумасшедшая, – выдыхаю и тарашусь на нее, как на какое-то восьмое чудо света. И это не ошибка, и не пробелы в моих познаниях истории. Она для меня новое и неизведанное чудо, на которое мне хотелось смотреть вечность. Смотреть, познавать, разгадывать. Но, к моему сожалению, это уже было не моей привилегией. Я могу лишь вот так, украдкой, наслаждаться ее присутствием пока есть на это возможность.

– Ничего не хочешь мне сказать? – Аллегра скрещивает руки на груди. – Допустим, что скучал?

– Скучал, – заморожено повторяю эхом за ней.

Видеть ее такой вот рассерженной для меня впервые. И даже в гневе она прекрасна. Звучит бредово, я знаю. Но мне кажется, что человек, к которому у тебя есть чувства априори не может выглядеть иначе.

– Может быть, ты даже жалеешь, что просрал столько времени зря?

– Жалею, – соглашаюсь и с этим, хотя думал, что смогу как-то иначе держаться в ее присутствии.

– Так как какого же ты хрена избегал меня?!

– Тише, тебе нельзя нервничать. – Стараюсь успокоить ее, но с таким успехом можно просто выехать на рельсы перед движущимся на тебя поездом. Остановиться не успеет и размажет тебя по поверхности.

– А не пошел бы ты, Аллен! Надо было беспокоиться о моем спокойствии еще до того, как позорно слинял!

– Называй это как хочешь, но я старался тебя оградить от ошибок, которые ты могла бы совершить на почве благо-родности! – Ударяю кулаками по подлокотникам кресла. – Все зря, понимаешь, Аллегра? Даже, если бы я и захотел на-казать Майка, у меня нет никаких доказательств, чтобы за-крыть ему рот.

– Значит, я была права по поводу компромата?

– Да.

– И на нем не ты, верно?

– Поразительная догадливость, – цежу сквозь зубы.

– Я так понимаю, что видеорегистратора в машине Майка не было? – Девушка медленно приближается ко мне.

– Шутишь? Зачем он нужен тому, кто вечно нарушает за-коны? – Хмыкаю. – Никаких доказательств нет и тебе при-дется мне поверить. Просто забудь.

– Я сама буду решать, что мне помнить, а что забывать. Ясно? – Закипает Аллегра и цвет ее глаз медленно превра-

щается из светло – серых в темные. Как небо, которое вдруг стало затягиваться тучами перед штормом. – Не строй из себя героя.

– Ну да, вот в этом, – провожу рукой по дугам колес, – меня трудно таким представить, да?

– Ага. – Легко соглашается она и тем самым заводит меня.

– Так шуруй к своему ненаглядному Джейсону, – шиплю, – уж он-то полноценный герой. Или позвони и он тут же примчится вызволять прекрасную Аллегру из лап ужасного братца! Давай!

Мне кажется, что я довел ее и она вот-вот уйдет. Каждое слово приходится выталкивать из глотки насильно, но у меня нет другого выхода. Надо сжигать все мосты к чертям. А с девушками это так легко сделать, если знать, куда бить словами побольнее. Аллегра уже развернулась ко мне спиной, но вдруг внезапно и настолько резко оказывается рядом, что не успеваю моргнуть и глазом, как щеку обжигает удар.

– Это тебе за то, что решил отказаться от меня!

Второй удар по второй щеке.

– А это за то, что надумал меня обидеть!

От третьей пощечины зажмуриваюсь и сцепляю зубы крепче.

– Запомни, Аллен, любые отношения разрываются по решению двух сторон. А я своего согласия не давала! – Почти срывается она на крик.

Удары по моим щекам осыпаются будто из рога изобилия,

но я терплю. Потому что заслужил. Кажется на десятой пощечине, слышу всхлип и открываю глаза. А затем хватаю ее за руку и тяну на себя. Аллегра вовсе не сопротивляется и моментально оказывается у меня на коленях, утыкаясь носом в шею. Дурею от ее близости и от запаха, который тут же обволакивает меня невесомым одеялом.

– Пожалуйста, не плачь, – глажу ее по волосам, – если тебе станет хуже, я никогда в жизни себе этого не прощу. Я уйду следом за тобой.

– Идиот, – мотает она головой из стороны в сторону, – я никуда еще не собираюсь. И перед приездом к тебе я напилась всяких таблеток, чтобы вынести этот разговор.

– Дура. – Только и могу ответить, крепче прижимая к себе.

– Ты тоже хорош, – Аллегра немного отстраняется и теперь, мы оказываемся нос к носу. Она выдыхает, а я жадно поглощаю воздух обратно. – Не смей больше так делать, Аарон. Больше не отталкивай меня, даже если ты думаешь, что поступаешь во благо.

– Ты же сама видишь, что я вот такой...меня уже не изменить. Как мне донести до вас, что я вам не нужен? Что со мной вам будет только хуже? Тебе лучше будет без меня, не держись, отпусти.

– Не могу. – Она, почти не мигая, смотрит мне в глаза, а кажется куда-то глубже. – И не отпущу.

– Почему?

– Потому что я люблю тебя.

Ее признание – гром среди ясного неба. Он поражает. Оглушает. Заставляет задержать дыхание.

– Что ты такое сейчас говоришь? – обхватываю ее лицо своими ладонями. – А как же Джейсон? Вы больше не вместе?

– Нет, мы по-прежнему встречаемся.

– Тогда я ничего не понимаю.

– Для меня это тоже было поначалу странно. Но я люблю вас обоих и ничего не могу поделать с собой. – Аллегра как будто вся съеживается в моих руках. – Это дико прозвучит, но... Джейсон... я представляю себе, что он мое тело, а ты... ты моя душа. Если кого-то из вас нет рядом, я не чувствую себя целой. Вы нужны мне оба и иначе я саму себя без вас не представляю. О, боги, Аарон! Знал бы ты, как я себя возненавидела за то, что посмела привязаться к вам настолько сильно!

– Помолчи, – прошу ее и она покорно затихает.

А у самого сердце не на месте. Одна половина меня готова взлететь ввысь, окрыленная ее признанием. А вторая... она осознает, что любовь эта разная. И тех чувств, которые Аллегра испытывает к Джейсону, она никогда не почувствует ко мне. Но и связь между нами отрицать не стоит.

...Мне кажется, что нужно прекратить эту бессмысленную войну с собой. Прекрати переламывать себя и подавлять желания. Тебе нужна Аллегра и ты это знаешь...

Слова Эйпа проносятся в моей голове, когда я смотрю на девушку. Да, возможно, что дальше будет только хуже. Но и без нее мне никак. Кажется, я окончательно превратился в садомазохиста.

– Я тоже тебя люблю, – нарушаю тишину. – И мне тоже было без тебя херово. Прости, что заставил тебя так мучиться.

– Это уже неважно, – легкая улыбка неуверенно расцветает на ее губах. – Просто давай... давай больше так не будет поступать друг с другом.

– Хорошо.

– Обещай, Аллен, что мы будем всегда рядом друг с другом.

– Хорошо.

– Не «хорошо», – снова командует она. – Обещай!

– Обещаю.

– Не смотря ни на что.

– Не смотря ни на что, – повторяю следом. – А ты пообещай не вытворять глупостей.

– Ну...это уже буду не я, – смеется она.

– Аллегра, – чуть строже произношу ее имя, – пообещай мне, что если что-то и задумаешь, то посоветуешься со мной.

– Зачем?

– Затем, чтобы мы натворили их вместе.

– Обещаю. – Кивает она и снова прижимается ко мне.

Перемирие восстановлено. Но мы, как в детстве, скрести-

ли каждый палец в момент обещаний. Потому что знали, мы их выполним, но по-своему.

30. Аллегра

– Чуть левее, – командую со своего места, – да, вот так. Нет, а теперь возьми чуть правее. Джейсон, ты понимаешь, где у тебя право, а где лево?

– А ты не могла бы выбрать раму менее тяжелой? – огрызается он в ответ.

– Нет, она больше всего подходила к этой картине, – усмехаюсь и смотрю на Аарона, – что скажешь? Крутое полотно да? Прямо взрыв красок!

– Эмм... больше похоже, что кого-то просто стошнило на него, – он скептически смотрит то на картину, то на брата, который пытается ее повесить. – Джейсон, тебе помочь?

– Каким образом? – беззлобно уточняет тот со своего места.

– Я могу сжечь ее.

– Надо было раньше это предлагать. Я что, зря мучился? – Второй брат наконец-то отходит от стены и вытирает пот со лба. – Теперь уже поздно, этот кошмар на своем месте.

– Я знала, что вам понравится. – Делаю вид, что дуюсь на них, но это не так.

Мне понадобилось полтора месяца, чтобы они хоть как-то начали друг друга переносить и не сбегать при этом. И на что я только не шла. Заманивала всеми способами на одну территорию, притворялась, что мне не очень хорошо. Знаю,

здоровьем шутить в моем случае вообще бы не стоило, но это единственное, что их хоть как-то заставляло шевелиться. Вот так оба брата более или менее стали терпеть друг друга и даже дошли до коротких бесед. Надо отметить, что это прогресс.

В кармане вибрирует телефон и я спешу посмотреть на экран. Отлично, мать Кими отозвалась в одной из социальных сетей и была готова со мной встретиться. Для этого пришлось очень долго изучать профили ее дочери, чтобы моя легенда была правдоподобней. В итоге, я – одна из ее подруг, с которыми она сдружилась на каникулах в Вене двумя годами ранее. И мы поддерживали связь все это время, но у меня не получилось прилететь на похороны. И вот, как выдалась возможность, сразу же хотела бы навестить ее родителей и высказать им свои соболезнования. И все это мне нужно было лишь для того, чтобы попасть к ним домой. Мне нужна была комната Кими и ее содержимое. Судя по профилю ее матери, они оставили ее как есть и на одном из фото явно был виден телефон девушки. И меня осенила одна идея, которую мне надо было воплотить в жизнь. Кими была одной из тех, кто спал и даже ходил в туалет с телефоном. Она постила все, что видела. И я подумала про себя:

А вдруг?

– Если это все твои гениальные планы на сегодня, – Джейсон подходит ко мне и притягивает к себе для поцелуя, – я бы предпочел откланяться и поехать на работу. У меня се-

годня еще на повестке дня важное собеседование.

– А ты уверен, что оно важное? – Скептически оглядываю его с головы до ног. – Что это за стиль бомжа и где твой костюм?

– Прошу заметить, – он поднимает указательный палец вверх, – стильного бомжа. И если говорить о костюмах, то это к Аарону. У него их наверно больше, чем у президента.

– Я не виноват, что хорошо в них смотрюсь, – парирует второй парень. – Тебя же можно увидеть в нем только на похоронах. Уверен, что даже на мои ты явишься в рваных джинсах и толстовке.

– А какая тебе разница, ты же этого не увидишь, – Джейсон закатывает глаза.

– Так, мальчики, брейк, – встречаю между ними. – Валите уже по своим делам, вы мне надоели.

– А мне кажется, что ты нас красиво использовала в своих целях и теперь пытаешься спровадить, – прищуривает Аарон.

– Да какая разница, мне реально уже пора ехать, – Джейсон отмахивается, – тебя подвезти?

– Нет, за мной приедет Бен.

– Как знаешь, – мой парень целует меня еще раз на прощание и спешит вниз.

Я остаюсь с Аароном и старательно делаю вид, что он нифига не угадал. Но с ним это сделать как раз таки очень сложно. Аллен-младший более наблюдательнее, чем его брат.

– Куда собралась?

– Да так, – подхожу к зеркалу и достаю расческу, – хотела заскочить в один магазинчик.

– Компания нужна?

– Пожалуй, не в этот раз. И не вздумай следить за мной. – Грожу ему пальцем в отражении зеркала. – Я машину Бена знаю, как свою.

– Это куда ты намылилась, если требуется такая конспирация?

Я знаю, что следующие слова будут ему неприятны, но у меня нет другого выхода.

– Понимаешь, сегодня я хотела бы сделать сюрприз Джейсону. И... этот магазин... честно говоря, мне самой не по себе туда идти. Но мне нужно белье, которое не продается в обычном магазине.

Надо отдать ему должное, но Аарон даже бровью не ведет. Лишь пожимает плечами:

– Ты и так прекрасна. Я бы на месте своего брата не хотел ничего лишнего на тебе. Да и насколько я знаю, ему вся эта мишура приелась еще в колледже. Не думаю, что ты его можешь чем-то удивить.

– То есть, костюм Фионы из «Шрека» его не впечатлит? – стараюсь удержать серьезное выражение лица, но получается весьма паршиво.

Аарон тоже недолго остается ворчливым дедом. Уже через минуты мы ржем в голос да так, что прибегает мама.

– Все в порядке, Лина, – успокаивает ее парень, но маме это все равно не помогает. – Смех ей полезен.

– Да – да, а еще не мешало бы ей немного покоя, – ворчит она, – от вашей троицы даже у меня начинает болеть голова.

– Мам, ну ты чего? – обнимаю ее.

– Сложное дело, зайка, – мама обнимает меня в ответ, – но вы не даете мне сконцентрироваться. Сначала гремите так, что дом сотрясается. А потом... господи, что это за кошмар у тебя на стене?

– О, Лина, добро пожаловать в наш клуб так себе ценителей искусства. – Аарон ухмыляется, – Как оказалось, это вовсе не ужас. А новое увлечение вашей дочери.

Внизу раздается звук клаксона и это освобождает маму от дальнейших комментариев. Аарон же спокойно ожидает в кресле, пока Бен поднимется в мою комнату, чтобы забрать его. В такие моменты мне почему-то становится неловко смотреть на то, как водитель берет парня на руки и спускается с ним к машине. Я стараюсь заниматься коляской, а когда приезжает еще и Эйп, то просто без умолку трещу, о чем попало. Потому что как бы Аарон не держался, для него это было унижительной процедурой. Я знаю. Чувствую на каком-то подсознательном уровне, хотя парень даже не подает виду.

– Я так понимаю, киновечер отменяется? – спрашивает он, как только оказывается в машине.

– Почему? – не сразу вспоминаю о своем вранье и тут же

хлопаю себя по лбу. – Точно! Давай перенесем его на завтра?

– Завтра не получится. – Теперь уже Аарон отводит взгляд и мне это не нравится. – Нам с Эйпом надо показаться в больнице.

– Есть какие-то обнадеживающие новости?

– Да все как всегда, – качает он головой, – «сделайте, а там посмотрим».

– Ты не передумал?

– Хочешь носить мне утки и наблюдать за пролежнями? – тон Аарона становится жестче и он тут же отворачивается, подавая сигнал водителю, чтобы тот трогался.

Такое прощание для нас в последнее время стало какой-то нормой. Я ненавязчиво пытаюсь убедить его в том, чтобы он хотя бы подумал над вероятностью операции. Аарон все так же отбивал все попытки.

– Ладно, попробуем в другой раз, – бурчу себе под нос, когда снова возвращаюсь в дом, – но я все равно тебя уломаю.

Перед отъездом к родителям Кими еще раз прохожусь по той информации, которую мне удалось собрать. Затем кидаю взгляд на часы и понимаю, что время выдвигаться. Наношу третий слой розового блеска на губы и поправляю лямку от сумки на плече.

Все должно пройти идеально. Другого шанса у меня нет.

Вот о чем я думаю, крепко стискивая в руке ключи от дома.

– Мам, я в магазин. – Громко оповещаю ее. – Что-то надо

купить домой?

– Да нет, папа все возьмет, – она появляется в дверях с кипой бумаг, – а ты надолго?

– Ну, я ж теперь без машины, так что часик меня точно не будет.

– Таблетки приняла? – строго уточняет мама. – Показания записала?

– Естественно, – киваю, – не волнуйся, я ничего не пропустила.

– Телефоны при себе?

– Да.

В моей сумке действительно не один телефон. Один из них – личный, второй – оповещение доноров. А третий появился буквально вчера. Потратила все свои сбережения, но купила точно такой же гаджет, который был у Кими. Модель и цвет оказалось найти не сложно, им она светила во время всевозможных селфи у каждого зеркала. Осталось только кое-что исправить в нем.

– Фух, была ни была, – набираю побольше воздуха в грудь, оказавшись немного дальше от дома. Достая новенький телефон и с высоты своего роста роняю на асфальт. А в довершении всего еще и наступаю одной ногой, чтобы как можно сильнее разрушить дисплей. Результатом я вроде бы довольна. Теперь телефон выглядит так, как он вроде бы должен выглядеть после аварии. Остается только незаметно прокрасться в ее комнату и подменить его на настоящий.

– Добрый день, вы должно быть Дора? – вскидываю голову, когда оказываюсь на месте и, передо мною открывается дверь.

– А вы Аллегра? – уточняет мама Кими.

– Да, – киваю головой, – очень рада вас видеть.

– Что же вы стоите на пороге, проходите, – женщина распахивает дверь шире и впускает меня внутрь.

И тут мне приходится делать то, что я больше всего не люблю делать с незнакомыми мне людьми.

– Я так вам сочувствую, – с этим словами обнимаю ее и вздыхаю. – Мне так ее не хватает.

– Мне тоже, – слышится всхлип.

– Простите, что не смогла попасть на похороны.

– О, не стоит извиняться. – Дора размыкает объятия и проводит меня в гостиную, – здесь было очень много людей. Настолько, что я не запомнила и половины. Вряд ли бы и вы отложились в моей памяти.

– Вы просто были вне себя от горя.

– Чаю? – учтиво спрашивает она.

– Да, если можно черный с цитрусом, – киваю головой, словно китайский болванчик. – И две ложки сахара, пожалуйста.

– Надо же, – женщина застывает на месте, – моя Кими любила такой же.

– Я знаю, мы часто заказывали его на отдыхе. – Откашливаюсь. – Конечно, дико извиняюсь, но я после длительной

дороги и очень хочу в туалет. Могу я воспользоваться вашим?

– Да, конечно, – она взмахивает рукой, указывая направление, – прямо по коридору и налево.

– Спасибо, я очень быстро.

Чувствую затылком ее взгляд почти до самой двери и, как только закрываю ее за собой, тут же прикладываю ухо к поверхности. Шаги удаляются, видимо, Дора пошла на кухню. Осторожно выскользываю обратно и крадусь к двери напротив, но ошибаюсь и обнаруживаю за ней гостевую спальню. Остается всего один вариант, но он дальше, а времени мало. Чуть ли не бегом стремлюсь к последней двери и облегченно вздыхаю, когда оказываюсь в нужном мне месте.

В этой комнате как будто застыло время в ожидании своей хозяйки. Нет, даже не так. Ощущение того, будто Кими вышла и сейчас вернется. На столе ворох косметики и журналов, на постели разложены вещи. Есть даже чашка с чаем, от которой поднимается пар. И от этого становится жутко. Сбрасываю оцепенение и скольжу взглядом по полке, но телефона не вижу.

– Он должен быть где-то здесь, – шепчу в пустоту и нахожу его на прикроватной тумбочке на зарядке.

Что ж, я постаралась на славу. Дисплеи почти не отличаются по степени разбитости. Вот только есть одна незадача. Чехол от старого телефона вообще не хотел надеваться на новый. Чувствую, как ладони начинают предательски потеть

и кусок пластмассы постоянно пытался выскользнуть.

– Ну, давай же, – шиплю и что есть сил, тяну чехол, который с трудом, но занимает положенное ему место, – фух!

А дальше запихиваю телефон Кими под ремень джинсов и накрываю сверху кофтой, стараясь вырулить из комнаты как можно тише. Успеваю проскользнуть в туалет буквально за секунду до того, как в дверь раздается стук. А затем и обеспокоенный голос Доры:

– Аллегра с вами все в порядке?

– Ох, поездка вымотала, – наспех открываю кран и брызгаю на лицо водой, – стало немного плохо.

– Вызвать врача?

– Нет, не беспокойтесь, – открываю дверь и вымученно улыбаюсь, – просто ничего не завтракала, вот настолько к вам спешила.

– Надо же, – Дора всматривается в мое лицо, – я не думала, что у Кими есть такие преданные поклонницы.

Надо же, вот кем она меня посчитала. Даже не подругой, поклонницей. От этого слова меня корбит, но приходится играть дальше.

– Да, я восторгаюсь ею до сих пор. Невероятно яркая девушка. И я рада, что мне выпала честь пробыть с ней на отдыхе. – С придыханием, как и принято поклонникам, выдаю ей речь.

– Да, Кими такая. Всегда привлекала к себе очень много внимания. – Женщина уводит меня к столу. – И умела сде-

лать простого человека счастливым, просто будучи рядом. У нее очень много талантов...

Следующий час дается мне тяжело. Дора без остановки рассказывает о дочери так, будто она ее не теряла. Она говорит о будущем Кими, о ее достижениях, о ее планах. И мне ее жаль. Потому что передо мной немного сошедшая с ума мать, которая воссоздает иллюзию существования того человека, которого уже нет рядом. Но еще больше мне жаль Дору от того, что она даже не знает, какой на самом деле была ее дочь. Она идеализирует Кими, возводит на мнимый пьедестал. В то время как сама девушка еще при жизни уже давным-давно скатилась по собственному желанию на дно.

Кое-как распрощавшись с Дорой, чуть ли не в припрыжку ухожу от их дома. Как только их окна скрылись за поворотом, достаю телефон Кими и крепко прижимаю к груди. А второй рукой набираю номер Джейсона, потому что Аарон мне в этом деле не помощник. Нарываюсь на автоответчик и выдыхаю:

– Джейсон, мне нужна твоя помощь. Помнишь, ты говорил, что у тебя есть кто-то, кто шарит в телефонах. А еще лучше, чтобы он был хакером. Мне надо взломать одну вещь...

31. Аарон

– Осторожней, – шиплю сквозь сжатые зубы, когда Бен пересаживает меня из машины в коляску.

– Спасибо, – благодарит его Эйп и перехватывает управление в свои руки, увозя меня в дом. – Потерпи, Аарон, сейчас будет легче.

– Хорошо, – стараюсь контролировать эмоции, но с каждым разом это делать все труднее и труднее.

Боль накрывает вспышками. Резкими и яркими. И что самое хреновое, я даже не знаю, когда меня накроет новым приступом. Утром, вечером, ночью... Эйп теперь постоянно находится рядом, чтобы блокировать их. А когда мне нужно быть с Аллегрой, старается подобрать подходящую дозировку лекарств, чтобы я не выдал себя, но и не был похож на овощ.

– Что не так? Описывай свои ощущения, – командует он, подготавливая капельницу.

– У меня такое ощущение, будто я весь изнутри горю. – Стираю холодный пот со лба и морщусь от новой волны неприятных ощущений. – Боль в этот раз сильнее. Мне кажется, будто мою грудную клетку сжимают металлическими обручами. И они ломают ребра... Эйп...

– Сейчас, – подспекает он к коляске и оперативно перетягивает меня на постель. Дальше медбрат быстро вводит си-

стему в вену и запускает капельницу. Туда же он вводит и морфин. – Потерпи, сейчас будет легче.

Прикрываю глаза и выдыхаю. Как потом оказалась, я вырубился и пришел в себя почти к самому вечеру. Боли больше не было, вместо нее появилось странное чувство легкости. Мое тело парило в какой-то невесомости, а в голове стоял туман.

– Эйп, – из горла вырывается едва слышный шепот. Приходится напрячься и следующий зов выход чуть громче, – Эйп...

– Я здесь, – парень оказывается рядом. – Как ты себя чувствуешь?

– Что ты мне вколол?

– Плохо?

– Да нет, – прикрываю пока еще тяжелые глаза, а потом открываю их вновь. – Слишком хорошо.

– Я оставлю этот рецепт в секрете. – Усмехается медбрат. – А если серьезно?

– Все отлично, – тяну гласные, – прямо бы сейчас рванул на танцы.

– Мне уже доставать костюм?

– Ага, – сглатываю вязкую слюну. – Синий, пожалуйста.

– Хорошо, – Эйп прикладывает руку к моему лбу, – как только ты отдохнешь, сразу все организуем.

– Отлично, – глаза закрываются помимо моей воли, – дай мне пару минут.

Но эти минуты плавно перетекли в глубокую ночь. Голова чугунная, во рту по ощущением распростерлась настоящая Сахара. Поворачиваю голову и в приглушенном свете ночника вижу маму, которая заснула в кресле. Видимо сменила Эйпа и заставила его пойти отдыхать в комнату для гостей, которая давным-давно уже стала его. Если бы коляска стояла рядом, я бы попытался сам в нее перебраться, но она была далеко и мне пришлось все-таки будить маму.

– Милый, – она тут же бросается к постели, – как ты? Что-то тревожит?

– Вроде бы нет, – подтягиваюсь на дрожащих руках вверх, – который час?

– Половина третьего, – она бросает беглый взгляд на часы. – Хочешь кушать?

– Нет, но от воды не отказался бы.

– Подожди, я сейчас принесу.

– Не надо... лучше дай мне коляску, я сам. Уже тошнит от своей комнаты, хочется сменить локацию.

Мама терпеливо ожидает пока я переберусь в кресло и мы вместе выезжаем к платформе. Затем спускаемся на ней в холл и движемся на кухню.

– Надеюсь, мы не перебудим весь дом, – отмечаю, когда мы оказываемся в ярко освещенном помещении.

– А кого здесь будить? Джейсон предупредил, что сегодня его можно не ждать. Ваш отец... как всегда. То ли на работе, то ли черт знает с кем. Дом постепенно превращается в

склеп, так что вряд ли мы кого-то потревожим.

На моей памяти, это впервые, когда мама сняла маску постоянной жизнерадостности и показала свое истинное лицо. И оно уставшее от вечного притворства.

– Это так печально, – она ставит чайник на плиту, – видеть то, как все, что ты строил всю жизнь... оно теперь распадается на мелкие части. И ты, к сожалению, ничего не можешь поделать. Приходится только и делать, что мириться с происходящими событиями. Будешь чай?

– Да. – Киваю и наблюдаю, как она заваривает нам две чашки крепкого чая. Затем, как в детстве, делает бутерброды с ореховой пастой и ставит все передо мной.

– Знаешь, я когда была в твоём возрасте, – присаживается мама за стол, – мечтала о том, что выйду замуж и у меня появится чудесный дом с прекрасными детьми в нём. Мне казалось, что я буду хорошей матерью и примерной женой, у которой и дело свое процветает, и скатерти наглаженные, и каждый день новое блюдо на столе.

– И что случилось с этой мечтательной девушкой?

– Ну, сначала все было хорошо. И муж – красавец, и дом – полная чаша, и двое сыновей – проказников. Картинка, а не семья. Но потом... – она отпивает из чашки. – Все полетело к чертям. Я видела это, но ничего не делала, чтобы хоть как-то восстановить идиллию. Быть во всем совершенным человеком очень трудно. Ты держишься год – два – десять – пятнадцать, а потом понимаешь, что внешне ты все так же идеа-

лен, потому что так надо. А внутренне... все ресурсы сожраны. И сил нет закрывать глаза на то, что творится кругом. Я давно немолодая и уставшая женщина. У которой есть муж, плохо скрывающий свои измены. Есть старший сын, который напоминает ветер. Сегодня он здесь, а завтра там. Я уже давно не знаю, что на уме у Джейсона. И есть младший сын, которого я скоро потеряю.

Мама слабо улыбается, но при этом вытирает слезы, которые стекают по ее щекам. Подъезжаю ближе и беру ее за одну свободную ладонь. И сжимаю ее, потому что знаю, говорить ей тяжело.

– Прости. – Всхлипывает она. – Я только сейчас поняла, что в погоне за идеальностью проглядела тебя. Конечно, уже поздно говорить «а если бы» и «надо было раньше». Да, надо было, надо... И мне больно от этого, Аарон. Смотреть на тебя и видеть, что я опоздала.

– Мам...

– Они снова приходили.

– Кто?

– Врачи. – Она дрожащей рукой поправляет челку с глаз. – Смотрели на тебя, на твои показатели. И я в какой-то момент будто очнулась и посмотрела на них другими глазами. Знаешь, у них, что ни фраза, то все привязано к деньгам. Дорогая операция, дорогая реабилитация, дорогие лекарства... и ни слова о том, что они могут дать взамен. Нет никаких гарантий. Ни – че- го. И я поняла твой страх. Будь я на твоём

месте, а я бы отдала все на свете, лишь бы нас поменяли, я бы тоже не согласилась на операцию. Никто в жизни не хотел бы обрекать себя и своих родных на такие муки. Ты очень сильный, мой мальчик. Ты... воин, Аарон.

– Пожалуйста, не плачь. – Прошу ее. – Ты ведь тоже храбрая.

– Не так как ты.

– Так же. Не каждая мать в силах проститься с ребенком.

Вот что это было. Не разговор, а прощания. Не признания в каких-то слабостях, а преодоление некоего барьера. Когда умалчивать свои мысли уже не страшно, а необходимо.

– Я люблю тебя, – нежно поглаживаю ее руки. – Спасибо, что ты приняла меня таким, каким я есть. И прости, что заставил тебя страдать.

– Никогда больше не говори так. – Она качает головой. – По сути, мы все с недостатками. Мне же выпала честь быть матерью такого человека, как ты. Но я прошу, побереги себя еще немного.

– Я бы тоже присоединился к этим пожеланиям, – в комнате появляется Эйп. – Аарон, организм не выдерживает таких нагрузок. Чем больше ты будешь стараться походить на здорового человека, тем чаще станут повторяться приступы.

– Я не хочу, чтобы остальные знали реальную ситуацию. – Морщусь. – Особенно, Аллегра.

– Она будет не в восторге, – комментирует мама. – Боюсь, ты делаешь только хуже. Ей надо знать, как и твоему брату.

Дай им возможность... смириться с самой мыслью...

– Нет. – Твердо отвечаю ей.

– Аарон, ты не понимаешь серьезности всей ситуации. – Эйп останавливается прямо передо мной. – Сегодня ты пробыл в забвении несколько часов, а в следующий раз это может перерасти в несколько суток. И ты можешь не успеть даже попрощаться.

Я ничего не отвечаю на этот счет. Просто потому что уже давным-давно позаботился о решении этого вопроса. Но еще оставалось множество других, которые требовали моего внимания и времени. Хотелось бы верить, что это время у меня еще есть...

32.Аллегра

– Что ты сделала? – Выражение лица и тон Джейсона не предвещает ничего хорошего.

– Сходила в гости, – скрещиваю руки на груди.

– Значит, в гости, – его глаза сужаются, – и как? Чаю попили? О жизни поговорили?

– Ну, допустим, – выдерживаю этот адский взгляд, который прожигает дырку у меня во лбу. – Но я не пойму, почему мы тратим время на эти пустые разговоры? Ты обещал меня свести с хакером, а не читать морали.

– Ты... бл*дь, совсем с катушек съехала? Какого черта ты туда поперлась?

– А у тебя самого не возникало мыслей, что доказательств у нас под носом?

– Аллегра! – гаркает на меня парень. – Хватит!

– Господи, Джейсон, да это же твой брат, а не левый человек с улицы!

– Но это не означает, что нужно плевать на все и лезть туда, куда тебя не просят. Вам скучно живется, а? У вас с Аароном напрочь отбит инстинкт самосохранения, как я посмотрю! Холишь тебя, лелеешь, пылинки сдуваешь, не нагружаешь тебя...

– Это чем ты меня не нагружаешь? – теперь настал мой черед испытывать злость. – Давай, договаривай.

– Ничем, – он старается держать себя в руках.

– Мм, а я уж подумала, ты меня сейчас упрекнул отсутствием секса. Но к твоему сведению, это не я отказываю тебе. А ты мне.

– Тебе не...

– Нельзя? Ты это хотел сказать? – Наступаю на него. – Думаешь, только тебе плохо? Думаешь, я не горю, когда оказываюсь в твоих руках? Думаешь, мне хватает одних поцелуев?

– Я не готов тобой рисковать.

– Чушь собачья! – взрываюсь. – Глупая фразочка из дешевого фильма! Нет у меня никаких ограничений в этом плане. И я не знаю, почему ты до сих пор медлишь с решением этого вопроса.

– Решением вопроса, – повторяет Джейсон, – слушай, а ты по ходу не отказалась от своего плана, да? Получается, что я просто какой-то инструмент для тебя. Нахрен мы тогда встречаемся, Аллегра? Ты просто скрашиваешь время?

– Джейсон, ты в порядке? – изумляюсь. – Что за бредовая сцена?

– Это нормальная реакция!

– Нет! – бью ладошками ему в грудь. – И мы бы не докатились до таких позорных выяснений отношений, если бы ты взял себя в руки и повел, как настоящий парень. Ты упрекаешь меня в том, что я отношусь к первому сексу, как к какой-то сделке. Но при этом ты даже не пытался переубедить меня в неправильности моей позиции. Тебя все устраивало

и, кажется, привлекал такой тип отношений. Так что не требуй от меня чего-то иного, в то время как сам ни разу не признался в своих чувствах!

Шумно дышим и смотрим друг на друга так, будто готовы вцепиться в глотки.

– Знаешь, как я это расцениваю? – сглатываю. – Как будто тебе страшно. Страшно сказать всего одно слово, от которого бы ты не растаял. Но я... я почувствовала бы себя нужной. А так, Джейсон, у нас с тобой действительно странная сделка.

– Это не так.

– А как? – Приглушенно спрашиваю, но вопрос остается без ответа. – Возможно, ты прав и нам стоит притормозить. Возможно, тебе нужно вернуться к прежней жизни, где меня не будет. Да, так будет лучше. Ты должен привыкнуть к тому, что меня рядом нет.

Хочу развернуться и уйти, как он хватает меня за руку и притягивает к себе. Обхватывая мое лицо ладонями, Джейсон всматривается мне в глаза и на его лице наконец-то проявляется целый ряд эмоций. Здесь и злость, и страх, и что-то такое, чего я раньше не видела.

– Ты права, – шепчет он и его дыхание щекочет мои губы. – Я никогда еще не чувствовал такого, что есть у нас с тобой. И мне страшно от этого. Но я учусь и сдаваться не собираюсь. И не хочу даже слышать, что это делаешь ты.

– Джейсон...

– Я люблю тебя, – растеряно произносит он, – и именно поэтому боюсь навредить, а не просто ради красивого слова.

Заставляю его замолчать, прижимаясь губами к его губам. Невинный поцелуй в считанные секунды перерастает во что-то яркое, чувственное. Жмусь к нему, будто языком тела говоря парню, что больше не хочу сдерживаться. И Джейсон сдаётся, не отрываясь от меня, он подхватывает меня на руки и направляется в спальню. Благо, что в студии, которую он арендует она находится недалеко. Целуемся, попутно избавляясь от одежды. И я даже не протестую, когда парень стягивает с меня футболку, под которой виднеется шов.

– Ты прекрасна, – слышится шепот, а затем я чувствую череду поцелуев на груди и это заставляет меня открыться ему навстречу. Ведь я больше не стесняюсь, Джейсон делает все, чтобы я почувствовала себя желанной.

Я купаюсь в этом чувстве до последней минуты нашей фантастической близости. Даже та боль, которая возникла, когда он вошел в меня... забылась. Каждый толчок возносил меня все выше и выше до тех пор, пока вся моя душа не расщепилась на атомы.

А после, дрейфуя в его объятиях, позволила себе ни о чем не думать. Просто лежать и слушать, как сердце Джейсона стучит рядышком со мной.

– Скоро придет один человек, – он гладит меня по спине и от этого по коже проносятся мурашки, – он поможет тебе

с телефоном.

– Он будет делать это прямо здесь? – приподнимаюсь на одном локте и смотрю на него.

– Я подумал, что ты вряд ли отдашь его в чьи-то чужие руки и захочешь проконтролировать процесс.

– Надо же, – усмехаюсь, – ты настолько меня хорошо знаешь?

– Хотелось бы так думать. – Джейсон тянется за бельем.

– Ему можно доверять?

– Думаю, что да. Это мой давний друг из колледжа. Тихий парнишка, в группе его часто дразнили из-за этого ботаном. А он взял и взломал как-то раз пару серверов с разной документацией. И тем самым наказал своих обидчиков, напакостив им с их правами и другими документами.

– Ты же, конечно, его не трогал.

– Конечно, – Джейсон усмехается, – зачем мне это? Хороших людей видно сразу, так зачем над ними глумиться?

Дверной звонок оживает и парень помогает мне накинуть его халат, а сам потом спешит открыть двери. В студии появляется незнакомец с ноутбуком в руках.

– Привет, – здороваюсь я с ним.

– Привет, – кивает он головой в ответ. – Времени мало, где объект?

– Держи, – подаю ему телефон Кими, – а это разве все, что тебе нужно? Я думала, что ты приедешь с горой всякой аппаратуры.

– В эру цифрового и технологического прогресса, все это ни к чему. Нужные мне инструменты вот здесь, – он тычет в лэптоп, а затем себе в голову, – и вот здесь.

– Кофе будешь? – спрашивает у него Джейсон.

– Конечно. Кофе и минут пятнадцать тишины. – Выдвигает требования хакер.

– Аллегра, пойдем, – мой парень тянет меня за руку в сторону кухни. – Не будем мешать.

– Он... странный малый, – пристально наблюдаю за тем, как пальцы парня порхают над клавиатурой.

– Так можно сказать о каждом. – Джейсон протягивает мне чашку с чаем, а сам берет другую с кофе, чтобы отнести нашему гостю, – кстати, время уже позднее, ты бы позвонила маме и предупредила, что останешься у меня.

– Блин! – округляю глаза. – Это ты виноват!

– Ты была не против, – он уворачивается от брошенной мною салфетки и смеется.

Мама, конечно же, была не в восторге. И я ее понимала, но позволила себе напомнить ей, что я далеко уже не маленький ребенок.

– Аллегра, иди сюда, – слышится зов Джейсона и я спешу закончить разговор с родителями.

– Смотри, – он указывает на монитор.

– Получилось? – вглядываюсь в экран и не верю своим глаза.

Перед нами открыты все файлы, которые Кими сохраня-

ла на облаке. Кажется, там несколько сотен фото и видео. И приходится долго рыться в этом мусоре, пока на глаза не попадается нечто стоящее. Сначала это была запись обкуренного Майка, который был настолько под кайфом, что разговаривал сам с собой и Кими это зачем-то снимала. И там отчетливо было слышно, как именно он собирался устранять очередную девчонку и где у него находятся компроматы на остальных. Следом находится файл с их сексом. И датирован он несколькими днями ранее до аварии. Последнее видео ведется из машины и почему-то у меня возникает ощущение, что заснят тот роковой день. Кими снимает дорогу и подпевает орущей песне в салоне. Затем виднеется знакомый особняк Алленов и далее следует странный диалог. Голос Аарона утверждает, что они оба под кайфом и просит сесть за руль, но его не пускают. В этот момент Кими забывает о съемке и откладывает телефон камерой вверх, успокаивая парня. Оставшуюся поездку мы видим черный потолок машины, но слышим абсолютно все. Аарон знал, что они творили за его спиной. А Кими и Майк так бездарно ввали, что шансов выйти сухими из этого дерьма у них вряд ли получилось бы. Телефон чуть смещается и перед нами появляется девушка, которая хлещет спиртное прямо из горла. А дальше... дальше ей становится плохо. Бутылка падает из ее рук и Кими заваливается на бок, накрывая собой телефон. И тут же, через секунду после возгласов слышится этот страшный звук. От которого мы с Джейсоном вздрагиваем.

– Они врезались, – шепчет он, сжимая пальцы на спинке стула.

Кажется, что та тишина на экране будет длиться вечность. Но нет. Кими кто-то дергает и орет ее имя. Затем виднеется лицо Майка и оно все в крови.

– Мать твою, Кими! – он трусит девушку, но та не подает никаких признаков жизни. – С*ка! С*ка! Что делать?! Что делать?! Мне нельзя... мне нельзя в тюрьму... Точно... меня здесь не было...

Он скрывается и больше не появляется вновь. И видео обрывается через пять минут после этого. Смотрим с Джейсоном друг на друга и в этом молчании есть пугающее нас понимание одного факта.

– У нас есть прямые доказательства того, что Аарон не виновен в аварии, – озвучиваю его.

– Я этого Майка зарюю в его собственном саду, – рычит Джейсон.

– погоди! – едва успеваю схватить его за руку. – Есть другая возможность наказать его и при этом сделать это правильно.

– Какая?

– Нам надо к моей маме, – тянусь к флешке и всовываю ее в лэптоп, – она поможет открыть дело против Майка Бэнсона. Пожалуйста, послушай меня в этот раз и сделай так, как я говорю. Доверься мне.

И он кивает головой, соглашаясь со мной. Вручив деньги

озадаченному хакеру, срываемся ко мне домой, чем переположили родителей. В отличии от папы, мама мигом схватывает все налету. Еще раз вместе с ней просматриваем видео.

– Дело будет тяжелым, – в маме говорит юрист, – помимо этого нужны еще свидетели.

– Я найду их, – горячо подхватываю.

– Тебе незачем туда лезть, – осаждает она меня.

– Есть. – Возражаю. – Если бы не Аарон, я бы стала такой же жертвой Майка. Так что я тоже дам показания.

По маме сразу видно, как она меняется. Из просто обеспокоенного родителя, она превращается в разъяренную львицу, готовую защитить свое дитя.

– Вот что мы будем делать, – командует она, – сейчас всем спать. Завтра начнем собирать свидетелей, чтобы они согласились письменно зафиксировать показания. Я не смогу вести дело, где замешана моя дочь, но у меня есть один очень хороший человек, который поможет нам посадить этого гада. Завтрашний день – переломный и очень сложный. Расходимся по комнатам. Джейсон, я постелю тебе в гостиной.

– Спасибо, но вряд ли мне удастся сегодня уже уснуть.

– Понимаю, – она кивает головой, – но всем нужны силы. Особенно вам, потому что Аарона снова вызовут в суд.

– Я как раз об этом думаю и не могу себе представить его реакцию. – Честно отвечает парень.

– Мы сначала соберем базу, от которой будем отталкиваться в дальнейшее и в самую последнюю очередь затронем

его. Так что у тебя будет время, чтобы мягко его подготовить к этому. – Мама похлопывает его по плечу и тянется к папе. – Всем спокойной ночи.

Но ночь такой не была. Как и утро. В рекордное количество времени наш дом превратился в какой-то штаб. На кухне обосновались мамины коллеги и сами родители. Мы в гостиной встречали девушек, которые робко стучались в нашу дверь. Спасибо Стелле, которая тут же отозвалась мне на помощь и стала одной из первых, кто дала показания. Тем самым, задавая боевой настрой для всех остальных. Майк Бэнсон оказался той еще тварью, которая заслуживала наказания. Истории девушек шокировали и пугали.

– Ты в порядке? – Джейсон обнимает меня.

– Мне жутко от того, что такой монстр ходит среди нас. – Качаю головой. – Ты звонил домой? Где Аарон?

– Они с Эйпом в больнице. Какие-то обследования.

– Это хорошо, – на автомате соглашаюсь с ним, – пусть пока побудет подальше от нас, чтобы до него ничего не дошло.

– Аллегра? – пререзает легкий гул голосов в гостиной мамин голос.

– Что? – смотрю на ее перепуганные глаза и сжатый в руках мобильный. И до меня не сразу доходит, что это телефон, который мне выдали в больнице. – Что случилось?

– Появился донор, – выдыхает она, – тебе сегодня пересаживают сердце.

В доме воцаряется мертвая тишина. Мне кажется, что я

ослышалась и только крепкие руки Джейсона удерживают меня от падения. Все мысли тут же испаряются и их место заполняет страх.

– А что... что если все пройдет неудачно? – шепчу онемевшими губами.

– Все будет хорошо, – успокаивает меня парень. – Собирайся.

– А как же дело?

– Сейчас это неважно, – мама тоже оказывается рядом. – Милая, нам надо в больницу.

Если бы я была хотя бы капельку внимательнее, я бы обязательно заметила бы слезы в ее глазах, которые она так тщательно отводила. Если я поумерила бы свою эгоистичность и не позволила бы мыслям о собственной персоне взять верх, я бы поняла, что что-то не так. Я не списывала бы побледневшее лицо Джейсона только на свой счет. Я бы услышала, что буквально через минуту после начатых сборов, ему позвонили. И он буквально осел на ступеньки перед входом.

– Мама, там Джейсон... – хочу вылезти из машины, но она не дает этого сделать.

– Милая, – она с невероятным упорством тянет меня обратно. – Доченька, ему нужно время. Дай ему время.

А еще потом думала, для чего оно ему? Он ведь был готов к моей операции. А оказалось, что нет. Не готов. И не к ней.

Год спустя

33 . Аллегра

– Суд признает Майка Бэнсона виновным и приговаривает его...

Дальше ничего не слышно. Во-первых, из-за шума, который поднялся в зале суда. Радостные восклицания разбавлялись истошными воплями отца Майка, обещавшего скорую расправу над всеми, кто был причастен к суду. Но это уже больше походило на рев раненного животного, чувшего скорую кончину.

– Милая, все хорошо? – мама ласково поглаживает меня по спине.

– Да.

– Ты уверена?

– Да, – киваю головой в знак согласия.

– Осталось совсем немного, – зачем-то комментирует она.

Но я знаю это и без нее. Следом за Майком приговор зачитывают и Рут. Она идет по делу, как соучастница. Ее мать падает в обморок, когда девушку проводят мимо в наручниках. Вот и все. Правда восторжествовала. Но какой ценой?

– Мне надо прогуляться, – шепчу, когда мы покидаем помещение.

– Давай не сегодня?? Аллегра, ты и так почти каждый месяц «прогуливаешься».

– Мам, – кидаю на нее рассерженный взгляд и она замол-

кает.

– Эй, Аллегра, – Стелла и несколько девушек окружают нас неплотным кольцом, – мы хотели сказать тебе спасибо.

– За что?

– Как за что? Если бы не ты и твоя мама, мы бы никогда не решились на этот шаг, – Стелла крепко сжимает мою ладонь. – Мы благодарны тебе. Очень.

– Я рада, – выдавливаю улыбку.

– Хорошо... что ж, пожалуй, мы не будем задерживать вас. И, Аллегра, просто знай, что ты можешь обратиться ко мне в любую минуту, когда тебе это будет нужно. Я у тебя в долгу.

Молча киваю и они расступаются, пропуская дальше. Но на улице нас ожидает очень неприятный сюрприз в виде отца Майка.

– Ты! – орет он, тыча в меня пальцем.

– Охрана! – одновременно с ним выкрикивает мама и это спасает.

Двое мужчин в униформе тут же оттесняют беснующегося мужика в сторону и не дают ему добраться до меня.

– С*ка, это ты! Ты виновата!

– Мистер Бэнсон, вам лучше сохранять молчание, – прыгает рядом его адвокат.

– Послушайте его, – киваю на плюгавого мужика, – иначе загремите за решетку следом за сыном.

– Малолетняя тварь! – Не понимает тот. – Если кто и ока-

жется там, то только ты!

– Мне там делать нечего, а Майк, – терпение на нуле, – заслужил свое наказание! Это он, а не я опаивал девушек и трахал на камеру. Это он, а не я занимался вымогательством и шантажом. Знаете, на что он толкал этих девчонок? Некоторые из них до сих пор не оправились от шока и стыда! А пару человек и вовсе угодили в больницу. И до всего этого довел ваш сын! Но если вам этого мало, то могу предоставить коллекцию, которую хранил и пересматривал ваш сынок. Может быть тогда вы поймете, что вырастили больного ублюдка?!

Я бы еще больше высказала, но мама чуть ли не силой затаскивает меня в машину.

– Господи, Аллегра, – выдыхает она, трогаясь в путь, оставляя зал суда и папашу Майка далеко позади, – о чем ты думала?

– Об Аароне! – огрызаюсь в ответ и в машине тут же воцаряется тишина.

– Милая, – мама сворачивает на другую улицу, – не надо так. Не едь.

– Я хочу рассказать ему, пусть знает, что он пропустил.

– Давай все же не сегодня. Ты и так пережила огромный стресс.

– Я хочу с ним поговорить! Неужели так трудно взять и просто отвезти меня к нему?

– Хорошо, – мама понимает, что спорить бесполезно.

Остаток пути мы преодолеваем в полном молчании. Смотрю на мелькающий пейзаж за окном и с каждой милей, чувствую нарастающий мандраж. Каждая новая встреча с ним после операции как в первый раз. Руки потеют, внутри все подрагивает. К сожалению, в последнее время виделись мы не так часто, как хотелось бы. Слушания, дача показаний, медицинские обследования... все это отнимало много времени и ресурсов.

– Мы на месте, – она притормаживает у знакомых ворот.

– Спасибо. – Благодарю ее. – Не жди меня, я потом вызову такси.

– Хорошо, – тихо отвечает она. – Передай Аарону от меня мои благодарности. Еще раз.

Киваю головой и выбираюсь из машины. Прохожу по протоптанной и заученной тропинке вглубь и с каждым шагом, все переживания отходят на задний план. Так всегда бывает, когда я оказываюсь рядом с Аароном. У нас с ним все-таки одна душа. И вот уже год, как одно сердце.

– Привет, Аллен, – касаюсь роскошного надгробия, – я сощурилась. Ты даже не представляешь, что сегодня произошло...

34. Аллегра

Ровно год назад мы с ним существуем раздельно. Я здесь, а он там... где-то на небесах. И это отдаёт тупой болью в груди. Прикладываю ладонь к тому месту, где проходит шов и качаю головой. Я не знала, кто был донором. Да и не до того было. Период восстановления был окрашен красным цветом риска. В эту группу входило все: тотальный контроль нового сердца, отсутствие посетителей, полная изоляция в стерильных условиях. Иногда мне казалось, что мне можно только моргать, дышать и есть. И все это время я держалась благодаря незримой поддержке близких и... письмах от Аарона.

Он высчитал абсолютно все. Вывел среднее количество дней, которые человек находится в больнице после операции. И почти каждый из них я получала по письму, которые мне передавала мама через медсестер. Он писал, что очень скучает. Рассказывал множество смешных и, бывало, грустных историй из своей жизни. И в каждом из них, в конце, неизменно ставил подпись:

«Моей душе и сердцу»

Аарон создал прекрасную иллюзию того, что он живет и дышит параллельно со мной. А я верила это и считала дни до момента нашей встречи. Потом подключилась Лея. Она прилетела ко мне сразу же, как только ко мне допустили посетителей. Щебетала так много о всякой ерунде, что иногда

у меня начинала раскалывать голова. Затем были родители. И уже в конце Джейсон. Вот именно с его появлением вся эта красивая ширма начала медленно распадаться. Я не видела того парня, который так неумело признался мне в любви. Он был холодным и отчужденным. И каждую нашу встречу смотрел на меня так, как будто я кого-то убила и он не знает, почему я все еще дышу.

– Почему Аарон до сих пор не приехал? – заглядываю в его глаза и пытаюсь найти хоть что-то, что успокоило бы меня.

– Он... на лечении. – Откашливается Джейсон.

– Он согласился на операцию?

– Да, – парень отворачивается, якобы чтобы рассмотреть что-то на стене. – Расскажи лучше о себе. Как ты?

– Я? – округляются мои глаза в удивлении. – Джейсон, что происходит? Чего ты мне недоговариваешь?

– Все в порядке.

– Нет, – хватаю его за руку и не даю уйти. – Не в порядке и я это чувствую.

– Слушай, – замечаю, как его губы дрожат, – мы поговорим позже, хорошо? Мне надо ехать.

– Куда? – не отпускаю.

– Черт, Аллегра, отцепись от меня! – парень пытается стряхнуть мою руку, но безрезультатно.

– Нет, – в очередной раз отказываю ему. А потом обращаю внимание на его слишком официальный вид. Черный

строгий костюм, который Джейсон ненавидел надевать. Он всегда шутил, что в нем только на похороны и не более. – Куда ты собрался?

– По делам.

– По каким?

Он не выдерживает. Что-то настолько четко ломается в нем, что это даже видно. В глазах пустота, в голосе могильный холод:

– Еду к родителям на обед в честь Аарона. Сегодня ровно сорок дней, как его нет с нами.

Я хочу задать вопрос, но он застревает в горле. Открываю рот и тут же его захлопываю, наблюдая за тем, как в глазах Джейсона разливается боль. На автомате поднимаю руку и нащупываю грубый и пока свежий шов.

– Он... – вдыхаю порцию воздуха, но его как будто нет. – Письма...

– Его больше нет, – Джейсон опустошенно повторяет эту фразу вновь. Будто сам до конца не верит.

– Моей душе и сердцу, – шепчу те слова, которые наконец-то наполняются смыслом. – Сердцу...

– Не смей, – внезапно Джейсон крепко сжимает мое запястье до боли. – Не смей его угробить. Забрала – береги. Храни! Иначе я тебя не прощу!

Последняя фраза неприятно оседает на каждом предмете палаты. И в каждой клеточке моей души.

Знаете, очень сложно горевать, когда тебе нельзя нервни-

чать. Когда под запретом даже слезы. Мне приходится заморозить свои чувства до лучших времен. Сделала вдох – выдох и превратилась в человека. Нет, в работа с одной целью – выжить. Это уже потом, спустя многие месяцы, когда я оказалась на могиле Аарона, позволила себе выплеснуть все горе.

...Обещай, Аллен, что мы будем всегда рядом друг с другом...

...Обещаю...

– Ты обещал, – уже не вою, как в первые разы, но неустанно повторяю эту фразу. – Но ты выполнил это обещание неверно. Не таким образом ты должен быть рядом. Не таким...

Эта боль до сих пор со мной. Она не такая яркая, но по-прежнему ноющая. Ведь я вижу его везде и всюду. Перечитываю его письма, прихожу сюда каждый месяц. И чтобы окончательно не сойти с ума, провожу длительные разговоры с пустотой. Иногда это спасает. Иногда я даже будто слышу язвительные комментарии Аарона рядом. Представляю, как он крутит каждый раз у виска, когда я, заливаясь смехом, рассказываю ему что-то смешное. Но мне это нужно. Эффект облегчения дают только походы на кладбище, а не часовые визиты к психотерапевту.

– Я знал, что найду тебя здесь, – слышится голос и я вскидываю голову вверх, встречаясь взглядом с Джейсоном.

Мы не общались с ним с того момента, как он сообщил

мне о смерти Аарона. Держали дистанцию друг от друга даже тогда, когда в редкие моменты встречались здесь. Ожидали в стороне и только потом менялись местами, когда кто-то уходил.

– Привет, я уже собиралась уходить, – двигаюсь с места, но он останавливает меня.

– Не надо. Побудь... побудь со мной здесь. – Просит Джейсон и это заставляет меня замереть.

Мы оба стоим рядом и едва уловимо касаемся друг друга предплечьями. Молчим. Смотрим на надгробие и молчим.

– Слышал, что слушание завершилось в вашу пользу? – спрашивает он, не поворачивая головы в мою сторону.

– Да, Майка посадили, – киваю, – и ему не поможет даже его папаша.

– Отлично. Думаю, Аарона бы устроил такой расклад. – Грустно произносит Джейсон и все же смотрит на меня. – Но сначала бы он орал на нас, что мы влезли без его ведома.

– Безусловно. – Поддерживаю его, на секунду предаваясь воспоминаниям. – Возможно, он бы даже с кем-то перестал общаться. Снова бы надумал тысячу и одну причину, почему нужно закрыться в себе и никого не подпускать.

– Это у нас семейное, – соглашается Джейсон и трет переносицу, – отдалять тех, кого любим и кого хотим защитить. Аллегра, прости меня...

– Не надо, – поднимаю руку ладонью вверх, – не стоит. Знаешь, я долго думала о том, а как бы я поступила на твоём

месте. И знаешь, все было бы так же, как есть сейчас. Я не виню тебя ни в чем. Я понимаю, что ты чувствовал все это время. Иногда мне самой кажется, что я убийца. Если бы я тогда остановилась, мне бы не стало плохо. А это в свою очередь, не заставило бы Аарона так поступить.

– Ты не права. – Отзывается его брат. – Мне потребовалось много времени, чтобы понять некоторые вещи. И одна из них заключается в том, что твоей вины здесь нет. Аарон... мы же все понимали, к чему все идет, но продолжали делать вид, что все хорошо. Он один набрался смелости посмотреть на всю ситуацию без эмоций. Он знал, что лучше не будет. Сначала я был безумно зол на него и не мог принять его решение. В голове не укладывалось то, что он просто перестал существовать. Какие бы у нас ни были отношения в последнее время, я все же его любил. Но посчитал его эгоистичным козлом, который даже не дал с собой проститься. Бесновался и отыгрывался на всех, в том числе на тебе. Нет, я бы сказал, что особенно на тебе. Ведь ты...

– Ты тогда сказал, что я забрала его сердце, – вздыхаю и запрокидываю голову вверх, чтобы не заплакать. – Ты оказался прав.

– Я ошибся и в этом, – Джейсон осторожно касается моего лица и заставляет посмотреть прямо ему в глаза. – Не хотел признавать очевидный факт. Аарон был безумно в тебя влюблен. Даже больше, чем я. И его поступок – прямое доказательство. Ты ничего не забирала, это все он... он сам пода-

рил тебе свое сердце. Возможно, сам того не осознавая, еще при вашей первой встрече. Знаешь, а ведь он написал мне прощальное письмо и только благодаря ему, я посмотрел на ситуацию несколько иначе. Я возгордился своим маленьким младшим братом. Он оказался сильнее меня по всем параметрам. И к своему огромному сожалению, не могу сказать о себе так же. Я бы так не смог поступить, как он. Во мне преобладает трусость...

– Ты просто не в том положении, в котором был Аарон. Люди, оказавшиеся в такой ситуации, мыслят иначе. Знаешь, как то раз он сказал, что человечество похоже на мелкие звезды на небе. И им, как и людям, свойственно умирать. Они просто гаснут и никто этого не замечает. А он не хотел так гаснуть. Он хотел быть похожим на яркую комету, след которой все бы помнили. И Аарон добился этого, когда пожертвовал себя и спас жизни нескольким людям. Если бы не его согласие быть донором, если бы не его твердость в последнем шаге... нас бы не было. Вот к чему я все чаще прихожу. Но эти мысли до сих пор не хотят до конца прижиться...

– Это потому что мы скучаем по нему.

– Безумно, – соглашаюсь с Джейсоном и отворачиваюсь.

Скольжу взглядом по надгробию и датам. И, как обычно, почти гипнотизирую внизу еще одну гравировку. Знак бесконечности. Нашей вечности. Он даже здесь как будто клялся мне в том, что его обещание выполнено. Столько време-

ни прошло, а я до сих пор не могу поверить в случившееся. Аарон... паршивец... все спланировал. Заверил официально свою последнюю волю, нашел людей, которым можно еще помочь органами. Поговорил с моей мамой втайне от меня и передал ей письма. Вот что она имела в виду, когда просила дать время Джейсону. Она знала, что новость о кончине брата тяжело ему дастся. Но, как и старший брат, я долго злилась на него за это решение. Не понимала, почему Аарон захотел уйти именно в тот день ровно до того момента, пока не решила увидеться с Эйпом.

... – Он страдал, – медбрат впервые при мне закуривает. – Я видел, как боли терзают его изнутри и ничего не мог ему дать, кроме очередной дозы морфия. Но, даже в забытьи, Аарону было плохо.

– Ты... ты помнишь этот день? Каким он был тогда? – Прошу Эйпа поделиться своими воспоминаниями. – Мне, правда, нужно знать.

– Ну, – он выпускает сизый дым изо рта и устраняет свой взгляд вдаль, – утром пришли бумаги, которые ему наконец-то официально заверили. Система здравоохранения запутанная штука и, казалось бы, исполнение простого желания стать донором затрудняется кипами документов. Сначала были анализы и пробы, врачам надо было сравнить показатели Аарона с твоими. Затем обязательный комитет, который рассмотрел это дело. Если бы Аарон дал согласие раньше, когда сдавал на права, то было бы все про-

ще.*

– Показатели сошлись. – Сглатываю.

– Да, – кивает он, – документы оформлены, письма написаны. Я видел, что последние даются ему тяжело. Как морально, так и физически. Физически даже более. Знаешь, я видел многое за свою практику. Там были и выздоровления, и смерти. И относился к этому ровно. Это моя работа, за которую мне платят. Но с Аароном я позволил себе проникнуться его драмой. Ему было больно, но он так держался... Только когда сказали, что весь организм изнашивается, как в прочем и сердце, я увидел твердую решимость в его глазах. Он так хотел, чтобы оно досталось тебе нетронутым и сильным. И в тот день, я пошел на поводу у своих личных чувств. Он никогда не говорил, как именно планирует уйти. И я дал ему самый простой выход.

– Как... – не могу закончить вопрос из-за слез.

– Я впервые оставил сумку с лекарствами у него в комнате и вышел оттуда. А до этого четко рассказал, какой именно препарат и в какой дозировке погрузит его в кому. Остальное, Аарон сделал сам. – Эйп тяжело вздыхает. – Я не считаю себя Богом, Аллегра, как и убийцей. Я помог ему оборвать этот замкнутый круг, понимаешь? Никто не видел его страданий в полной мере, как я. И я больше не мог на это смотреть. Ровно через одиннадцать минут я поднялся наверх и он уже спал. А рядом лежал пустой шприц и записка, в которой он просил не винить меня в неосторожно-

сти и всю вину брал на себя. Когда его доставили в больницу, мозг был мертв и для хирургов это был сигнал к действию. Дальше ты уже сама все помнишь.

Из груди вырывается всхлип и я зарываюсь лицом в ладони.

– Но что касается самого Аарона, – Эйп тушит бычок об урну. – Он был спокоен в тот день. Так выглядят люди, которые чувствуют приближающуюся свободу. Помни только это, Аллегра. А остальное... отпусти.

– Спасибо, – благодарю его за тот свет, который он пролил для меня. И за то, что он помог Аарону сделать этот шаг.

– Прости, но мне нужно идти.

– Ох, это ты прости, – смахиваю влагу с ресниц, – скорее всего ты спешишь на работу, а я пристала к тебе с этими вопросами.

– Аллегра, – Эйп грустно улыбается, – я больше не медбрат.

– Почему? Тебя все-таки отстранили?

– На какое-то время. Все же с моей стороны была допущена халатность, когда я типа оставил наркотические вещества без надлежащего присмотра. Но записка Аарона сделала свое дело и вскоре меня пригласили вновь на работу. А я отказался. После Аллена я больше не хочу наблюдать за чьими-то страданиями.

И я понимаю, что он хочет сказать. В душе каждого из

нас, Аарон оставил очень глубокий след. И теперь каждому с этим жить...

– Я скучал и по тебе, – слышится голос Джейсона и я вынырываю из воспоминаний.

– Я тоже, – нет смысла этого скрывать.

Мы ведь просто поставили отношения на паузу, каждый переживая утрату по-своему. Но «мы» никуда не делись. Нам до сих пор тяжело, но мы больше не хотим тянуть это в одиночку.

– Как ты? – Джейсон первый переплетает наши пальцы и крепко стискивает.

– Уже лучше. А ты?

– Вот в поисках помощницы в кофейню. Не знаешь хороших людей, которым бы была интересна эта вакансия?

– А хозяин все еще остается мудаком? – вспоминаю свое первое впечатление о нем, но уже с улыбкой.

– О, да, тут ничего не изменилось, – Джейсон переходит на заговорщицкий шепот. – Мне даже кажется, что он стал еще хуже.

– Надо это исправлять.

– Поможешь? – Он тянет меня в сторону своей машины.

– Ну, можно попытаться, – бросаю прощальный взгляд назад на надгробие.

Я никогда словесно не прощаюсь с Аароном. Мне незачем этого делать, ведь он теперь навечно со мной. Во мне. И я знаю, что Джейсон не будет против этого. Ведь у него с

Аароном тоже была и есть своя братская «вечность».

– Как думаешь, у нас все получится? – парень останавливается перед машиной и мы оказываемся лицом к лицу. – Без него?

Возможно, для кого-то этот вопрос покажется странным. Но для нас он имеет совершенно иной подтекст. Аарон никогда не был третьим лишним в этих отношениях. Удивительно и немного странно, но у нас был замечательный союз из троих человек. А сейчас нам предстояло сделать первые шаги без него и это нас пугало.

– Мы будем стараться, – тянусь к его губам и оставляю на них невесомый поцелуй. А затем поднимаю глаза к небу и мысленно говорю:

Спасибо.

И очень надеюсь, что где-то там, наверху, Аарон смотрит на нас и все слышит. Так же отчетливо, как я сейчас слышу биение нашего с ним сердца.

Навечно.

Конец.